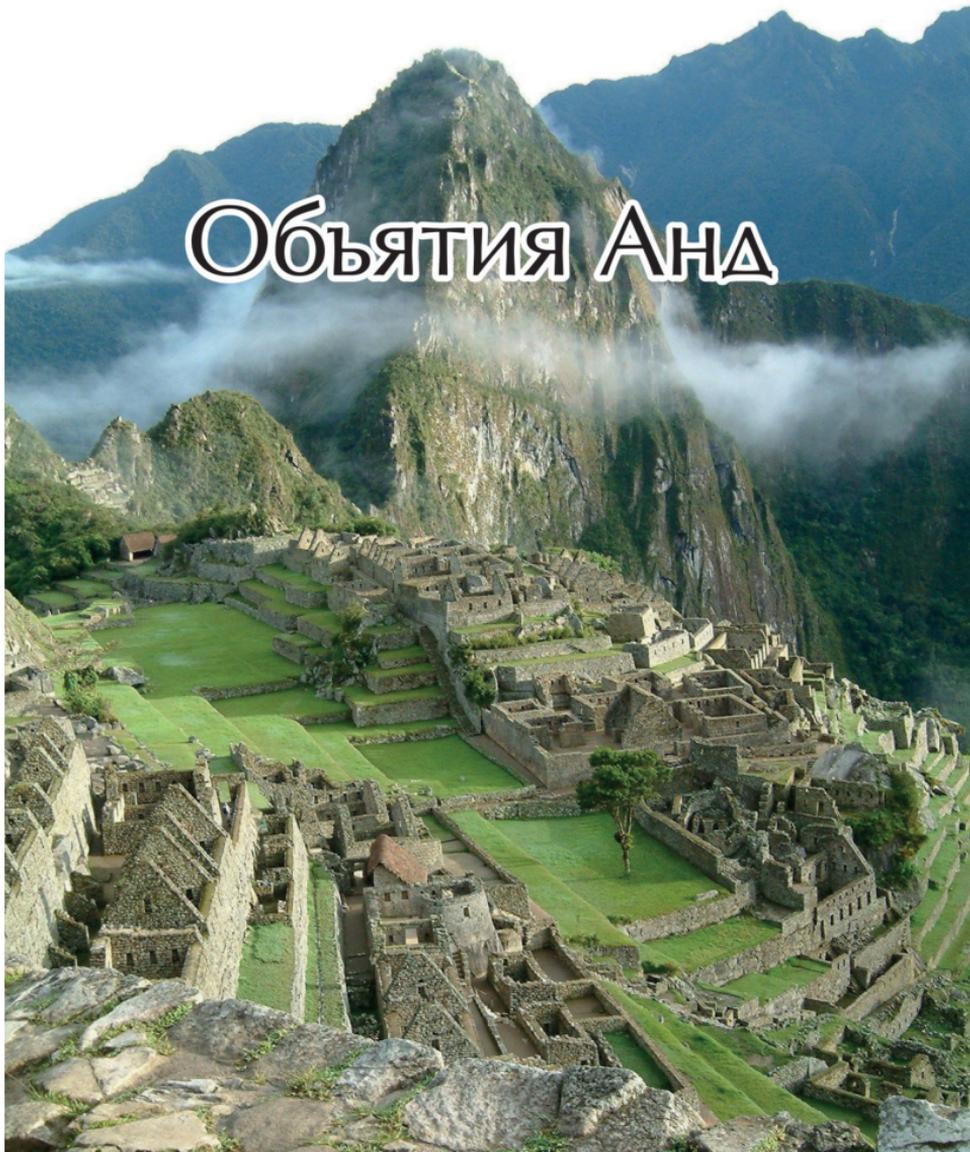

Л. Леонидов

Объятия Анд

Леонид И. Леонидов

Объятия Анд

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69510610
Объятия Анд: Издательство «Перо»; М.; 2022
ISBN 978-5-00204-185-5

Аннотация

Леонид Леонидов выпускник Кремлевского военного училища. С отличием окончил Дипломатическую Академию МИД СССР. Владеет пятью иностранными языками. Работал в странах Северной и Южной Америки, на Балканах. Имеет государственные награды. Автор выражает особую благодарность за помощь в подготовке книги своей супруге Наталии, а также друзьям и сослуживцам, поддержавшим эту затею.

Содержание

Часть 1. Океан пустыни

5

Часть 2. Объятия Анд

106

Леонид Леонидов

Объятия Анд

© Леонидов Л. И., 2022

Часть 1. Океан пустыни

Март 2020 года, небольшой городок на Средиземном море в Турции. Сидим на карантине. Время повспоминать и поразмышлять. А вспомнить есть о чем. Жизнь и работа сложилась так, что по служебным делам приходилось находиться и работать в разных странах, в Европе, на Балканах и на американском континенте. Было множество встреч с людьми разных национальностей и профессий. Иногда складывались нестандартные ситуации, при которых неопределенность и неожиданность порождали чувство страха и паники. С другой стороны, бывали эпизоды, которые до сих пор вызывают смех и улыбку. О некоторых случаях из реальной жизни хотелось бы рассказать в этом небольшом сборнике, озаглавленном «О недавнем прошлом». Кстати говоря, во всех моих поездках, меня сопровождала любимая жена Наталия, сыновья Василий и Леонид, а при работе на Балканах – верный доберман Макс.

Хочу заметить, что, в силу разных причин, некоторые вещи не будут называться своими именами. А любые совпадения с реальными персонажами являются случайными.

Сгущались сумерки, ветер усиливался и гнал тучи песка то справа, то слева, а то и в лицо, так что видимость была не более метра. Он знал, что прямо по курсу, метрах в трехстах, должен быть оазис, где можно получить кров и переждать

песчаную бурю. Он пытался идти в этом направлении, но ноги так увязали в песке, что, шагнув одной ногой вперед, требовалось большое усилие, чтобы вытащить из песка другую ногу. От сильной нагрузки дышать становилось все труднее и труднее, появилась дрожь в руках, и усилилось чувство паники. Мелькнула мысль: «Не вернуться ли к Панамериканскому шоссе...», но туда было более километра. Продолжал идти вперед, но оглянувшись назад, он не увидел своих следов. «Буря не могла их так быстро стереть, что я, стою на месте? Наверное, я не дойду.» Вдруг темное небо озарилось вспышкой. И он увидел, что находится рядом с оазисом.

– Ура? Я сделал это? – крикнул он. Вступив на твердую почву, он увидел внизу группу людей. «Прыгай сюда, сеньор, мы тебя поймаем!» ...И он прыгнул, но эти люди почему-то не приближались, а удалялись. Руки и ноги стали задевать выступы скалистого холма, и, оцепенев от страха, он понял, что летит с отвесной скалы. Дно каньона стремительно приближалось, столкновение было неизбежным. Он отчаянно заорал матом...

«Алексей, ты что творишь, в соседней комнате дети!» – дернула за плечо его жена. Он встревоженно присел на кровати и растеряно стал крутить головой из стороны в сторону, в глазах читался страх и непонимание происходящего.

– Ну, ты проснулся, наконец?» – спросила жена. «Что случилось, давно тебя таким не видела?»

Да, вот приснилась та история в пустыне, к чему бы это?

Какая история? спросила жена.

Ну, помнишь, когда мы работали в Южной Америке в первой командировке, я участвовал в ответственной миссии с известным биологом.

Да, дорогой, припоминаю.

Она нежно обняла его и прикоснулась щекой к его щеке.

Здесь он вконец расслабился. Закрыв глаза, и воспоминания хлынули как ниагарский водопад.

А дело было так: тогда он работал в одном из советских представительств далекой южноамериканской страны.

Чуть забрезжил рассвет. Из раскрытого окна доносилось утреннее пение птиц. На улице Санта Крус постепенно нарастал поток машин. Слышались звуки передвигающихся велотележек уличных продавцов фруктов. Издалека доносился рев двигателей заходившего на посадку пассажирского самолета в столичном аэропорту. Пронзительная сирена скорой помощи или полицейской машины вконец разбудили его.

Он встал, посмотрел на часы, было шесть тридцать утра. Подъем в это время стало его многолетней привычкой. Сделав легкую гимнастику, размяв мышцы и суставы, умывшись ледяной водой, он надел спортивную форму и вышел на улицу. Это были годы бума бега трусцой. Два австралийца написали книжку о пользе бега (шутники называли это – бегом от инфаркта), идеи которой как короновирус-19, распространились на весь мир.

По утрам и вечерам на улицы выходили миллионы людей для бега трусцой. Этим «вирусом» заразился и наш герой.

Он подъехал к Гольф-клубу, расположенному в живописном месте, на территории в пятьдесят гектар. По периметру росли высокие кокосовые пальмы, банановые деревья, гирлянды бугенвиллий оплетали трехметровый забор. Стая, примерно из тридцати диких попугаев, перелетая от пальмы к пальме, создавала экзотический саундтрек. Как и во всем мире, этот клуб был закрытым частным заведением, его членами являлись крупные олигархи и политики. Кроме гольфа, клуб был местом совершения крупных сделок и планирования политических интриг.

Пробежав примерно около пяти километров, он поехал домой. После утреннего туалета и легкого завтрака, состоявшего из фирменного салата: папайя, ананас, банан, и чашки крепкого кофе, пришло время отправляться на работу. Скоростной лифт быстро спустился на пятый уровень подземной парковки, с которой уже жильцы дома выезжали по своим делам.

Возле его машины суетился мойщик, завершая последние штрихи уборки. Фольксваген «Амазон» сияла как новенькая в дилерском центре.

– Как дела, амиго? Какие новости в вашем «пуэблос ховенес» (так назывались бедные кварталы)?»

– Вы знаете, сеньор, позавчера в нашем квартале заметили передовую группу герильерос из «Сендеро лу минос».

Видимо, готовится какая-то крупная акция. Мы с соседями думаем, что это будет крупный «апагон» (подрыв высоковольтных линий). Это случится, скорее всего, накануне или в новогоднюю ночь.

Озадаченно посмотрев на мойщика, он поблагодарил его за информацию и заплатил двойную цену за уборку автомобиля.

«Амазон» плавно двинулся с места и накрутив пять кругов подземки, выехал на оживленную улицу. В зеркало заднего вида он заметил, как следом за ним двинулся серый Фольксваген «Жук».

– Давно их не было, подумал он. Медленно двигаясь в пробке, он периодически поглядывал в зеркало заднего вида, но картина не менялась. Въезжая на территорию представительства, он увидел, как «Жук» свернула в соседний переулок.

В те годы, апогея холодной войны, за советскими представительствами велся контроль не только со стороны местных спецслужб, но и частными бригадами, нанятыми американцами и англичанами. Особенно наблюдение усилилось после того, как советский «Миг» сбил южнокорейский самолет – нарушитель. И эта южноамериканская страна не была исключением. В адрес сотрудников посольства и других представительств поступали угрозы расправы и мести за сбитый самолет. Все было не так просто. И дело дошло до реальных терактов. Но об этом позже.

Ну а сейчас, самое время сказать, почему несколько советских представительств и немалый их штат работали в этой далекой от России стране.

В конце шестидесятых годов, в результате военного переворота, к власти в этом государстве пришли, социалистически настроенные, генералы. Опуская некоторые подробности, отметим, что военное правительство быстро установило дипломатические отношения с СССР. Стали активно развиваться торгово-экономическое сотрудничество и связи в военной области. За несколько лет национальная армия почти на 70 % была оснащена танками, боевой авиацией, артиллерией и средствами ПВО советского производства. И разумеется, автоматами Калашникова. Во многих подразделениях присутствовали советские военные советники и технические специалисты. В середине 80-х годов рыболовецкий флот СССР, базировавшийся в портах этой страны, добывал в этом регионе почти 10 % всесоюзного улова рыбы, поступавшей в магазины советской страны. Конечно, все это явно не нравилось Вашингтону, и США начали активную подрывную работу. Американцы испугались возможности появления «второй Кубы».

А тем временем, Алексей уже сидел в рабочем кабинете и внимательно просматривал местную прессу перед ежедневным совещанием у руководителя представительства. В те годы центральные полосы ведущих газет пестрели громкими заголовками, в основном, по тематике терроризма. С на-

чала 80-х активизировалась террористическая группировка «Сендеро Луминосо», перенеся свои акции из горных районов в крупные города, в том числе и в столицу. Идеология этой и других группировок зиждилась на идеях социализма, троцкизма и маоизма. Но, по сути, принцип «грабь награбленное» превалировал. В столице часто раздавалась стрельба, а по ночам слышалось эхо от взрывов, происходил захват заложников с целью выкупа и т. д. Вообще, жизнь была «веселая». За короткое время благополучные кварталы, где проживало состоятельное население, были обнесены двухметровыми заборами. На въездах в эти кварталы дежурила частная охрана. Но и это всех не спасало. Многие семьи платили террористам «революционный налог» за спокойную жизнь.

На совещании у посла активно обсуждалась вероятность крупного теракта в столице, и сведения Алексея, полученные от человека из народа, пришлись кстати. Более того они окончательно убедили посла, что это произойдет в ближайшие дни, и он отдал необходимые распоряжения офицеру безопасности. Другим важным вопросом был приезд делегации ЦК ВЦСПС (профсоюзы), и обсуждались меры по обеспечению визита, в том числе и с точки зрения безопасности. В те годы СССР оказывал финансовую помощь компартиям и профсоюзам стран Латинской Америки. Компартии некоторых стран работали в условиях подполья. Периодически с ними организовывались встречи в странах региона, куда подпольщики могли легально выехать из своих стран. До Моск-

вы, разумеется, им было не добраться.

После совещания Алексея вызвал руководитель отдела. Его кабинет располагался в надстройке пирамидального вида, на крыше особняка, начала 19 века, приобретенного в собственность Советским Союзом. Здание было построено видным испанским архитектором и принадлежало местному олигарху, разбогатевшему на добыче каучука в бассейне Амазонки. Однако, в начале 1960-х бизнес рухнул, для погашения банковских кредитов потребовались немалые деньги. И особняк был выставлен на продажу. Здание располагалось на территории десяти гектаров, практически в центре старинного парка, состоявшего из нескольких рощиц бамбука, бананов и эвкалипта. На ветвях эвкалипта постоянно трещала стая попугаев. Кроме того, на заднем дворе, у бассейна, проживали две гигантские черепахи. На них было забавно смотреть во время их любовных игр. Архитектура особняка представляла собой типичный колониальный стиль: портик, опирающийся на шесть мраморных колонн, с двумя фигурами львов у парадного входа; массивные двери из красного дерева, полностью покрытые резьбой с фрагментами горных пейзажей и сельвы. Внутри фойе доминировала гигантская люстра из горного хрусталя, стены широкого коридора, ведущего в зал для приемов, украшали испанские гобелены восемнадцатого века. Парадный зал, площадью около двухсот квадратных метров, имел овальную форму с террасой, выходящей в сад. По всему периметру зал украшали пилястры с

коринфскими капителями, между которыми располагались фрески, выполненные в лучших итальянских традициях. На втором и третьих этажах были оборудованы кабинеты для сотрудников.

Сам комплекс представительства находился в двухстах метрах от океана. На высоком берегу океана работал небольшой рынок, где сотрудники и члены их семей покупали свежую рыбу, морепродукты, овощи и тропические фрукты, такие как черемойя, папайя, королевское манго, личи и т. д. При рынке функционировал небольшой ресторанчик. Его фирменным блюдом была себиче, известное еще до прихода конкистадоров. Оно готовилось из филе свежей морской рыбы, нарезанной мелкими кусочками, к которым добавлялся нарезанный синий лук, «термоядерный» перец рокото и соль. Все это заливалось большим количеством сока лайма (он нейтрализовал возможные вредные вещества, содержащиеся в сырой рыбе) и мариновалось в течение сорока минут. Гарниром к блюду был вареный сладкий картофель – камоте, и поджаренные на сковороде зерна кукурузы. Обязательной традицией была стопка виноградной водки писко. Употребление себиче сопровождалось маленькой бутылочкой пива, которое гасило «пожар» от перца рокото.

Алексей медленно поднимался по винтовой лестнице в кабинет шефа. Она всегда вызывала воспоминание у него о францисканском монастыре, который находился в старом центре города. Этому монастырю было около пятисот лет,

его построили монахи, прибывшие с конкистадорами. Интересно, что, францисканцы выполняли функцию летописцев испанских завоевателей, об этом Алексей узнал в библиотеке монастыря. Например, они первыми описали гигантское изображение трезубца на песчаном холме полуострова Паракас (современное Перу). Нынешние сторонники космогонических теорий считают, что трезубец указывает направление на космодром, находящийся в двухстах пятидесяти километрах в пустыне Наска. Рисунок, сделанный монахами, и сегодняшний вид трезубца практически не отличаются. Частые песчаные бури изображение не засыпают. Вот это загадка! Внимательные францисканские монахи даже описали источник болезни, поразившей большое количество испанцев, которые развлекались с индейскими женщинами. Они, в свою очередь, заражались от своих мужчин – пастухов. Те подолгу пасли стада лам высоко в горах и занимались с ними сексом. Позднее эту болезнь называли сифилисом.

Сам монастырь представлял собой монументальное сооружение с трехметровыми стенами, традиционным патио и глубоким подземельем. До конца восемнадцатого века часть подземелья использовалась как кладбище для знаменитых семей. До сих пор там есть ниши, полностью забитые черепами. Другую часть, в те времена, занимала Святая Инквизиция. Сейчас в монастыре находится музей инквизиции. Там экспонируется широкий набор пыточных инструментов и агрегатов, камеры для узников, в которых невозможно ни си-

деть, ни стоять. Самой страшной, по мнению инквизиторов, была пытка водой. Узника помещали спиной на стол, руки и ноги крепко привязывали, в рот вставляли специальный кляп с отверстием, через которое вливалась вода. В среднем человек может принять одновременно около трех литров жидкости. Больше количество вызывает смерть. Музей производит гнетущее впечатление. Выход из подземелья по винтовой лестнице воспринимался как подъем на свободу, шутил про себя Алексей.

Эти воспоминания промчались в его памяти, пока он поднимался по похожей винтовой лестнице в кабинет шефа. Ему импонировал шеф своей образованностью, respectable внешним видом. Его голубые глаза излучали теплоту и сразу вызывали симпатию. Ему было около 55 лет, из них, почти тридцать лет, он проработал в представительствах СССР в разных странах. Говорят, лет десять назад, находясь в одной из западных стран, он выехал за город для проведения важной встречи на машине без дипломатических номеров. За два – три километра до места встречи он заметил слежку. Чтобы не раскрыть свой контакт, изменил маршрут и стал возвращаться в город. Через некоторое время две машины взяли его в клещи и спровоцировали автостопов. Пассажиры «пострадавшей» машины обвинили его в ДТП и развязали драку. Шефа сильно избивали, и очнулся он в полицейском участке. Выяснив, что он дипломат, следователь подробно опросил о приметах нападавших и по-

обещал, что вскоре их найдут. Позднее от надежного источника стало известно, что это была месть спецслужб, за то, что шеф не доехал до места встречи с важным контактом, где планировалась грандиозная провокация. Ее целью было обвинение посольства СССР в шпионаже, и массовая высылка советских представителей. Шефа впоследствии наградили, повысили в должности, но он не любил об этом рассказывать. Единственным напоминанием об этом несчастном случае был еле заметный шрам на правой щеке, аккуратно скрытый аристократической шотландкой. Алексей также читал в служебных документах, что, примерно через месяц, после происшествия с шефом, в Москве жестко был избит хулиганами первый секретарь посольства одной из ведущих западных стран. Есть ли связь между этими событиями, он не знал, но некоторые коллеги утверждали, что это не случайность.

Заходя в кабинет шефа, Алексей, как всегда, с удовлетворением вдохнул аромат свежесваренного кофе и запах голландского трубочного табака. Его начальник был гурманом во всем: в еде, одежде и мужских аксессуарах. Его стройную фигуру плотно облегал твидовый пиджак, любил изысканные галстуки и белоснежные рубашки. Он был фанат швейцарских часов. На его правой руке элегантно смотрелись «Свис Милитар», которыми очень гордился. Это был подарок Министерства иностранных дел одной из братских стран за участие в крупном совместном внешнеполитическом ме-

роприятии.

– Ну, Алексей, присаживайся, кофе или чай? Кстати, что это у тебя за браслет на левой руке?

– Недавно прочитал одну брошюру о свойстве меди, нейтрализующее боли в суставах и нормализующее кровяное давление. Об этом, в частности, писал и академик Микулин. А еще в античные времена Аристотель изучал влияние меди на организм. Известна формула, выведенная им: «... чувствую, болит, прикладываю медь, проходит – почему, не знаю?». В середине 80-х свойства меди исследовали в разных странах мира, но дальше Аристотеля они видимо не продвинулись.

– Интересно... Спасибо, Алексей, возьму на заметку.

Шеф был сторонником здорового образа жизни: много плавал, бегал трусцой, играл в теннис. В юношеские годы занимался плаванием, был мастером спорта по плаванию. Однажды, когда семьями отдыхали на пляже «Санта Мария» он оценил профессиональное плавание Алексея и поинтересовался, где он этому учился. Тогда-то и выяснилось, что они тренировались в одном и том же бассейне ЦСК в Москве, но в разные годы. Алексей с гордостью рассказал, что играл в водное поло за ЦВСК ВМФ, его команда стала чемпионом Москвы и ВМФ.

– Так кофе или чай? – переспросил шеф.

Алексей сел за приставной столик, но с ответом замешкался.

– Ах, да, забыл, у тебя же по понедельникам суточное голодание, спохватился начальник. Совершенно, верно, вот уже несколько, лет я практикую лечебное голодание. Мне как-то дали почитать книгу американского профессора Пола Брега «Лечебное голодание». Согласно его исследованиям, продолжительное голодание при обязательном условии употребления кипяченой воды примерно в течение 30 дней может вылечить язву и даже рак. Суть в том, что без питания клетки не получают необходимые жиры, белки и углеводы. Причем здоровые клетки, чтобы выжить начинают пожирать больные.

– Я что-то об этом слышал, продолжил тему шеф, но так, краем уха.

А какие ты цели преследуешь этим голоданием?

– Рассказать Вам вкратце?

Шеф быстро посмотрел на часы и сказал:

– Есть у нас минут, десять – двенадцать, пока не принесли последние шифр телеграммы.

– Ну, все началось... Алексей откинулся на спинку стула, прикрыл глаза и ...

Скорый поезд «Москва – Севастополь» быстро набирал скорость. За окном двухместного купе проносились дачные поселки, полустанки, березовые рощи сменялись хвойными лесами, но, в основном, мелькал смешанный лес. На колхозных и совхозных полях работала техника, на километровых грядках и в яблоневых садах копошились люди. Пейзаж был

интересный, но достаточно однообразный. Алексей впервые во взрослой жизни ехал в город-герой. Он ранее был в Севастополе, когда закончил десятый класс, где принимал участие в соревнованиях военно-морского флота СССР по водному поло, играл за московский ЦСК ВМФ. Многое забылось, но единственное, что осталось в памяти, это знакомство с местной девушкой, по имени Наташа. Их короткое общение вылилось в годы интенсивной переписки, в которой первые, еще детские письма, с годами приобрели взрослое содержание. Общение посредством письма завершилось, когда девушка приехала в Москву поступать в институт. Стали чаще встречаться, пошли первые поцелуи. И, вот, он сидел с ней в купе поезда, идущего в Крым. Решили, что Алексей должен познакомиться с ее родителями.

Позади остался Перекоп, который проехали еще затемно. Город встретил их ранним мартовским утром. Молодые стояли у окна, в лучах восходящего солнца восхищаясь пещерами Инкермана, хранящих тысячелетние легенды и мифы.

Вокзал жил своей суетной и разношерстной жизнью: туда-сюда сновали носильщики с большими тележками, продавщицы цветов. Символично было видеть, как под музыку «Севастопольский вальс», всегда встречающую поезд из Москвы, проходили по перрону крепко сложенные матросы в бескозырках и морские офицеры в ладно скроенной парадной форме. На них с нескрываемым интересом заглядывались как местные девушки, так и приезжие.

Поезд еще не успел окончательно затормозить, и Наталия в окно увидела бегущего навстречу отца с огромным букетом цветов.

Пребывание в Севастополе проходило интересно. Посетили почти все музеи, особое впечатление на Алексея произвела Панорама Оборона Севастополя, блестяще раскрывающая историю обороны города в Крымскую войну 1854–1855 годов. Произведение художника-монументалиста Рубо является одним из выдающихся в мире. Другим потрясающим местом был древний Херсонес, расположенный на Гераклеяском полуострове, где в пятом веке до нашей эры греки основали первую крепость, затем там обосновались римляне, за ними византийцы. Он впервые узнал о том, что в главном Храме города в десятом веке великий князь Владимир принял христианство, женившись на византийской принцессе. Об этом подробно поведала Наташа, которая, будучи студенткой исторического факультета, несколько сезонов летом работала там экскурсоводом. На стареньком «Москвиче 407» выезжали на Южный берег, на Байдарских воротах полакомились фирменными чебуреками, которые готовил повар-татарин по старинному рецепту.

Алексей, наконец, дочитал взятую из Москвы книгу Брега о голодании, и твердо решил по возвращении домой приступить к очищению организма от шлаков и токсинов.

В один из дней пошли с Наталией на базар, чтобы пополнить запасы овощей, фруктов и рыбы. В те годы, на рынках

не было такого изобилия как сейчас. Радовались любой удачной покупке. Уже на выходе с базара Алексей уловил ароматный запах жарившихся шашлыков и не удержался. До вечера все было штатно, но к ночи он почувствовал тошноту и рвоту. Началась сильная диарея. Ну, вот и Брег пригодится, на следующее утро подумал Алексей. Поставив такую цель, голодал четыре дня, употребляя только кипяченую воду. Самым тяжелым был второй день, хотелось все закончить, но перетерпел. На третий день не хотелось даже пить. Прекратилось выделение желудочного сока, все как по теории американца, – подумал Алексей. Также вспомнилось из книги, что при голодании усиливается деятельность мозга. И он решил штудировать учебник и записи по испанскому языку, экзамен по которому предстоял по возвращении в Москву. Мозг, не отяжеленной работой по перевариванию пищи и другими процессами, впитывал все как губка. Алексей даже во сне думал и, по словам Наталии, разговаривал по-испански. За четыре дня он уверенно усвоил столько материала, на что при классной работе с преподавателем потребовалось бы месяца три. С тех пор, именно, в целях повышения интеллектуального КПД, он стал практиковать 36-часовое голодание раз в неделю.

Алексей все это буквально выпалил за пять минут, помня, что шеф поставил временные рамки. Да, теперь я тебя понимаю, – тряхнул седеющей головой начальник, раскуривая трубку. Он всегда курил трубку, когда читал последние

телеграммы из Москвы. Этот процесс помогал сдерживать эмоции, особенно тогда, когда приходили внеочередные депеши. Так, около года назад, опытный сотрудник представительства Валдис выехал в соседний город на ответственное задание, совместив поездку с культурной программой члена делегации ЦК ВЛКСМ. А через три часа после его отъезда пришла такая «молния», в которой было указание отменить миссию уехавшего сотрудника любыми способами. Вот тогда же и увидел он шефа во гневе. Но приказ есть приказ и, оседлав фольксваген «Амазон» наш герой отправился в путь на юг страны.

Ехать предстояло около 300 километров по Панамериканскому шоссе, которое тянулось с севера на юг вдоль Тихого океана от Мексики до Чили... Дорога была прямой как стрела, с идеальным покрытием и очень плавными поворотами, создававшими иллюзию, что автомобиль движется по прямой. Справа простирался океан, издалека, действительно, похожий на тихий, слева – многокилометровая пустыня. «Лунный» пейзаж, примерно каждые 50–70 километров, прерывался узкими долинами, где протекали жидкие речки, но и они давали жизнь этим засушливым краям. Дождя на побережье местные жители не видели никогда. В этом регионе в год выпадало всего лишь тридцать миллиметров осадков, и то в виде слабой мороси, называемой гарруа. Остановился на бензоколонке «Шелл», чтобы перед стокилометровым отрезком вдоль пустыни долить бензина до полного ба-

ка. Заправщик предупредил Алексея, что быстро надвигается песчаная буря, а вслед за ней, когда стемнеет, резко опустится туман, и посоветовал вернуться назад, в небольшой городок, и там переночевать. Алексей поблагодарил заботливого сотрудника бензоколонки, купил пачку «Мальборо», две банки пива и отправился в путь. Он не знал, какое задание должен был выполнить его коллега Валдис, ему поручено было перехватить его до утра и передать записку от шефа на литовском языке, которого Алексей не знал... Дело в том, что шеф родился в литовском курортном городке Друскининкай, его отец был главврачом совминовского санатория, а Валдис, литовец по национальности, полжизни прожил в Вильнюсе. Алексей поддерживал ровные отношения с Валдисом, но не дружил. У них были разнополярные интересы: Валдис с ростом 193 см играл неплохо в баскетбол, Алексей был основным форвардом посольской сборной по мини-футболу, Валдис играл в пинг-понг, а Алексей – в большой теннис, Валдис употреблял крепкий алкоголь, Алексей предпочитал пиво. Связывала их только общая работа и одинаковое расположение шефа.

После дозаправки мотор заработал легко и почти неслышно, и потянул машину так, как будто ему добавили дополнительные лошадиные силы. Закончилась небольшая долина, и «Амазон» въехал в зону бескрайней пустыни. Справа и слева то вырастали, то пригибались песчаные барханы. Песок с их вершин слетал на асфальтовое полотно и змейкой кру-

тился по шоссе, создавая причудливые геометрические фигуры. Песчаный пейзаж убаюкивал, и Алексей знал, что после 50 километров такой дороги в одиночестве и без работающего радио, есть опасность просто заснуть за рулем. Об этом красноречиво свидетельствовали небольшие холмики с крестами вдоль Панамериканского шоссе. Чтобы стряхнуть начинающуюся дремоту, Алексей прижался к обочине и вышел из машины. В сумке-холодильнике банка пива «Кристалл» оставалась еще холодной. На жаре за 30, это все-таки экваториальное солнце, пиво доставило безграничное удовольствие и сняло усталость. В стране производили только две марки пива «Кристалл» и «Пильзен» на заводах, основанных двумя немецкими эмигрантами в середине 19 века. С учетом жаркого и влажного климата реклама пива была на каждом шагу, поэтому на этот пенный напиток подсело большинство полу-индейского населения, которое составляло две третьих страны. Две-три бутылки пива для чоло, то есть индейца, родившегося в городе, было достаточно, чтобы оказаться под столом. Однако, некто Мануэль, давно друживший с сов-представителями, мог мешать пиво с водкой и держаться наравне с русскими. Как говорится «с кем поведешься, от того и наберешься». Ну, это в порядке шутки. СССР много дал людям этой далекой страны и в науке, и в здравоохранении, и в образовании и т. д.

Едва докурив сигарету, Алексей почувствовал на зубах мелкий песок. Стало постепенно темнеть. Все-таки начина-

ется, – подумал он. Миллиарды песчинок под влиянием вихревого ветра поднялись в воздух, раскручиваясь и закручиваясь, как партнеры в танго. Только сев в машину, он увидел, что размеренный ход, взлетевшего в воздух песка перешел в новое качество. По линии всего горизонта на многие километры образовалась сплошная стена из песка и мелких камушков. Эта стена покрыла все, день превратился в ночь, издалека нарастал какой-то гул, похожий на истошный вой десятков тысяч диких зверей. Казалось, этот гул обгоняет ветер, даже в закрытом салоне от его эха завибрировали барабанные перепонки. Штормовые порывы ветра раскачивали машину, в один момент, казалось, ее перевернет набок. Вдруг в глаза ударил мощный поток света, Алексей зажмурился, послышался лязг тормозов, машину слегка качнуло назад.

Поборов шок, протерев глаза влажной салфеткой, Алексей увидел перед собой кабину мощного трейлера. Фары, по-прежнему, ярко горели. Водитель, обняв широкий руль, лежал на нем без движения, как будто спящий.

– Нет худа без добра, – подумал Алексей. Перед ним возвышалась гигантская фура, закрывшая «Амазон» от фронтального ветра, не прекращавшегося ни на секунду.

– Опять эта долбанная пустыня не оставляет меня. Только подумал об этом, и воспоминания перенеслись в недавнее прошлое, когда в очень рискованной ситуации оказался не только он один.

Незадолго до ноябрьских праздников по советскому календарю, когда в южном полушарии благоухала весна, его вызвал шеф и без всяких предисловий представил доктора биологических наук, прибывшего в научную командировку. Биолога звали Федор, на вид лет сорок, плотного телосложения, больше похож на военного, чем на доктора наук, – подумал Алексей. Шеф особых рекомендаций не дал, подчеркнув только, что у Федора есть свой план, а начинать его надо с осмотра экзотических достопримечательностей. Внешне все должно выглядеть как туристическая поездка, – отметил руководитель. Выйдя в патио, на вопрос Алексея, с чего следует начать их экскурсию, биолог чуть призадумался и сказал следующее. В Москве, до НИИ, где он работает, дошли материалы, переданные Институту делегацией Общества дружбы, которые подготовил Алексей о необычном музее древних камней с нанесенными на них рисунками. Вот с этого музея он хотел бы начать.

Примерно, за час подготовились к поездке, ведь надо было ехать за 350 километров от столицы, видимо, с ночевкой. Получили суточные, командировочные и отправились в путь. Доехали до города Тика засветло, разместились в гостинице, и Алексей предложил поехать в загородный ресторан на экзотический ужин. Ресторан располагался в лесистой зоне на берегу небольшой горной реки. В горах был сезон дождей, поэтому река производила устрашающее впечатление. Шум бурного коричневатого потока, переворачи-

вавшего огромные валуны, был настолько мощным, что эхо разносилось на несколько сот метров. «Фирмой» ресторана было блюдо под названием «Пачаманка». Название, понятно, индейское, с языка кечуа, одной из двух индейских народностей, проживающих в этой стране. Алексей хорошо знал шеф-повара, которого все называли доктор Хесус, за то, что его кухня и лечила, и была божественна. Попросили рассказать и показать, как готовится эта пачаманка. Чтобы мы не умерли с голоду Хесус предложил, себиче из сырой рыбы, описанную ранее, и пиво. А тем временем начал рассказ про пачаманку, которую испанские конкистадоры переняли от инков. Для приготовления этого блюда вырывается яма метр на метр, глубиной около 70 сантиметров. На дно укладывается речная крупная галька и на камнях разводится костер. Костер догорает, камни нагреваются, на них формируют постель из листьев салата. Далее, слоями укладывается мясо, овощи (капоте, лук, чокло, картофель, морковь и т. д.) Последний слой накрывается листьями салата, затем сверху дерном или металлической крышкой. Слушая рассказ Хесуса, биолог, в предвкушении, чувствовал себя не камильфо и налегал на пиво. Наконец, от теории перешли к дегустации пачаманки, которая вылилась в жадное поедание всего извлеченного из ямы и разложенного по тарелкам. Федор не смог скрыть своего восхищения вкусом мяса и овощей. Все в блюде взаимно пропиталось, и образовался несравненный вкусовой букет.

На следующий день, по предварительной договоренности, поехали в музей камней. Некоторое время назад Алексей привозил сюда делегацию Общества дружбы. Вот тогда и познакомился с основателем этого частного музея. Его звали сеньор Кабрера. В ходе экскурсии он рассказал, что местные крестьяне в поисках кладов и сокровищ инков нередко наткнулись на их древние захоронения. Однако вместо золота, чем славились инки, и других ценных артефактов находили камни разной величины, на которых после очистки от земли и пыли проступали четкие рисунки. Что удивило Алексея и членов делегации Общества дружбы, среди которых были астрофизик и археолог, – это необычная тематика древних рисунков. Например, на одном из камней была изображена схема расположения континентов, как бы видимая из космоса. Причем, Африка была прилеплена к Южной Америке, британские острова были частью Европы. Говорят, что такое расположение материков действительно имело место до всемирного катаклизма, возможно Потопа. На других камнях имелись рисунки на бытовые темы – охота туземцев на доисторических животных, причем верхом на динозаврах. То есть, изображались сцены одновременного сосуществования homo сапиенс и доисторических животных, вымерших около 50 млн. лет назад, что отрицается официальной наукой. Интересно, что камни говорили о том, что древние люди могли одомашнивать некоторых ящуров. Много рисунков было на медицинские темы. Например, сцены родов, где роженица не

лежала, а рожала сидя на корточках. Эту позицию некоторые акушеры-гинекологи считают более правильной, но она противоречит официальной медицине. На других камнях имеются рисунки по переливанию крови и даже трепанации черепа. На всех рисунках есть изображения каких-то значков и линий, но не хаотичных, а подчиненных какой-то логике. Сеньор Кабрера посвятил всю свою жизнь систематизации и расшифровке этих символов. На то время конкретным его достижением была расшифровка камней с рисунками о родовспоможении.

По его расчетам, в плаценте роженицы содержится антираковый гормон. Кабрера даже вывел формулу этого гормона, которую у него предлагали купить американские ученые, активно посещавшие этот музей. Поэтому сеньор Кабрера обратился к Алексею передать собранные им материалы через делегацию Общества дружбы в Академию наук СССР. Он хотел, чтобы русские получили результаты его исследований раньше американцев. Оказалось, что Федор хорошо владеет испанским языком, когда он попросил сеньора Кабреру уделить ему время для беседы на эту тему. Дело в том, что материалы основателя музея камней представляли большой интерес. Позднее Федор рассказал Алексею, что он также сотрудничает со специальной лабораторией МГУ, занимающейся изучением всех материалов, связанных с раком, особенно, поступающих из регионов, где проживали древние цивилизации. Сеньор Кабрера отмечал, что доподлинно не

установить, кто был автором рисунков на камнях. Но ясно одно, что камни – самый надежный носитель информации и могут рассматриваться как библиотека древних знаний.

Решили переночевать в этом же городке. За ужином Федор рассказал, что основной целью его командировки является подбор мест, для двух небольших биологических станций в джунглях Амазонки, на побережье океана и, возможно, в горах, для организации контроля за миграцией птиц и насекомых, как возможных переносчиков инфекций и вирусов. Тогда Алексей предложил съездить на следующий день в один из оазисов, расположенный в пустыне в пяти километрах от Панамериканского шоссе и океана. После первой порции писко сауэр, оба почувствовали расслабление, и продолжили обсуждение увиденного и услышанного в музее. Тематика рисунков ставила все новые и новые вопросы. Федор никак не мог согласиться с тем, что древний человек жил с динозаврами в одно, и тоже время. Это противоречило официальной исторической науке. Также не укладывалось в голове, кто научил древних людей делать сложнейшие операции: по переливанию крови и трепанации черепа. Какая информация была зашифрована в символах, окружавших рисунки? Рассуждая на эту тему и, видимо, от возбуждения, Федор чесал себе затылок. И, главное, кто сделал эти рисунки, какая цивилизация, какой народ? Алексей отметил, что для Верховных инков – камни с рисунками являлись ценными реликвиями. И логично предположить, что это дело рук

доинкских цивилизаций. После второй порции писко сауер Федор не смог уже сдерживать своих эмоций. Но все же, почему этими загадками никто не занимается всерьез и по-научному? Алексей улыбнулся и, чтобы успокоить биолога, хлопнул его по плечу.

– Ты знаешь, сколько здесь загадок и тайн веков, уже известных несколько столетий.

– Неужели, есть что-то круче музея камней! – воскликнул Федор.

– Ну, что же, заказывай еще одну порцию писко сауер, подмигнул ему Алексей, и слушай мою историю.

Задолго до этой, своей первой заграничной командировки, Алексея всегда притягивало к каким-то неразгаданным тайнам и загадкам веков. А все началось в семидесятые годы прошлого века с просмотра фильма в новом шикарном кинотеатре «Октябрь» по книге известного швейцарского исследователя Эрика фон Данникена. Документальный фильм «Воспоминание о будущем», в котором речь шла о загадочных линиях и изображениях на песке животных и птиц в пустыне Наска в Перу. Линии и рисунки хорошо просматриваются только с высоты низко летящего «кукурузника». Находясь в центре пустыни, эти изображения почему-то не засыпаются песком в ходе многочисленных песчаных бурь. Другой загадкой является изображение трезубца на песчаном холме полуострова Паракас, расположенного в двухстах километрах от пустыни Наска. По мнению Данникена, трезу-

бец, или как его называют местные, ель канделябро, мог указывать направление неким воздушным судам на плато Наска, которое по своим размерам могло служить в качестве космодрома. Местные летчики утверждали, что в этом районе, от Паракаса до Наски, существует сильное магнитное притяжение, позволяющее воздушным объектам быстро гасить скорость. Фильм Дайникена прошел одним сеансом и вызвал взрыв интереса у ищущей необычных знаний публики. В то время в Москве, да и во всем Советском Союзе, в широком доступе информации на подобные темы практически не было.

Алексей посещал лекции в Политехническом музее, где по крохам можно было получить какие-то сведения на космогонические темы: об НЛО, пришельцах, инопланетянах, истории тунгусского метеорита. Там же, в кулуарах, после лекций шептались о странной гибели студентов экспедиции Дятлова в Ханто-мансийских горах. С тех пор, он сильно увлекся подобной тематикой.

Время шло, работа кипела. И вдруг, вместо запланированной Испании, нашему герою предложили командировку в одну из южноамериканских стран. Сборы были недолгими, но трудоемкими. В те годы, чтобы переехать семьей из четырех человек из одного полушария в другое советским сотрудникам приходилось вести скарб от десяти до двадцати коробок из-под водки или сигарет. Кроме личных вещей, нужно было привезти подарки коллегам и начальству. Поэтому

везли селедку, черный хлеб, красную икру, браундшвейскую колбасу, воблу, а также березовые и дубовые веники для бани. Летели Аэрофлотом на блестящем и надежном самолете ИЛ-62, почти целые сутки с двумя транзитными посадками. Впервые оказавшись в капиталистической стране в аэропорту Шеннон (Ирландия). В магазине Дьюти фри был сильный шок от обилия невиданных товаров: десятки видов виски и коньяка, вина, пива, сигарет, но больше всего потрясли детские игрушки. Желаний было много, но командировочные исчислялись двадцатью долларами, один из которых, обладатель такой немыслимой суммы, зарезервировал себе на пиво. Зайдя с сыном в туалет, Алексей сначала не понял, что там делает молодой симпатичный парень в красивой униформе с непонятной конструкцией палки в руках. Долго в кабинке искал кнопку слива унитаза, не найдя, плюнул и вышел из кабинки, после чего заурчала вода в бачке. Видимо сработала автоматика, подумал он. А когда парень в красивой униформе бросился в кабинку, а палка превратилась в швабру, он понял, что это был уборщик.

ИЛ-62 снова набрал высоту. Самолет летел в ночь. Практически не было ни одного свободного места, основную часть пассажиров составляли моряки рыболовецкого флота, около ста человек, летевшие на смену экипажей советской флотилии, работавшие в экономической зоне южной части Тихого океана. Это были молодые, здоровые, веселые ребята, но насколько они были веселые, Алексей понял чуть поз-

же. Бортпроводники стали предлагать ужин. Наш герой с семьей летел в салоне экономического класса, где на ужин спиртное не предусматривалось, но, зная это, он взял с собой, в ручную кладь, бутылку армянского коньяка. Очень вкусно поели, выпили коньяка, расслабились после утомительных сборов и стали настраиваться на работу за океаном. После ужина он с удовольствием покурил, тогда курение в салоне разрешалось. Вдруг сзади, из основного салона слышался какой-то шум, засуетились стюардессы. Алексея тоже заинтересовало, что там происходит. Подойдя ближе, он увидел, что разгоряченные выпивкой за ужином рыбаки почти все стояли, раскачиваясь, и пели «Раскинулось море широко». Затем они стали перемещаться от одного борта к другому, пытаясь раскачать самолет. Когда их репертуар дошел до слов «...врагу не сдастся наш гордый Варяг...», к ним вышел командир корабля и, только он смог уговорить их успокоиться и занять свои места. После такого «веселья» практически все пассажиры быстро успокоились и заснули.

В самолете объявили, что начинается снижение, Алексей посмотрел в иллюминатор. Из звездного неба ИЛ-62 стремительно входил в зону тумана, долгие десять минут посадка осуществлялась практически в «молоке».

– Приборы приборами, но как же в таком густом тумане пилоты различают взлетно-посадочную полосу – забеспокоился он.

Шасси коснулись бетона, а туман и не думал расступаться.

Самолет стал подруливать на парковку, и экипаж был вознагражден бурными овациями, еще до конца не проснувшихся, пассажиров.

Вспоминая это эпизоды почти через сорок лет, невольно думаешь, какие крепкие нервы были у нас в те годы.

Таможню прошли быстро с десятью коробками, благодаря помощи коллег. Которые все организовали. На трех машинах быстро доехали до арендованной квартиры, разгрузились. Было около семи утра, Алексей подумал, что пару часов они смогут доспать, но встречавшие коллеги (два вторых секретаря посольства и водитель) не спешили расходиться. Алексей потер лоб, и тут его осенило: «...ну, Семен Семенович, ты даешь! А как же традиция?» Быстро достали черный хлеб, селедку, красную икру. Встречавшие оперативно порезали привезенные помидоры, лук, огурцы и т. д., а детям – экзотические фрукты, которые они даже на картинках не видели. Вообще, получился красивый стол. Благо, была суббота, посидели часа два, а, когда прибывший включил последний диск Юрия Антонова, вообще никто не хотел расходиться, сон перебили окончательно.

– Короче. Началась работа, прозаические будни – сказал Алексей Федору, немного заскучавшему, слушая эту часть рассказа, которая пока не приближалась ни к пустыне Наска, ни к трезубцу.

– Ну, ладно, слушай дальше, сейчас начнется самое интересное.

Когда в Москве началось лето, а в южном полушарии – зима, многие сотрудники советских представительств улетали в отпуск. Алексей отправил семью в Москву, так как сам не мог уехать, поскольку не проработал в командировке шести месяцев. После работы появилось больше свободного времени. Он стал покупать книги по истории инкской цивилизации и доинкского периода. Однажды, в книжном магазине ему на глаза попала книга Эрика фон Дайникена «Воспоминание о будущем». Он сразу вспомнил фильм, просмотренный в Москве лет десять назад. Без раздумий купил книгу, она была на английском, и вечером того же дня начал жадно ее читать. Просидел где-то часов до четырех утра. И сформировал план действий на ближайшие выходные. Первым делом решил изучить все связанное с «канделябром», что описал Дайникен. По большому счету у него в книге информации было мало: лишь фото с катера и описание места расположения «трезубца».

Наступила суббота. Наш герой собрал небольшой рюкзак, положив в него фотоаппарат, флягу с пресной водой, фрукты и несколько бутербродов. На ближайшей автозаправке залил бензина в «Амазон» до полного бака, предстояло ехать почти двести пятьдесят километров. Прибыл в прибрежный городок Паракас, вышел на набережную, быстро сторговался с одним из рыбаков, пообещавшим доставить его на моторке в зону видимости «канделябра». Пока хозяин лодки ходил в капитанию за получением разрешения на выход в откры-

тый океан, Алексей любовался необыкновенно красивым видом живописной бухты Паракаса. Это была довольно-таки большая бухта, где царил вечный штиль. С юга она была защищена небольшим полуостровом, уходящим далеко в океан, а слева – изгибом береговой линии. За пределами бухты медленно накатывались одна за другой двухметровые волны. Маленький порт приютил десятки моторных лодок и катеров. Когда к пирсу причаливала очередная рыбацкая лодка с уловом, ее стремительно атакывали около двадцати – тридцати пеликанов. Они были огромны: ростом под метр пятьдесят, нахальные и требующие халяву взмахами мощных крыльев. Эта «семейка» давно обленилась и себя бы не пропитала. Когда даешь ему рыбину, он ее изящно захватывал, заглатывал и, дружески, прикусывал руку дающего. Другим аттракционом этого поселка был пингвин по кличке «Педро», особенно, он любил иностранцев. Увидев Алексея, Педро, переваливаясь на своих коротких лапах, топтал к нему добрых тридцать метров от ближайшей хибары. Обычно этот белогрудый красавец подходил к гостю и взмахом своих крыльев зазывал к хибаре. Оттуда моментально выскакивал чоло-хозяин и объяснял, что это шоу стоит один доллар. После оплаты, пингвина можно было взять на руки и сфотографироваться. Раннее, где-то месяца три назад, Алексей привез в Паракас двух высокопоставленных членов делегации ЦК Профсоюзов. И, конечно, показал им хохму с пингином. Он первым заплатил один доллар, взял пинги-

на на руки, повертел, покрутил его в разные стороны, при этом Педро издавал восторженные звуки и пытался схватить его за мочку уха. Глава делегации последовал его примеру, восторгу не было предела. Другой член делегации, видимо решил сэкономить, схватил пингвина, чтобы запечатлеть на фото без оплаты. Педро посмотрел на своего хозяина, стоявшего рядом, и стал издавать какие-то неласковые гортанные звуки. Прижавший пингвина к груди профсоюзник, от удовольствия весь расплылся в улыбке, на солнце ярко блестела его золотая фикса. Потом улыбка переросла в какую-то непонятную гримасу, что-то белое закапало ему под ноги, и в воздухе повеяло неприятным запахом. В этот момент Алексей нажал на кнопку фотоаппарата, через объектив он увидел, что мужчина сконфуженно смотрел на свою тенниску и шевелил усами в разные стороны. Но съемку было уже не остановить. Темно-синее поло «Ла Косте» окрасилось в белый цвет экскрементов. Педро соскочил с рук и быстро заземенил к хозяину. Рубашку пришлось выкинуть в ближайший мусорный бак. Впоследствии, Алексею рассказали, что этот человек совершил какое-то серьезное преступление и был приговорен к пятнадцати годам тюрьмы. Говоря по-русски, «Бог шельму метит». В связи с этим конфузом, выход на лодке в открытый океан решили отменить.

Наконец, подбежал хозяин лодки. Быстро что-то тараторя и жестикулируя руками, делал знаки Алексею поторопиться. Из его сбивчивой речи стало понятно, что разрешение дали

только на час, так как приближалась песчаная буря. Взревел мощный мотор «Ямаха», и лодка стремительно помчалась к намеченной цели. Когда вышли в открытый океан, слева, по курсу показались три или четыре скалистых острова. Приблизившись, увидели, что один из островов кишел морскими котиками. Они лежали на камнях под палящим экваториальным солнцем. Интересно было наблюдать, что и здесь царит иерархия: самые большие по размерам котики, видимо главы семейств, выбрали лучшие места, ближе к воде. Все остальные громоздились, где попало. Зато всякая мелочь пузатая, как дети, не знали никаких барьеров, и ползали по своим соплеменникам, пытаясь проложить путь к воде. На пути к другому острову лодка прошла по живописному узкому гроту при длине волны, превышающей два метра. Лодку, влетевшую в грот, швыряло из стороны в сторону. Тогда-то Алексей прочувствовал смысл выражения Гомера, «пройти между Сциллой и Харибдой». Когда миновали грот, лодочник стоял на коленях и усердно молился. Алексей поежился и тоже осенил себя троеперстием. Он пожалел, что не взял из рюкзака пластиковую бутылку виски «Балантайнс», (самая распространенная марка виски совзагранработников в те годы). Движение лодки стало более уверенным и стабильным, так как справа ее защищала огромная скала. Наконец, добрались до самого интересного скалистого острова. Сначала Алексей долго не мог понять, почему скала шевелится, как бы вздыхая. Когда присмотрелся, не поверил своим гла-

зам. Вся ее поверхность была усеяна птицами разных размеров. Их щебетание создавало иллюзию, что это была и говорящая скала. Обогнув остров, путешественники не увидели ни одного просвета на скале, похоже птицы висели на ней в несколько рядов. Лодочник рассказал, что, это – одна из зимовок перелетных птиц. Когда они улетают, то вся скала окрашивается в белый цвет, это то, что называется «гуано», (птичий помет). С конца восемнадцатого века гуано стали соскабливать, так как оно оказалось эффективным органическим удобрением. Были времена, когда тонна гуано стоила как тонна золота. Его собирают до сих пор и экспортируют в США и Германию.

Скалистые острова остались позади. Они своеобразным образом формировали, как бы, пропускной пункт на реверс к «канделябру». И вот наступил момент, о котором Алексей мечтал почти десять лет. Под палящим солнцем открывалась грандиозная панорама на северную сторону полуострова Паракас. В голубой воде отражалась окрашенная в медный цвет песка сопка на краю уходящего далеко в океан полуострова. Сначала в глаза бросился какой-то рисунок на лазурной глади океана, и только подняв глаза, он буквально окаменел. Взгляд как магнит притягивался к странному рисунку, который был противоестественен данному ландшафту. Это был знаменитый «трезубец» или «канделябр» гигантских размеров. Лодка приближалась все ближе и ближе, все явственнее просматривались контуры рисунка и его детали. Кто и

зачем сделал это? Когда? Почему именно «трезубец»? Эти вопросы моментально возникали у всех, кто мог созерцать это неповторимое зрелище.

Позднее, в местной библиотеке Алексей с большим трудом нашел книжку об истории «канделябра». Впервые упоминание о нем, и даже его рисунок были обнаружены в хрониках испанских монахов, продвигавшихся вместе с конкистадорами с севера на юг. Первое описание относится примерно к одна тысяча пятьсот тридцатому году. Таким образом, трезубец, в таком виде сохраняется уже более четырехсот пятидесяти лет. Почему его не засыпают песчаные бури, в чем причина его долголетия? Какие его точные размеры? Каким образом можно до него добраться с берега, так как с моря причалить невозможно: крутой скалистый берег и сильные волны. Видимо этот знак не для морской навигации. По мнению фон Дайникена, он указывает направление на космодром Наска.

Ответы на эти вопросы Алексею захотелось найти здесь и сейчас. Он спросил у лодочника как можно добраться к «канделябру» пешком, потому-что никаких дорог не было видно. При этом вопросе хозяин лодки резко напрягся. После долгой паузы он сказал, что местное население туда никогда не ходит, считая его аномальным.

Пришло время срочно возвращаться в порт. Едва вступив на берег, Алексей почувствовал себя обессиленным. Впечатления от увиденного грандиозного изображения вызыва-

ли тяжесть во всем теле. Он чувствовал какую-то магнетическую связь с этим рисунком. Сев на лавочку, опустив руки, несколько минут сидел обездвиженным. Воображение в разных ракурсах рисовало ему «трезубец». Пульс зашкаливал за сто двадцать ударов в минуту. Алексей понял, что переживает серьезный стресс, и подумал о том, что надо срочно успокоиться. Подошел к машине, взял рюкзак, вернулся на лавочку, из пластиковой бутылки сделал хороший глоток виски, через некоторое время, ему полегчало. Он выкурил легкую сигарету, сделал еще один глоток, попытался вызвать в памяти очертания канделябра, но не получилось. Значит, я уже в форме, подумал он. Как всегда, при сильном стрессе происходит большой выброс адреналина, что у него сопровождалось сильным чувством голода. Обессиленный организм требовал подпитки. К счастью, рядом находился уютный рыбный ресторан. Посетителей было мало, и он расположился у окна, с видом на бухту. На закуску ему принесли рюмку виноградной водки «писко» и «чоррос, а ла чалака» (сырые крупные мидии, маринованные луком, горьким перцем и соком лайма). В порции, обычно, шесть штук, каждая моллюска съедается в один прием чайной ложкой. Вкус был необычайный: во рту сложился букет соленого моря, лайма и лука, от горького перца разгорался небольшой пожарчик. Затем принесли «себиче» из сырой рыбы, без которой не обходится ни один обед в рыбном ресторане. Букет от «чорроса» после «себиче» усилился втрое, а после пер-

ца «рокоото» (самый ядреный в мире) во рту разгорелся настоящий пожар. Но не есть это было невозможно. Алексей знал, что лучше всего этот огонь от перца нейтрализует пиво, что он и сделал, заказав бутылку. Из первых блюд ему предложили «Чуппе де марискос» или суп из черепахи. Он заказал «Чуппе де марискос» – густой суп из крупных лангостин (в Европе их называют устрицы), других разнообразных морепродуктов, сваренный с добавлением сладкого перца и молока. На второе ему предложили фирменное блюдо – жаркое из «Куй». Алексей переспросил официанта, нет ли ошибки в первой букве названия животного. Официант четко и уверенно повторил, что это «Куй» и никак иначе. Но, объевшийся гость от жаркого отказался. Выйдя на улицу под палящее солнце, он понял, что прогноз о песчаной буре не оправдался, нашел гостиницу и решил переночевать в этом городке, а следующий день посвятить поиску путей к подножию «канделябра». После сиесты, часа два, он записывал свои впечатления от увиденного в дневник.

На следующее утро, после легкого завтрака «американо», он для начала поехал в местный краеведческий музей, который был богат различными интересными экспонатами: инкские тканые панно с разноцветными росписями, возраст которых был более пятисот лет, причем краски были очень яркие, как будто их нанесли вчера; туземные черепа с прямоугольными вырезами в области темени. Экскурсовод объяснила, что это результат трепанации черепа, которые дела-

лись, предположительно, для лечения эпилепсии, ментальных расстройств опухолей мозга и создание универсального солдата (лишение чувства боли и страха).

– Кто их этому научил, напряженно думал Алексей. Может быть, разгадка есть в рисунках музея камней? Для операции использовался нож «туми» из твердого камня обсидиана, нож из акульего зуба и ручная дрель. По информации музея, еще в доколумбовой Америке трепанация была широко распространена как минимум с тысяча пятисотого года до нашей эры. Американские ученые доказали, что подобные операции в Южной Америке стали делать гораздо раньше, чем на Тибете и в Европе. Высверливая отверстие, инки научились не повреждать твердую мозговую оболочку. Для обезболивания они использовали вытяжку из листьев коки.

Продвигаясь по залам музея, он обратил внимание на один стенд. В нем были представлены черепа, отличающиеся от инкских экспонатов формой лба и размерами. Видимо, они были другой расы. Он обратил внимание экскурсовода, именно на эту деталь. Ему объяснили, что данные черепа – не из инкских захоронений, они также были обнаружены в пустыне. Рядом с черепами найдены фрагменты волос, сохранившиеся в сухом песке. Спектральный анализ фрагментов волос показал, что они принадлежали белокурим людям европеоидной расы, а размеры черепов свидетельствуют, что они были ростом около двух с половиной метров. Он вспомнил, что ранее читал о проживании таких же людей на Ка-

нарских островах, которые чудом спаслись после гибели Атлантиды.

После такой интересной и познавательной экскурсии, он спросил у гида, не подскажет ли она путь к канделябру. Девушка напряглась, посмотрела по сторонам и, убедившись, что никто их не слушает, сказала, что, с тысяча девятьсот семьдесят пятого года скала, где нанесен геоглиф, находится в зоне заповедника, въезд и вход туда строжайше запрещен, предусмотрено уголовное наказание. Кроме того, местные жители, еще с давних времен, считают это место таинственным, и боятся к нему приближаться.

Алексей нахмурился, его план оказался под угрозой. Тогда он попросил гида рассказать подробнее все, что, она знает о геоглифе. Она рассказала, что еще ее отец, археолог – по образованию, со студенческих лет исследовал канделябр, и она продолжает его работу. Об этом загадочном наследии можно рассказывать часами. У нее есть сейчас немного времени, и она может раскрыть основные факты. Впервые, упоминания о трезубце было в летописях испанских монахов в середине шестнадцатого века. До настоящего времени, ученые полемизируют относительно возраста геоглифа. Но время оказалось не властно над таинственным символом. Ни сильные песчаные бури, ни мощные океанские ветры не смогли стереть или засыпать изображение с четырехсотметровой скалы из красного порфира (вулканической породы красноватого цвета). Местные археологи установили, что вы-

сота трезубца достигает ста двадцати метров, ширина – около восьмидесяти метров, толщина линий – от полутора до трех метров, а глубина канавок различна, в среднем – метр.

Девушка посмотрела на часы, и, извинившись, сказала, что ей надо уходить. Алексей сердечно поблагодарил гида и протянул ей свою визитку.

– Так Вы, из посольства Советского Союза! – воскликнула она, – В нашей семье – все коммунисты, мы большие поклонники Ленина.

Алексея порадовала ее реакция, открыв свою дорожную сумку, вынул несколько значков с советской символикой и изображением Ленина. Глаза собеседницы радостно заблестели, и, поблагодарив его, она крепко пожала руку. На листочке написала свой телефон и предложила продолжить беседу о геоглифе, если будет такая необходимость. Прощаясь, Алексей сказал, что намерен найти сам путь к канделябру. Убедившись, что рядом никого нет, девушка рассказала, как можно добраться, но предупредила, что примерно три километра придется идти пешком по вязкому песку, так как накатанной дороги туда нет. В очередной раз, пыталась его отговорить от этого опасного предприятия.

Алексей запарковал машину там, где кончился асфальт. Гид вовремя подсказала, что охраны там не будет, так как они на учениях в Наска. Захватил рюкзак, застегнул компас на левой руке, а на правой он носил часы «Сейко», подаренные родителями «Двадцатипятилетие». Сориентировался на

месте, компас здесь еще работал. Возвращаться обратно надо будет строго на запад. Подумал, что можно еще использовать для отметки пути следования, ведь кругом только песок. Ничего путного в голову не пришло. Пошел по указанному гидом направлению. Сначала, идти было легко, песок был твердым, следы оставались четкими и хорошо видимыми. Дошел до первого высокого холма и повернул направо. Как учили в армии, расстояние считал пар шагами. Три километра – это примерно, две тысячи пар шагов. В это время дня ему надо было идти прямо на солнце. Обогнув очередной холм, он круто пошел вверх. Чем выше был подъем, тем сильнее становился ветер. Песок стал более вязким, ноги погружались до щиколотки. Следы держались недолго, под воздействием ветра засыпались песком. Прошел уже примерно два с половиной километра. До вершины горы оставалось около двухсот метров. Там была такая роза ветров, что приходилось идти, практически, на полусогнутых. Складывалось впечатление, что ветер постоянно менял направление. Завихрение песка, свист ветра, и полная безлюдность держали в постоянном напряжении. Появлялась мысль, не вернуться ли назад.

– Никто, в представительстве, не знает, где я, и что здесь я один, – думал он.

До вершины холма оставалось метров пятьдесят. Из-за шквалистого ветра приходилось ползти, практически, попластунски. Опять появилась мысль о возврате назад. Но

ведь цель так близка! Не в характере Алексея бросать начатое. Он случайно посмотрел на левую руку, стрелка компаса бешено крутилась из стороны в сторону. Пульс учащенно бился.

Но, наконец, он дополз до вершины. Открылся потрясающий вид на бескрайный океан. С такой высоты он, действительно, производил вид Тихого океана! Отсюда, по полученным инструкциям, должен был виден канделябр. Летевший в лицо песок слепил глаза. Приходилось спускаться почти зажмуренным. Но где же это трезубец, думал он. Чтобы понять, он встал на ноги во весь рост. Неясный шум сверху привлек его внимание. Подняв голову, не поверил своим глазам, прямо над ним завис «владыка Анд» кондор. Он производил впечатление маленького самолета, с размахом крыльев – три метра. Неожиданно птица камнем рухнула вниз. Пытаясь уклониться, Алексей потерял равновесие и покатился с горы. Фляга и складной нож, находящиеся в рюкзаке, больно отдавали в спину. Сколько он так летел, было трудно понять. Вдруг он перестал что-либо чувствовать, все вокруг заполонила темнота. В голове промелькнула картинка, как будто он с высоты смотрит на себя. Где он лежит, непонятно, практически все его туловище закрывала тень кондора. Но птица вела себя мирно, и никакой агрессии не проявляла, ее мощные крылья стали преградой приближающемуся смерчу. Стихия ударила так, что загудела земля и задрожала скала. Инстинктивно Алексей стал вжиматься в землю и

только сейчас осознал, что лежит в глубокой, около метра, траншее. Чуть выше него бился в испуге о землю кондор. Стало совсем темно. Налетевший с океана смерч, как бормашина, вгрызался в песок. Возникло ощущение, что какие-то стальные клещи приподняли тело Алексея и тут же швырнули его на землю. И наступила тишина.

Он очнулся, не зная когда и где. Сильно болел затылок, ломило руки и ноги. Лежа на спине, он посмотрел вверх и увидел голубое небо, солнце стояло в зените. Осмотрелся, птицы нигде не было видно. Поднялся, вылез из, как ему сначала показалось, траншеи. Посмотрел вниз, там океан неспешно катил свои волны. У берега резвилась стая чаек. Периодически то одна, то другая камнем падала вниз, а, вынырнув, стремительно взлетала с добычей. Ничто не напоминало ни о песчаной буре, ни о смерче. Вглядываясь вниз, вправо и влево, он видел только океан и горный лунный пейзаж. Где же Канделябр, неужели не дошел. Повернулся назад, чтобы достать рюкзак из траншеи, и застыл как вкопанный.

Протер глаза водой, сохранившейся во фляжке, посмотрел вверх. Почти до вершины, покрытой песком скалы, простирался геоглиф. Он нависал над местностью как в «Три Д» изображении, как картина, наклеенная на сопку. Четко просматривались контуры того, что когда-то конкистадоры называли канделябром. На вскидку, основная и самая мощная ветвь трезубца уходила вверх метров на девяносто. Ширина

канала была около метра, глубина сантиметров восемьдесят. Вот здесь, в подножье геоглифа, Алексей и пролежал, укрытый от природной стихии. Он спрыгнул вниз, попытался копать, вдруг обнаружится птица. Песок поддавался. Значит, канал был еще глубже. Внезапно его покрыла тень, взглянув вверх, увидел парящего над собой кондора. Показалось, что гигантская птица помахала ему крыльями, как пролетающий над родным домом истребитель. Ну и чудеса! Неужели, птица повела себя со мной так, как дельфин с человеком, терпящем бедствие в море. На радостях он тоже помахал улетающей птице и перекрестился.

Решил обследовать геоглиф. Измерил пар шагами высоту, получилось – около 110 метров. Ну и махина, подумал Алексей, поэтому он виден на большом расстоянии, с моря и воздуха. Ширина от правого до левого зубца составило примерно восемьдесят метров. Конечно, измерять на таком песке было сложно, поэтому видимо сохранялась большая погрешность – «плюс-минус». Он записал результаты измерений в блокнот и решил позднее сравнить их с данными, полученными в музее. Надо было собираться домой. Компас и часы не работали из-за сильного магнитного поля. Стала болеть голова и подташнивать. Медленно, с большим напряжением сил, он добрался до вершины сопки. Экваториальное солнце палило нещадно, вода закончилась. Жажда давала о себе знать. Следов на песке никаких не было. Но примерное направление движения назад он представлял. Стал считать

шаги до основных поворотов. Через часа полтора, издалека, увидел спасительный «Амазон». Но стоял он как-то странно, картинка была как бы сверху вниз. Подойдя ближе, понял, смерч поработал, перевернул машину. Самое главное все стекла были целы, но как ее поставить на колеса. Одному не под силу. Невдалеке стояли три жилых лачуги, с соломенными крышами. Он подошел к первому строению из глинобитных кирпичей, вход закрывала ветхая дверь. Постучавшись, прислушался, никто не ответил. Тогда он открыл дверь и заглянул вовнутрь. Там, на тюфяке сидели пожилые мужчина, женщина и молодой парень. Все были местные жители – чоло. Алексей поприветствовал их и попросил воды. Некоторое время все трое смотрели друг на друга и ничего не отвечали. Алексей достал несколько монет и положил их на стол. Молодой парень откликнулся, стал что-то говорить, коверкая испанские слова, протянул руку за занавеску и передал кувшин с глиняной кружкой. Выпил две кружки залпом. Подумал, с эти парнем надо срочно «подружиться». Он, по-товарищески, похлопал его по плечу и попросил выйти, чтобы взглянуть на перевернутую машину.

– Так это ваша машина, сеньор, – спросил юноша. Мы ее здесь целый день охраняем, так как номера на ней иностранные.

Алексей вытащил из кармана две бумажные купюры и протянул их парню, который оживился, свистнул несколько раз, и из двух других строений вышли трое мужчин. Увидев

деньги, старший из них сказал, что надо еще добавить. Поняв, что здесь не поторгуешься, Алексей протянул еще две купюры. Через несколько минут, мужчины вернулись с рычагом из дерева твердой породы и веревками. Работа закипела, и скоро Алексей оттуда благополучно уехал.

– Ну, вот такие дела Федор, история получилась не короткой, для тебя на сегодня, наверное, много впечатлений: и музей камней, и история про Канделябр. Похоже, ты устал? Давай попросим счет?

– Нет, я хотел бы выпить кофе и добить тему твоим рассказом про рисунки Наска, ты же сказал, что они взаимосвязаны. От таких интересных впечатлений я не устаю, а, напротив, меня это только возбуждает. Где еще я такое увижу и услышу? Так что, если ты не против, надо закончить тему.

Официант принес кофе и две порции писко сауэр.

– Это, от заведения, подчеркнул он, мы очень рады, когда к нам приезжают советские гости. В нашей провинции большинство голосует за левые силы. Здесь даже террористы Сендеро Люминосо нас не трогают.

Федор спросил официанта, как он понял, что мы из России.

– Учю русский язык, для того чтобы читать Ленина в оригинале, а затем запишусь в компартию.

Мы пожелали ему успехов, и выяснили криминогенную обстановку в районе оазиса, так как наметили туда поездку. Он сказал, что там могут быть только сендеристы, но в слу-

чае чего сразу скажите, что вы из СССР, и они вас не тронут. Информация, действительно, была полезной. В последнее время участились случаи нападения на иностранцев с целью грабежа или выкупа.

Действительно, продолжил Алексей, по мнению Эрика фон Дэнникена, как в его фильме, так и в его книге прослеживается одна версия: геоглиф «Канделябр» и рисунки на плато Наска были сделаны в период одной цивилизации. Насколько древней, науке это не известно. Скорее всего, после последнего катаклизма – великого потопа. Как он утверждает, «Канделябр» указывает направление на плато Наска.

После экстремального похода к «Канделябру» Алексей неделю не мог прийти в себя. Об этом приключении он рассказал только шефу, который поначалу прочитал ему лекцию по безопасности, потом, смягчившись, попросил его рассказать подробнее, поскольку сам был любитель острых ощущений. Он загорелся желанием туда съездить, но потом вспомнил про свою больную ногу. Подумав, он предложил свозить туда делегацию ЦК Профсоюзов, у которой запланирована поездка в Наску, параллельно созвонился с послом, доложил, что есть возможность свозить гостей прямо к подножию «Канделябра», что Алексей все организует. Посол явно воодушевился, отметив, что никто, из советских представителей, там еще не бывал, не могли найти дорогу. Шеф попросил Алексея заснять все подробно на видеокамеру, добавив при этом, что посол выделяет микроавтобус, поэтому Алексей может

не рулить.

Подготовка к поездке много времени не заняла, маршрут был известный. Ему не терпелось скорее увидеть загадочные рисунки в пустыне Наска. Членов делегации посадили в микроавтобус «Форд», туда же сели еще три сотрудника посольства, а Алексей решил ехать на «Амазоне» и взял с собой старшего сына. Плавно катились по Панамериканскому шоссе, из динамиков звучал последний альбом Леонтьева с зажигательной песней «А он бежит, бежит, бежит ...»

Поездка на катере и вид «Канделябра» с океана всех привели в восторг и, конечно, захотелось подойти к геоглифу по суше. Алексей сказал, что это реально, но, кое-какие сомнения вызывали внутреннее беспокойство. Он пояснил всей группе, что местные жители сторонятся этого места, считают его аномальным. Но разве советского человека могут удержать какие-то предрассудки. Короче поехали. Остановились там, где закончился асфальт. Алексей, за две бутылки водки, договорился с охранником, и тот их впустил на три часа. Идя уже второй раз к геоглифу, Алексей быстро ориентировался и добрались до «Трезубца» быстро. Сделали много снимков, «попробовали геоглиф со всех сторон», что называется «на зубок». Все были ошарашены размерами и пониманием, что это чудо впервые было описано почти 500 лет назад и сохраняет свое девственное состояние. Конечно, никто не мог понять, кто и как это мог сделать. Вернулись к машинам. Охранник «расколол» Алексея еще на три пачки сигарет.

Наконец, возбужденные и одухотворенные от увиденного, подошли к машинам. Глава делегации предложил закрепить впечатления прямо здесь и сейчас. Из микроавтобуса водитель вынес раскладной столик и большую сумку-холодильник с напитками и закусками, подготовленными поваром посла. Предложили провозгласить тост за Алексея, за его экскурсию к «Канделябру» и интересные пояснения. Все разгорячились от закусок и спиртного и стали наперебой предлагать свои версии, выходящие за рамки фантастики. Особенно рассмешила идея одного из членов делегации-партийца со стажем, что геоглиф дело рук инкских социалистов как послание потомкам. Также, как в наше время, пионеры зарывали в землю бутылки с письмами для следующих поколений. Как поучительно объяснил всем ветеран партии, об «инкском социализме» упоминал Ленин в своей работе «Государство и революция», написанной в ссылке в Шушенском и, получивший за нее гонорар, свыше тысячи рублей – огромные деньги для того времени.

Завершив пикник, сели по машинам и поехали в сторону Панамериканского шоссе. Правда, через метров сто «Форд» заглох. В такие моменты особенно после трех-четырех рюмок все становятся автомеханиками. Но ничего не получалось. Микроавтобус не заводился. Один из членов делегации предложил даже разобрать движок, так как он имел дело с трофейными фордами в одном из подмосковных совхозов. Но здесь вмешался Алексей, сказав, что съездит в ближай-

ший автосервис и привезет мастера. Вернулся с автомехаником, тот что-то поколдовал, поплевал, и «Форд» завелся. До шоссе доехали с двумя остановками. Микроавтобус глох, но деловой водитель посла вовремя подсмотрел куда «поплеывал» местный мастер, и машина запускалась. Однако, доехав до шоссе, автомобиль встал окончательно. К счастью, недалеко находилась бензозаправка, где имелся телефон. Позвонили в посольство, объяснили ситуацию, решили, что Алексей с делегацией едет в Наску, а остальные дожидаются запасной автомобиль из представительства.

До отеля в Наске доехали засветло, договорились об экскурсионном облете загадочных рисунков в пустыне, на завтра. За ужином все разговоры были только о «Канделябре» и пришли к выводу, что поломка «Форда» связана с аномалиями геоглифа.

Утром, в назначенный час, разместившись в четырехместном самолете, поднялись в воздух. Погода была ясная, и все хорошо просматривалось. Пилот пытался что-то комментировать, но из-за шума двигателя, выдавшего виды, и сильного ветра, ничего не было слышно. Пришлось Алексею срочно вспоминать книгу и фильм Данникена и на ходу переквалифицироваться в аэро-гида. Самолетик, летевший на скорости около ста двадцати километров в час, дважды, на низкой высоте, облетел рисунок, на выступающем из-под земли камне. На нем были изображены два человека в одежде, похожей на скафандры, стоящие друг за другом. На го-

ловах было что-то, напоминающее шлемофоны с короткими антеннами. Местные археологи дали этому рисунку название «Астронавты». Вся члены делегации мгновенно загудели, пытались перекричать друг друга. Все были в шоке, узнав от Алексея, что рисунки были обнаружены с воздуха в конце двадцатых годов. С тех пор они не видоизменялись, не засыпались песком и сохраняли первоначальный вид. Другие рисунки изображали зверей и птиц. Самым габаритным был геоглиф обезьяны: от носа до хвоста около 150 метров. С земли рисунки, вообще, не просматриваются, они разбросаны на плато, длиной около пятидесяти километров с севера на юг и шириной, примерно, шесть километров. Всего описано триста рисунков и множество различной конфигурации многокилометровых линий. Кто и с какой целью это сделал? Когда и какой технологией? Эти вопросы вскружили всем голову. Позднее, за обедом, Алексей пересказал все известные на тот момент версии, однако никто, и даже их авторы, в них серьезно не верили.

Самая космогонистическая версия, к которой склонялся и Алексей, говорила о том, что «Канделябр» был указателем для инопланетных кораблей, летящих на посадку на космодроме в Наска. Нестираемость геоглифов объяснялась тем, что это проекция магнитных клише, заваленных песком и камнями много веков назад, при последнем всемирном катаклизме. Долго еще спорили, но в знак уважения к Алексею, на этом и порешили.

На колокольне католического собора часы пробили двенадцать, когда Алексей закончил рассказ. Улицы городка опустели, и только в этом маленьком ресторанчике еще теплилась какая-то жизнь. Официант ушел раньше и попросил просто захлопнуть дверь. Федор смотрел в южное звездное небо и, казалось, витал в другой галактике. Может быть, он представлял себя на борту космического корабля, из иллюминатора которого явно просматривался подсвеченный луной «Канделябр». До приземления на космодроме Наска оставалось всего лишь несколько минут.

– Ты знаешь, твой рассказ как сладкий сон, даже не хочется просыпаться. Я так во все это поверил и хочу, чтобы сон оказался былью. Как хорошо, что я сюда приехал, и мне повезло встретить тебя. Ты так классно описываешь детали, как опытный писатель.

Может когда-нибудь, напишу об этом рассказ или книгу, – подытожил Алексей. А сейчас пора спать, ведь завтра снова в дорогу.

Алексей уснул быстро, но, видимо, под впечатлением своих собственных повествований, а их было немало за этот день, возбужденный мозг никак не мог охладиться. И Пустыня никак не отпускала. Почему-то приснилась во всех деталях эвакуационная поездка за Валдисом...

Как будто сработал стоп-кадр, и пленка стала воспроизводиться с момента, когда гигантская фура спасла «Амазон» от опрокидывания во время песчаной бури. С неохотой, что-

бы не увидеть что-то неприятное, Алексей приоткрыл один глаз, потом второй. Огляделся из салона автомобиля. Все замерло, и было тихо. Фуры уже не было видно. Только, только начало рассветать. Он мгновенно вспомнил, зачем его шеф послал за Валдисом. Надо было торопиться. Нажав на газ до предела, он набрал крейсерскую, сто тридцать километров в час, скорость. Через сто пятьдесят километров, изда- лека увидел знакомые очертания «Форд дель Рей», еще од- ну машину в кювете, и полицейский внедорожник. Да, это была машина Валдиса. Пассажиров в ней не было. Предста- вился полицейским и выяснил, что обе машины пострадали при лобовом столкновении, видимо, из-за тумана. Кто вино- ват пока неизвестно. Но пассажиры «Форда» были нетрезвы, получили травмы, и госпитализированы в ближайшую боль- ницу. Полицейский отвел в сторону Алексея и сказал, что он вынужден занести в протокол, что Валдис был под алко- голем, а количество про-милей установят в больнице. Води- тель, другой машины получил несколько царапин, но явно был трезв. Это озадачило Алексея, надо было искать нуж- ное решение проблемы. Он предложил полицейскому, пе- ред посещением больницы, вместе позавтракать и попытат- ся прийти к согласованному решению. Местный коп явно ждал интересного предложения и охотно согласился на зав- трак.

По предложению копа, через полчаса, встретились в при- личном для этого городка ресторане на Пласа де Армас. Коп

естественно хотел получить максимум от общения с Алексеем. Так как ночь для обоих выдалась трудной, заказали по салату из папайи, манго, ананаса и киви, а на горячее – яичницу с помидором, острым перцем и ветчиной. Решили снять стресс и выпили по двойной порции писко сауэр. На десерт выпили по две чашки крепкого эспрессо. Наконец, перешли к делу. Коп сказал, что за «правильный» протокол он надеется на вознаграждение, но денег от иностранца не возьмет, все-таки стремно. Тогда Алексей предложил ему ящик виски и ящик водки. Коп это вполне устроило, он сможет это легко продать с хорошим наваром. Договорились встретиться здесь же вечером, в 20 часов. Закончив разговор с полицейским, Алексей купил несколько жетонов для звонка из телефон-автомата. Вышел на улицу, огляделся, все было тихо, без каких-либо подозрительных моментов. Завернул за угол старинного здания и увидел телефон-автомат, стоявший в неприметном месте. Позвонил шефу и эзоповским языком объяснил ситуацию. Попросил выслать эвакуатор страховой компании Мануэля, работавшей с посольством, и ящик виски и водки. Шеф сказал, что через три часа Мануэль лично пригонит эвакуатор и с ним приедет еще консульский работник, на всякий случай. Главное, подчеркнул шеф, «чистый» протокол и перехват Валдиса, чтобы он не выходил на запланированное мероприятие.

Зря шеф волновался, сейчас Валдис не смог бы выйти даже в туалет. В провинциальной больнице, чуть ли не с зем-

ляными полами, Алексей и увидел Валдиса и представителя делегации ВЛКСМ, которого взяли в поездку для отвода глаз. Оба лежали под капельницами. Доктор объяснил, что угрозы для здоровья нет – у комсомольца вывих руки и травма головы от удара в лобовое стекло. Валдис сильно порезал руки, когда пытался выскочить из машины, а дверь была заблокирована. Алкоголь, конечно, вреден, но в данном случае он помог им не чувствовать боли, и практически снял сильный стресс, пояснил медик. На его памяти были случаи, когда люди лишались рассудка при подобных авариях. Он добавил, что через два часа их можно выписать. Лучше до завтра разместить в гостинице, а потом можно отправляться в столицу. Алексей тепло поблагодарил доктора, хорошо ему заплатил и попросил уничтожить анализы крови и, вообще, вымарать записи об их пребывании здесь. Медик сделал все как надо, в чем Алексей убедился лично. В положенное время, охающие, икающие и понурые, с элементами нервного тика, пациенты сели в «Амазон» и поехали в гостиницу. Первым делом Алексей передал Валдису письмо шефа и фактически свою миссию выполнил.

Разместились в номерах, привели себя в порядок и спустились в ресторан пообедать. Пивом, конечно, не ограничились. Видок у Валдиса и комсомольца был как после затяжного Нового года. Только после второй порции виски начался какой-то членораздельный разговор. Правда, версия комсомольца о случившемся больше напоминала явку с повин-

ной. Пришлось его сильно подкорректировать, но он как-то медленно сдавался. Но когда Алексей сказал, что если так он и доложит послу, комсомольца из ЦК отправят снова в пионерскую организацию. И только здесь до него дошло, что, попросив Валдиса порулить, он мог бы стать еще и фигурантом уголовного дела. Комсомолец чуть не расплакался и стал предлагать оплатить обед.

Вечером Алексей завершил дела с местным гаишником, последний предложил обращаться в случаях, как он выразился, форс мажора. Алексей кивнул, и они попрощались в южноамериканском духе, обнявшись и сделав «крабика», похлопав двумя руками по спине. Затем он подъехал к гостинице, где его уже ждали Валдис и комсомолец. У обоих был отдохнувший вид и настрой выпить по пятьдесят. Конечно, этим не ограничилось, и комсомолец вновь почувствовал себя крутым. Он, в безапелляционной форме, сказал, что еще в Москве, по совету коллег из ЦК, запланировал посмотреть порно и снять девушку. В те годы в СССР видео с порно было почти не достигаемо. Валдис пытался отговорить комсомольца, объясняя, что на эти деньги лучше купить что-то для детей, жвачки и т. д. Но комсомолец проявил фантастическую неуступчивость. Тогда Валдис за один доллар выяснил у местного таксиста, где находится кинотеатр, и где работает «точка». По словам таксиста, «точка» образуется прямо у входа в синематограф, минут через пятнадцать после начала фильма, так как часть зрителей не выдерживают про-

смотр более получаса. Горячий, южноамериканский, темперамент, – пояснил он. Еще раз, уже вдвоем пытались переубедить комсомольца, но он, услышав перевод слов таксиста, как-то внутренне напрягся, почему-то сцепил руки в замок в районе паха и отрицательно замотал головой, как делают собаки, стряхивая ошейник. Делать было нечего. Валдис взял у него на всякий случай паспорт, комсомольский билет с красивой серией, а также лишние деньги, превышающие смету-кино, плюс дама. Конечно, легли спать с некоторым переживанием, но с надеждой, если что случится, поможет новый друг – местный коп.

Утром с Валдисом встретились на завтраке, но «Павки Корчагина», так между собой для конспирации прозвали комсомольца, еще не было. Минут через десять он все же появился. Вид был какой-то измученный, как будто он не спал всю ночь, а занимался тяжелой работой. «Да, подумал Алексей, нелегко парню пришлось. А может он половой гангстер?» На его лице, кроме вчерашних царапин, полученных в аварии, появился под глазом маленький синячок. Валдис с Алексеем переглянулись, у обоих в глазах светилось облегчение: «Главное, что «Павка» жив и невредим. Ну, обо всем, наверное, расскажет.»

Поначалу комсомолец отнекивался, убеждал, что все в порядке, да и рассказывать нечего. Некоторое время в нем чувствовалась какая-то неуверенность.

– Борьба мотивов, – подумал Алексей. Он, видимо, хотел

поделиться своими воспоминаниями, но нужен был легкий толчок.

Видя это, Валдис, как знаток человеческих душ, просто взял и предложил «Павке» выпить. Алексей надеялся, что тот откажется, но комсомолец моментально согласился. После второй порции «писко» он неохотно приступил к рассказу:

– Порно фильм начался с небольшим опозданием, зал был заполнен на треть. Публика возбужденно свистела, подгоняя киномеханика. После первых откровенных кадров, зал утих. Минут через пятнадцать, на последнем ряду раздался стон, похожий на стон облегчения. И этот зритель, на вид лет шестидесяти, резво выбежал из зала. Похоже никто, кроме «Павки», на это не обратил внимание. Все как-то занимались своим делом. Один несовершеннолетний зритель ерзал на скрипучем стуле и делал какие-то резкие движения руками. Через некоторое время стул затих, а парень как-то обмяк. Странно, но никто не комментировал происходящее на экране. А было на что посмотреть. Комсомолец даже в своих фантазиях, не мог такого представить. Фильм его затянул так, что он забыл о времени. Очнулся от того, что сзади какой-то мужик похлопал его по плечу и стал предлагать что-то. Но «Павка» его не понял. Тогда мужик подсел рядом и тронул его за коленку. Комсомолец резко отшатнулся и пересел на другой ряд поближе к выходу, на всякий случай. Здесь появилась другая напасть: будучи очень впечатлитель-

ным «Павка» смотрел фильм, сопереживая актерам, как – будто сам участвовал в их действиях. И количество перешло в иное качество, это он твердо усвоил еще со времен Высшей комсомольской школы, из курса марксистко-ленинской философии. Он почувствовал сильное возбуждение внизу живота, а во рту пересохло. Нужно искать какой-то выход, долго я так не протяну. Выход из зала оказался рядом. Он вышел из кинотеатра, помня, что туалет находится за углом. Неожиданно, к нему подошла какая-то дама и, по-матерински, взяла его за руку и стала что-то быстро говорить на своем языке. Ничего не понимая, он стал мотать головой таким образом, что в Болгарии означает знак «да». Одновременно, он почувствовал нежное прикосновение к, выступающему на джинсах, бугорку и непередаваемое наслаждение на несколько секунд его обездвигило. Ну, позорище, подумал он, хорошо догадался одеть памперсы, на всякий случай, вытащил одну упаковку из пачки, купленной соседу в подарок. Дама, как будто, все поняла и тут же отстала. После туалетной комнаты решил вернуться в зал и досмотреть фильм. Зрителей осталось совсем немного. Сначала ничего нового он на экране не увидел, все казалось банальным. Но, позднее, более смелые режиссерские находки, и появление новой главной героини, заставили его изрядно поволноваться. Конечно, в душе настоящего комсомольца все происходящее на экране вызывало протест, но потом мораль куда-то отступила, и снова затрещали джинсы. Выпил валерианки, немного

успокоился. Голова уже не так реагировала на физиологию. Надо было все-таки выполнить второй пункт разработанного еще в Москве плана.

Здесь комсомолец осекся и мимикой, и жестами пытался дать понять, что не хотел бы больше вспоминать этот остаток ночи. Однако Валдис, тоже разогретый двумя-тремя порциями алкоголя, не унимался. С типичным прибалтийским упрямством он не выходил из темы.

– Старина, мы должны знать ситуацию, будут же и другие гости из Москвы с аналогичными запросами, поэтому нельзя допускать того, что кто-то наступит второй раз на одни и те же грабли.

– Ну, я чувствую себя лохом, – вздохнул «Павка».

– Ничего, это поправимо, «взял его за горло» Валдис.

– Короче говоря, вкратце, дело было так.

Повторно выскочив из кинотеатра от эмоционального перевозбуждения, комсомолец прошел в скверик на «точку» и познакомился с миловидной девушкой с огромным декольте и изящными формами. Ее платье со стразами в лучах полной луны светилось прозрачностью и притягивало как магнит. Голова у «Павки» пошла кругом, а ноги подкашивались. С каменным лицом и непослушными руками он как-то смог из себя выдавить что-то нечленораздельное. Но девушка все поняла и на пальцах показала десять. Будучи экономистом, по образованию, комсомолец пытался проанализировать, что такое десять – время или деньги. Но голова со-

ображала плохо. И он отдался воле судьбы. Не помнил, как оказались в номере, при виде широкой кровати ноги его подкосились. Дама ловким движением залезла в его бумажник достала несколько купюр и положила их в сумочку. Одной купюрой повертела у него перед глазами и сказала слово консьерж. «Видимо портье надо заплатить», – подумал «Павка».

На этом месте он снова остановил свой рассказ и с мольбой посмотрел на Валдиса. Прибалт прожег его взглядом, и комсомолец снова сник. И было от чего. Короче девушка быстро раздела лежащего «Павку» и стала скидывать свою одежду. Когда она скинула все, он увидел валявшиеся на полу латексные пышные формы, а между бедер он увидел то, что повергло его в ужас. «Так это же пацан», – не успел воскликнуть он, как на него навалилось хрупкое тело. Пытался забрать свои деньги, но эта мартышка двинула мне кулачком под глаз и, почти не одетой, выскочила из номера.

Раздалась продолжительная полицейская сирена. За окном послышался какой-то шум, в дверь настойчиво постучали. Мгновенно проснувшись, Алексей подумал о том, что Валдис с комсомольцем опять что-то начудили. Вскочив с постели и набросив халат, подошел к двери и спросил: «Валдис, ты?» Ответа не последовало. Тогда он открыл дверь и увидел Федора.

- Что случилось, Леша? Мы же договорились на девять...
- Алексей посмотрел на часы, было ровно одиннадцать.
- Федор, извини, я потерялся во времени и в простран-

стве. Вчерашние воспоминания, видимо, унесли меня в другое измерение. Просто последний сон был про Валдиса и его приключения в этой же пустыне.

Из отеля в оазис выехали на два часа позже, но это было не критично. Теперь по Панамерикано ехали не на юг, а на север: слева был безбрежный океан, а справа проносилась унылая пустыня. Несмотря на однообразный пейзаж, эти виды Федору нравились. По его словам, они действуют умиротворяюще, разбить бы здесь палатку и пожить как бедуины. Отдохнуть бы от шумной Москвы и от начальников-бюрократов. И заниматься чистой наукой. Далее он рассказал, что оазис, находящийся между Андами и океаном, может быть идеальным местом для биостанции. Задача станции – изучать трансатлантическую миграцию птиц и насекомых.

Промелькнул указатель поворота на Нурин, и Алексей сбавил скорость. На картах оазис не был обозначен, к нему не вели никакие дороги. Ехать нужно было пятикилометровый отрезок по пустыне. Он притормозил, достал из бардачка схему проезда к месту, полученную в столичном краеведческом музее. Посмотрел на спидометр, прикинул, сколько проехали от поворота на Нурин, и стало ясно, что сворачивать с шоссе нужно через два километра. Пожилой сотрудник музея его предупредил, что бездорожье к оазису коварно: есть места, где песок лежит на твердой почве, и места, где песок сыпучий. Он посоветовал взять буксировочный трос и листы фанеры. Алексей подумал, что дед просто перестра-

ховывается: он уже ездил по пустынному бездорожью ни раз и ни два, но фанерку взял, подумав, что она пригодится для розжига.

Через два километра свернули направо с трассы. Поначалу были видны следы от протектора машин, ведущие прямо, налево и направо. Амазон катил по песку легко и непринужденно. После скоростной езды по шоссе оба пассажира расслабились, и даже закурили с приподнятым настроением. Следов от других машин уже практически не было видно. Федор, покрутив головой на триста шестьдесят градусов, сказал:

– Слушай, старина, кроме песка уже ничего не видно, Панамерикано и океан скрылись за барханами. Как ты здесь ориентируешься?

Алексей взглядом показал на компас, лежащий на панели.

– Ты правильно спросил, сверься с компасом, наш курс должен быть прямо на восток.

Ехали, ориентируясь по компасу еще некоторое время, двадцать минут, а может быть и полчаса. Чувствовалось, что у Федора нарастает внутреннее напряжение. Его настораживало, что следы протектора тут же заметает песком. Посмотрев на стрелку бензобака, застывшую ровно посередине, он несколько успокоился. Когда все хорошо с бензином можно спокойно путешествовать. В это же время Алексей так же стал разделять напряженность Федора. Но оба молчали. Вдруг машина пошла вверх, сцепление с песком потихоньку

ослаблялось.

– Это что еще за сюрпризы, подумал Алексей. Он быстро переключился на первую передачу. Песок, как и вода, скрывает наклонности и впадины. Так что это – не обман зрения, машина медленно ползла вверх по склону, под углом, примерно около двадцати градусов. Выхлопная труба как будто зачихала, от неполного сгорания топлива.

– Может, назад повернем, на выдохе пробормотал Федор.

– Уже не получится, неуверенно ответил Алексей, нужно держаться на ходу, а то увязнем.

Прямо по курсу пролетела небольшая стая птиц. Федор заметно повеселел.

– Ну, вот, друг мой, раз увидели птиц, значит, скоро появятся и деревья.

Движок снова задергался, его работа стала прерывистой, как дыхание бегуна на финише, которому не хватает кислорода. Алексей снова нажал на газ до упора. О, чудо! Когда «Амазон» достиг пика подъема, перед ними открылся живописный вид на оазис, находившийся в сердце пустыни. Для путешественников этот вид был сопоставим с чувством путника, страдающего от жажды при виде колодца. Оба «упивались» видом раскачивающихся высоченных эвкалиптов, пальм и других растений. На-вскидку, площадь оазиса была около сорока гектар. Чуть левее к нему вела накатанная дорога.

– Немного ошиблись с навигацией, промолвил водитель.

Но зато, путь назад, к Панамерикане будет значительно легче и комфортней, поедем по-накатанному.

Перед въездом в оазис была небольшая парковка, где стояли два джипа «Гранд Чероки», с колесами как у мини трактора, и один микроавтобус с усиленным протектором.

– Ну, конечно, на такой технике никакие пески не страшны, одновременно произнесли оба.

– Следующий раз поедем на «Ниве», прокомментировал Алексей.

На территории было небольшое кафе, где они выпили по бутылки пива и съели по сэндвичу. Позднее к ним подошел молодой парень и предложил услуги гида. Он рассказал, что до испанской конкисты, оазис активно использовался инками как место привала для караванов, идущих с севера на юг и в сьерру. Оазис живет благодаря тому, что туман, возникающий над поверхностью земли, с вечера до позднего утра, превращается через конденсат в воду, дающую всему жизнь. Кроме того, три небольших источника дают питьевую воду. Невдалеке виднелись несколько бунгало, которые можно было арендовать на короткий и продолжительный срок. Почти угадав мысли Федора, гид передал ему ценник по аренде. Все было замечательно, и не хотелось уезжать. Тем более, бунгало было меблировано, имелся душ и биотуалет, что было в диковинку советским людям. Биолог подробно расспросил сотрудника о местной фауне. Тот рассказал, что множество птиц прилетают откуда-то и улетают в никуда. Также много

насекомых – комаров, москитов, множество мошек и других гадов.

– Но, это же прекрасно, – воскликнул Федор.

Рассчитались и распрощались с гидом, обменялись визитками. Договорились, что в ближайшее время с ним свяжутся. Уточнили, как безопаснее доехать до трассы. Тот указал путь рукой и сказал, что надо держаться на северо-запад. Гид посмотрел на небо, проследил за поведением птиц и нахмурился:

– Вам лучше поторопиться, сеньоры. Возможен ранний сильный туман и песчаная буря.

Быстро сели в машину, «Амазон» завелся с полуоборота, однако стрелка бензобака уже показывала чуть больше четверти.

– Ну, бензина минимум километров на восемьдесят, до трассы хватит, подумал Алексей.

Тронулись в путь, действительно, по направлению, указанному гидом, песок был по-плотнее, более накатанным. Сохранились следы от протектора джипов, по ним стали ориентироваться. Тем временем биолог вслух строил планы: аренда бунгало, и проживание там одного-двух человек вписывается в смету, выделенную на обустройство мини биостанции. Останется только завести необходимое оборудование, запас продуктов питания и приступить к работе.

– Я думаю, что Москва быстро согласится на этот вариант.

Ехали дальше, настроение было приподнятое, нашли, что искали. Будет, что доложить шефу и послу. До Панамери-кано оставалось километра три. Поднялся встречный ветерок, постепенно усиливающийся. Алексей почувствовал сопротивление машины ветру, но близость шоссе подпитывало оптимизм. Тем не менее, колея от двух джипов засыпалась песком и в перспективе уже не была видна.

– Посмотри направо! – громко прокричал Федор, там стоит какая-то машина, и люди машут нам руками.

Вспомнив инструктаж офицера безопасности, Алексей ответил:

– Если это машина с дипломатическим номером, остановимся, если – нет, то не будем нарушать инструкцию.

Он сразу вспомнил случай, прочитанный в ориентировке, когда в одной из стран Южной Америки нашего дипломата попросили подвести выпившего гостя. По дороге гость в машине умер. Впоследствии, местные власти обвинили этого дипломата в неоказании первой помощи, что привело к смерти человека. В итоге, ему пришлось срочно возвратиться на родину.

Когда поравнялись с машиной, Алексей четко и ясно рассмотрел дипломатический номер. У машины стояли пара взрослых, лет за пятьдесят, и двое тинейджеров, от восемнадцати до двадцати пяти. Решил остановиться, для этого выбрал небольшой пригорок. Вышли из машины и подошли к этой группе лиц. Навстречу им поспешил возрастной муж-

чина.

– О, какое счастье, Вы тоже дипломаты! Разрешите представиться: я – посол Великобритании Джон Диккенс, – произнес он по-английски. Ду ю спик инглиш? – продолжил он.

– Ес, сэр, мы говорим и по-английски, и по-испански, – сказал Алексей и протянул ему руку. Я, третий секретарь посольства СССР Алексей Леонов. Писатель Диккенс, случайно не ваш родственник, пытался пошутить он.

– О, да-да, мы, все Диккенсы произрастаем из одного корня, – улыбнулся посол.

Он представил свою жену, сына и дочь. Алексей представил Федора, как известного советского биолога. Федор немного засмутился. После протокольных формальностей, Алексей, глядя в их невеселые лица, спросил:

– Что у Вас здесь приключилось?

Британец показал на машину, и стало все ясно: колеса были наполовину в песке. Стало понятно, что ситуация достаточно серьезная.

– Но самое печальное, сказал британец, что машина – железка, это, полбеда. Пытались найти какие-нибудь деревяшки, ничего, нашли один плоский камень, попробовали поддомкратить, и здесь случилось ужасное. Домкрат прокрутился, машина соскочила, сын успел отбежать, а дочь Виктория, которая пыталась приподнять авто за бампер, не успела отпрыгнуть, и ее правая рука отказалась под бампером. С трудом откапали. Не знаем, перелом это, или что-то другое.

Страшная боль. А у нас даже нет аптечки. Алексей внимательно посмотрел на девушку, ее лицо было бледное и искажено гримасой боли.

– Так, господин посол, сейчас что-нибудь придумаем.

Он побежал к машине, достал из аптечки пачку анальгина, убедился, что она еще не просрочена. Дал девушке две таблетки и сказал выпить. Посол протянул бутылку воды. Федор внимательно осмотрел руку пострадавшей, опухоль была явно заметной.

– Это, видимо, перелом, подытожил он.

Алексей моментально вспомнил занятия по гражданской обороне в институте. В такой ситуации необходимо срочно наложить шину, он об этом сказал послу и попросил поискать в багажнике крепкий картон для фиксации, какой-нибудь бинт, веревку. Посол пулей метнулся к машине. Федор хлопнул Алексея по плечу:

– Так я же видел у тебя в багажнике фанеру.

Побежали за фанерой и тут же вернулись. Британец подошел, разводя руками, что ничего не нашел, кроме эластичного спортивного бинта. Увидев лист фанеры в руках Алексея, он сразу сообразил и вытащил из рюкзака спецназовский многоцелевой нож, в котором была и пилка, и кусачки, и много всего. Быстро смастерили шину и наложили на руку Виктории. Ее щеки заметно порозовели, видимо сработал анальгин.

– Ну, одну проблему, кажется, решили. Давайте думать,

как вытаскивать машину из песка, сказал Алексей.

Машина, марки «Бьюик» седан, на вид была среднего класса, из-под бампера выглядывали две выхлопные трубы, значить авто имела, как минимум, шесть цилиндров, а может быть и восемь, то есть движок был мощным. Отделка салона красноречиво свидетельствовала, что это была машина представительского класса. Сиденья из кожи, панель, подлокотники из красного дерева. Даже имелся небольшой бар, видимо с холодильной установкой. От этих наблюдений, к реальности Алексея вернул посол, который предложил посадить за руль свою супругу, а четверым мужчинам попытаться толкнуть машину. Его идея, казалось, была реальной. Стали толкать «Бьюик», но колеса тяжелого лимузина все более увязали в песке.

– Нет, так дело не пойдет, воскликнул Алексей. Лучшим выходом, наверное, будет следующее. По моим расчетам, до трассы остается около трех километров. Мы с коллегой, на моей машине поедem на шоссе и попытаемcя найти грузовой автомобиль, чтобы вытащить вас на буксире.

– Отличная идея, сеньор, воскликнул посол, лучшего не придумаешь!

Алексей вытащил из кармана пачку анальгина и передал ее Виктории.

– Сколько мы будем ездить туда-обратно, никто не знает. Британец взглядом оценил джентельменский поступок русского.

Сев за руль, Алексей включил зажигание, рычаг переключения передач поставил на первую и медленно нажал педаль газа. Прибавил еще газа, но «Амазон» стоял, как вкопанный. Подбежали Федор и посол с сыном. Биолог крикнул:

– Не вылезай, мы тебя сейчас подтолкнем! Попробуй дать резкий газ!

Мужчины обхватили заднюю часть машины, и Алексей дал газ, по-максимуму.

Машина чуть тронулась вперед, он не снимал ногу с педали газа, но колеса стали зарываться в песок. Попытки вытолкнуть машину продолжались, но все было тщетно.

Алексей вышел из машины и подошел к мужчинам, все выглядели удрученно и разводили руками. Посол еще раз напомнил, что они успели все осмотреть в радиусе полкилометра, но ничего полезного для вытаскивания машины не нашли. Вдруг подбежала Виктория с каким-то испуганным видом и показала рукой в сторону далеких гор. Все оглянулись и всмотрелись в небо. На горизонте была видна гигантская стая птиц, летевшая в сторону океана. Биолог напрягся:

– Это дело, не к добру, подумал он.

Со стороны гор внезапно задул сильный ветер... Через пару минут он достиг такой силы, что слетали бейсболки с голов путешественников, никто ничего не понимал... Больше всех засуетилась жена посла, бегавшая от одной машины к другой, она пыталась увести дочь в машину.

– Что думаешь? Спросил у биолога Алексей. Есть ли ка-

кие версии?

– Но пока ничего катастрофического я не вижу. Однако поведение птиц, пронесившихся над головами, и число которых не уменьшалось, а прибавлялось, наводит на некоторые мысли: птица хочет найти твердую почву под ногами, видишь, они летят в сторону Паракаса и островов. А это значит, что в горах для них не безопасно. Если и произойдет что-то, то эпицентр будет там, а не в океане и не в пустыне.

Когда Алексей стал объяснять версию эксперта британцам, те немного успокоились. Но всех не покидала мысль, видимо срабатывал инстинкт самосохранения, что надо искать какое-то безопасное место. Пока смотрели на низко пролетавших птиц и друг на друга, все разом услышали гул, который все нарастал и нарастал.

– Так бывает при землетрясениях, воскликнул Алексей, я уже испытывал такое... Он еще хотел сказать что-то, но земля под ногами заходила. У жены посла подкосились ноги, и она упала. Все вместе кинулись ее поднимать. Колебание земли продолжалось еще какое-то время. Потом все затихло. Исчез куда-то и гул. Все стояли кружком вокруг сидящей на земле супруги посла. Понемногу успокоились и даже заулыбались. Налетевшие в неурочный час сумерки начали рассеиваться. Посол подал жене руку и помог ей встать.

– Сеньоры, все в порядке, – сказала она, самое страшное позади, я это чувствую своей мигренью.

Явно она пыталась внести оптимизм, и лицо ее застыло в

улыбке, однако руки и ноги были натянуты как струна.

– Ну, ребята, нам надо немного расслабиться, произнес британец и предложил выпить по порции джина.

Только он подошел к багажнику машины, Виктория, обхватив мать закричала:

– Смотрите, что это? Ее взгляд был направлен в сторону гор.

Небо озарилось яркой вспышкой.

– Это же, сухая гроза! – вырвалось у Алексея. Не открывать, перекрикивая вновь настигший гул, закричал он.

Прыжком, в стиле Дасаева, он, молниеносно, оттолкнул посла от машины, и оба покатались по песку. В этот момент молния попала в дверь пассажира и отрикошетила в небо. Земля вновь задрожала. Под машиной англичан образовалась небольшая трещина в земле, куда устремился песок, и машина просела еще больше. Через какое-то мгновение все стихло. Биолог увидел несколько ящериц, вылезавших из песка.

– Ну, друзья, теперь-то все закончилось, я это утверждаю, как доктор наук. Посмотрите на этих ящериц, у них сработал инстинкт самосохранения, в случае опасности, они могут зарываться до метра глубины в песок, а когда все проходит, выползают на поверхность.

Больше всего эта «краткая лекция» понравилась девушке, она подбежала к биологу и расцеловала его. И на самом деле, небо прояснилось, ветер стих, затрещали цикады, – жизнь

вернулась в норму.

– Теперь, господа, мы уж точно выпьем джина, пригласил посол к багажнику своей машины. Он вытащил и установил раскладной столик, куда поставил оригинальный саквояж, который Алексей видел впервые в жизни.

Когда посол открыл саквояж, стало видно, что внутри множество отсеков разной величины. Содержимое было разнообразно: бутылочки малого объема с джином, виски и вином; на дне – чипсы, орешки и другое разнообразие. Из багажа машины Виктория принесла лед. Все с облегчением выпили и закусили. Первый тост посол поднял за Алексея, он растроганно сказал несколько слов и обнял его. Все поняли причину такого порыва чувств, обычно сдержанных англичан, и одновременно посмотрели на вмятину от молнии на двери пассажира. Посол попросил дочь сфотографировать его с Алексеем на фоне этого повреждения. Англичанин, с улыбкой, произнес:

– Вот, так, в Европе идет «холодная война», а в нашей пустыне – мир, дружба.

Посмотрев на вмятину, он промолвил: хорошо, что это был не бензобак, и перекрестился.

– Давайте думать и искать выход, предложил Алексей, теперь приоритет – вытащить мою машину.

Все засуетились, но не знали, что делать, в том числе и Алексей. Он бесцельно подошел к машине, открыл багажник, осмотрел его содержимое. На глаза попались старые

джинсы, используемые им при ремонте машины.

Не понимая зачем, взял их в руки, мыслей никаких не было.

– Пойдите, засуетился посол, надо провести эксперимент. Какой у вас ведущий мост, задний? Задний... Алекс садитесь за руль!

Все мужчины поняли, в чем дело. Англичанин запихнул джинсы под заднее колесо, а его сын поднес рубашку и подложил под другое колесо. По команде на «раз, два, три» Алексей нажал на газ, а мужчины стали толкать машину. И, действительно, задние колеса получили сцепление с грунтом, и машина слегка тронулась вперед. В один момент вся компания поняла, что делать: быстро достали все коврики из салона и засунули их под все колеса. Предприняли еще одну попытку, все удалось. «Амазон» проехал метра три и остановился в безопасном месте. Тот же «номер» повторили с Бьюиком, но подложили коврики из двух машин. Хотя эта машина глубже увязла в песке, но коврики, передний и задний привод и мощный мотор сделали свое дело.

Все дико устали от пережитого, хотелось быстрее вернуться домой. Поэтому прощание было недолгим, обменялись визитками и договорились всей компанией встретиться вновь.

На следующий день, следуя давней привычке, Алексей вышел на занятия бегом трусцой вокруг «Голфклуба». Утренняя пробежка способствовала снятию негативной энергии

прошедшего дня и давала заряд оптимизма на день текущий. Он неизменно брал с собой маленький транзистор, легко уместяющийся на ладони. Это позволяло за сорокаминутную пробежку прослушать все последние новости мирового и регионального характера, а также страны пребывания. Он постоянно слушал канал «Ла ультима ора», где было много новостей и аналитики. В это же утро он узнал, что вчера, во время их пребывания в зоне оазиса, произошло редкое для этих мест явление: «сухая гроза в Андах и подземные толчки в океане, происходившие одновременно. Последний раз такой дуэт произошел двадцать лет назад. Вчера обошлось без серьезных жертв и разрушений, тем не менее известно, что погиб один турист, решивший с горы Мачу Пикчу совершить подъем на соседнюю гору Уайну Пикчу. В момент сухой грозы он проводил съемку на видеокамеру, держа ее за металлические части. Молния прошла его, и он погиб на месте.

Перед утренним совещанием у посла, Алексей и Федор подробно все доложили шефу, своему руководителю отдела. В деталях описали эпизод помощи британскому послу.

Прошло недели две. Алексей парился с коллегами в по-польской сауне, используя березовые веники, купленные у Сандуновских бань. Это всегда был особый ритуал. Здоровый моцион в парилке и в сауне с чаем на травах и с философскими рассуждениями о смысле бытия. Часто, в серьезные разговоры встревали и смешные анекдоты. Обычно та-

кое мероприятие заканчивалось священным «с легким паром» в близлежащем ресторанчике. В этот раз, когда он направлялся из помещения сауны к выходу из посольства, его окликнул посол, стоящий на балконе резиденции:

– Алексей Иванович, задержитесь на минутку, разговор есть, я сейчас спущусь, подождите меня в саду.

Территорию посольского комплекса и резиденции разделял высокий забор из растущего бамбука. На его верхушки часто прилетала стая попугаев, порой они создавали такую шумиху, что доводили людей до головной боли. Негласно, завхоз посольства разрешал мальчишкам стрелять в них пластиковыми шариками из игрушечного пистолета.

Через небольшую калитку Алексей прошел в сад, где, на цветущих кустах, порхали колибри, они были такими миниатюрными, что напоминали стрекоз. Интересно, что эти крошечные птички летают не вперед, а назад.

Четкий прямоугольник патио был покрыт газоном из твердой травы, которая не вытаптывалась и не повреждалась, даже от брошенных окурков. После государственных приемов, в которых участвовало до тысячи человек, этот газон пылесосил садовник, как простой ковер.

Вскоре в сад выбежал посол в спортивной форме. Он в молодости играл в футбол за дубль московского Торпедо и был сторонником здорового образа жизни. Ему приходилось нарезать до сотни кругов в патио, поскольку, с точки зрения безопасности, он не мог бегать в городских парках.

Посол подошел к Алексею, и они обменялись крепким рукопожатием.

– Ну что, Алексей Иванович, ты молодец, не уронил честь дипломата чичеринской школы.

Алексей пока не понимал, куда клонит посол, но следующая фраза все разъяснила.

– Был вчера на приеме у французов, не успел войти в банкетный зал, как ко мне подбегает британский коллега Диккенс. Замечу, что, раньше, на протокольных мероприятиях, с англичанином, перебрасывались двумя – тремя лаконичными фразами лишь под конец приема, поскольку он старался держаться подальше от меня. Я давно знаю их истинное отношение к нам, довольно недружелюбное. А здесь, во французском посольстве, ты не поверишь, британец чуть ли не обниматься полез. Он мою руку не выпускал минут пять, и все рассказывал и рассказывал, как ты ему, практически жизнь спас, и оказал первую помощь его дочери. Общались на английском, и я некоторые специфические моменты из его речитатива не понял. Попытался перевести его на испанский, но он изящно от этого ушел. Зайди завтра ко мне, часов в десять, разъяснишь все детали происшедшего, хочу написать телеграмму в Москву. Нам сообщили, что наш министр собирается с официальным визитом в Лондон, и твоя информация может пригодиться. В конце концов из «холодной войны» надо искать выходы.

Прошло несколько недель. Федор развернул биостанцию

в оазисе. По поручению руководства стали готовить поездку в горы, для поиска места для другой станции, на перспективу планировалось аналогичное путешествие в район бассейна Амазонки.

Наступил канун отъезда в горы. Утром Алексей заехал в посольство, чтобы забрать свежую почту и решить кое-какие вопросы в бухгалтерии. Почту он не забирал последние несколько дней, и его ячейка была доверху забита. В кабинете, на рабочем столе, разложил корреспонденцию. Его внимание привлек красивый конверт с «юнион джек», в левом верхнем углу, и гербом королевы чуть ниже. Таких конвертов он еще никогда не получал. Это было приглашение на прием в британское посольство, на завтра.

В этот же момент раздался телефонный звонок. Звонил Федор, радостным голосом сообщивший, что получил приглашение на прием к англичанам. Он твердо сказал, что надо идти – в такой ситуации вместе побывали. Алексей ответил, что он обязан доложить о приглашении послу, и в зависимости от его позиции, решим, как поступать. Последовал еще один звонок, на проводе был секретарь посла, он поинтересовался, дошло ли до Алексея приглашение британцев. Услышав утвердительный ответ, он передал слова посла, что надо обязательно принять участие в приеме.

Алексей и Федор подъехали к резиденции посла Великобритании на одной машине, оба выглядели «с иголочки». Гостей встречали сам сэр Диккенс с супругой, поприветство-

вали друг друга как старые знакомые. Выходя за рамки протокола, британец даже приобнял Алексея, что вызвало удивленные взгляды других гостей, включая, и даже посла США. Хозяин пригласил их проследовать в патио, и шепнул, что обязательно пообщаемся. В саду уже было много приглашенных, они не спеша прогуливались, держа в руках бокалы с аперитивом. Отовсюду была слышна речь на английском, испанском, арабском и других языках. Пока они присматривались, к какой бы группе дипломатов примкнуть для протокольной беседы, к ним подошла Виктория. Встреча была радостной, такое впечатление, что встретились старые друзья. Она, в роскошном платье от Кардена выглядела великолепно: глаза ее светились, улыбка была очаровательна, несмотря на то, что одна рука была в лангетке. Друзья в один голос поинтересовались, как у нее дела.

– Когда отец работал в Москве, я, дважды, смотрела комедию про какую-то руку. Фильм шел с титрами, я все понимала. Так вот, как сказал герой фильма «шел, подскользнулся и упал», с явным акцентом произнесла она по-русски. Слава богу, у меня: не закрытый, не открытый перелом, а просто вывих.

И все дружно засмеялись!

Постояли еще минут десять, пошутили, повспоминали о случившемся в оазисе. Виктория сказала, что посол, вообще-то, недолюбливает русских, но после встречи с Вами в пустыне, свое мнение изменил, но может быть ненадолго. На

его службе не принято симпатизировать Советам.

В этот момент, к Федору подошел какой-то иностранец и поздоровался с ним, как старый знакомый. Он оказался норвежским микробиологом, с которым Федор неоднократно встречался на разных конференциях. Они извинились и отошли в сторону поговорить. Виктория же, оставшись с Алексеем наедине, попросила его пройти в смежный с патио садик, где можно было бы, спокойно побеседовать. Алексей немного удивился такому повороту и нехотя подчинился. С первых же слов англичанки он понял, для чего нужно было уединиться. Она сразу начала с того, что посол ей – не родной отец, а дальний, «седьмая вода на киселе», родственник ее отца, погибшего в конце сороковых годов. Ее мать – до, и во время Второй мировой войны, сотрудничала с разными марксистскими группировками, желала победы Советскому Союзу. После войны в Великобритании началась кампания по борьбе с «красными», как и кампания «маккартизма» в США. Короче, мать затравили по доносам предателей, она лишилась работы и вскоре умерла. Диккенс, на основании дальнего родства, удочерил ее, и она ему очень признательна за все. Но в последнее время, она узнала больше о роли отца и матери в борьбе с фашизмом, совместно с русскими. Она охладела к приемному отцу из-за его антисоветизма, и ее постоянно навещала мысль отомстить за родителей какой-либо помощью русским. И вот, такая встреча в пустыне, геройское поведение русских, выручивших из беды ее и ее

семью. Алексей молча слушал, обескураженный таким поворотом дела. Он видел, что она говорила искренне, но в жизни разное бывает. Беседа затянулась, он понимал, что надо возвращаться в патио ко всем гостям. И Виктория это поняла. Тогда Алексей спросил, играет ли она в лаун-теннис, и, получив утвердительный ответ, предложил поиграть на следующей неделе и поговорить спокойно обо всем.

На следующий день Алексей подробно проинформировал руководителя отдела о приеме у британцев и особенно о беседе с Викторией. Шеф внимательно выслушал, задал уточняющие вопросы и сделал вывод о том, что ей можно доверять. Но для большей уверенности, он пошлет запрос в Москву о проверке изложенных ею фактов по английским газетам того времени. В библиотеке иностранной литературы имеется большой архив газет военного и послевоенного времени, так что – это дело техники. Он порекомендовал не затягивать со встречами и не проводить ее в теннисном клубе, там слишком много «лишних глаз». Лучше встретиться с англичанкой в крупном торговом центре, например, в «Сага Фалабелла», в отделе журналов, где есть кафетерий. Внешне это будет выглядеть, как случайная встреча. Если дама не будет возражать, то ее можно пригласить в ближайшую китайскую чифу, где есть кабинки для частных бесед. Алексей внимательно выслушал и все рекомендации подробно записал.

Через три дня пришла подробная информация из Моск-

вы, согласно которой, отец Виктории был британским офицером ВМС и принимал участие в организации союзнических конвоев для поставки военной техники СССР. Однако, в конце сороковых годов погиб в странном ДТП. Ее мать, по тем же данным, смогла избежать судебного преследования по обвинению в связях с коммунистическими организациями. Тем не менее, была уволена из министерства торговли, а в начале пятидесятых годов умерла от сердечной недостаточности.

В тот же день, после получения данной информации, Алексей позвонил в Британский культурный центр, где работала дочь посла. Виктория, с удовольствием, приняла приглашение встретиться, но отметила, что рука еще не зажила, и в теннис играть не готова. На вопрос, как она относиться к китайской кухне, с восторгом приняла приглашение. Договорились встретиться в «Гранд чифе» на плаза Сентраль. За ужином еще раз вспомнили чрезвычайную ситуацию в пустыне. Она сказала, что ее приемная мать, до сих пор тяжело переживая случившееся, зачастила в церковь. Да, и ей самой часто снятся сны с раскатами грома, землетрясениями и стаями птиц во весь горизонт. Затем, побеседовали о советской и английской литературе, кинофильмах, спектаклях известных классиков. Алексей не знал, как подступиться к главной теме. Медлил и продолжал вести разговор по нейтральным вопросам. Вдруг он остро почувствовал, что, собеседница ждет от него чего-то... Наконец, он не выдержал и спросил:

– Я, видимо, правильно тебя понял, что, в память о своих родителях, ты хочешь помочь Советскому Союзу.

– Да, Алекс, я тебе по секрету сказала, что моя мама передавала информацию английским коммунистам, и она доходила до Москвы. Ну, ладно, не будем об этом.

После того как «карты были раскрыты», разговор перешел в деловую фазу.

Далее Виктория поделилась о том, что ее отец, несмотря на большой опыт на дипломатической службе, в кругу семьи чувствует себя спокойно и часто ведет разговоры на служебные темы. Он уверен, что дом не прослушивается, поскольку каждую неделю там проводится проверка технической службой посольства. Так, на днях, он рассказал, что ночной обстрел резиденции американского посла был совершен группировкой «Сендера луминосо». Янки думают, что сендеристы поддерживают связь с советским посольством. Поэтому они планируют акцию возмездия. Будут задействованы силы правой террористической организации «Ла круз негра». Детали она не знает, но, в ближайшие дни, объектом диверсии станет посольство СССР.

Алексей поблагодарил англичанку за ценную информацию, они уже засиделись, и настало время распрощаться.

Из китайского ресторана он отправился прямо к шефу. Тот его внимательно выслушал, сделал пометки в рабочем блокноте, позвонил послу и договорился о встрече через десять минут.

– Значит, источник информации раскрывать перед послом не будем, и ты держи рот на замке. Завтра обсудим детали о твоей дальнейшей работе с Викторией, кстати, придумай ей какое-нибудь отвлеченное имя, а то «...враг хитер и коварен». Я бы назвал ее «Незабудка», потому что она не забывает вклад своих родителей в нашей общей борьбе с фашизмом.

На следующий день, с утра, во всех советских представительствах прошли совещания по усилению безопасности всех объектов. К вечеру, офицер безопасности прямо валился с ног. Непросто было объяснять некоторым умникам о необходимости жестких мер. Их логика была «авось пронесет».

Прошел день, второй... Все было тихо. На третий день, по графику, Алексей заступил на пост дежурного дипломата. Было указание, на территорию посольства, без согласия дежурного дипломата, никого не впускать. За период дежурства, Алексей раз десять подходил к калитке и проводил переговоры с посетителями, которых на территорию не впускали. Он также принимал почту и ставил печати на бланках доставки курьерам. До перерыва на обед оставалось минут семь, по мониторам он увидел, как «самые голодные» устремились к своим квартирам. С заднего двора выехала в город машина завхоза. С территории жилого комплекса выходили родители со школьниками. Он сам стал собирать свои вещи в дипломат-кейс. Посмотрев на часы, он убедился, что до

конца дежурства оставалось две минуты. Краем уха он услышал, что дежурный комендант, долговязый Паша, на корявом испанском языке ведет какие-то переговоры с посетителем, стоявшем за калиткой, у переговорника. Только он собрался спросить у коменданта, в чем дело, как увидел в дальней камере монитора человека, идущего по территории посольства.

– В чем дело? Барабаня в пуленепробиваемое стекло, заорал Алексей, обращаясь к коменданту.

– Я, случайно, Алексей Иванович, нажал не ту кнопку, «заблеял» последний...

Снова посмотрел на монитор, калитка за посетителем автоматически закрылась. Лицо посетителя выражало гримасу ужаса. И Алексей нажал тревожную кнопку, после чего, моментально были заблокированы все входы и выходы огромного посольского комплекса. А руководство получило тональный сигнал тревоги. Сделав мощный рывок, он подскочил к двери, и закрыл вход в помещение для приема посетителей. Снова прильнул к мониторам, «незванный гость» стоял у декоративного бассейна с рыбками, находившегося ровно посередине от входа до здания посольства. В другом мониторе он увидел, что посол, видимо после сигнала тревоги, появился на балконе второго этажа резиденции. Алексей схватил трубку телефона прямой связи с резиденцией и командным голосом приказал, чтобы все окна были закрыты. Тем временем «незванный гость» в нерешительности все еще

стоял у бассейна. Он даже достал сигарету и прикурил, руки его заметно дрожали. Иностранец был невысокого роста и худощав, под мышкой он держал большой конверт. Алексея напрягло несоответствие его худобы и неестественно выпуклый «пивной живот».

– Надо срочно что-то предпринять, – подумал он, а то поднял тревогу, и все стоят «на ушах». Осторожно приоткрыв дверь, он крикнул:

– Сеньор, что Вам угодно?

Как показалось, в абсолютной тишине и всеобщем напряжении, эта фраза как «обухом ударила» вошедшего по голове. Не видя говорящего, он стал крутить головой по сторонам. Он даже выдавил что-то похожее на улыбку, даже попытался что-то сказать. Но бросив окурок в бассейн, резко развернулся и побежал к выходу. Неожиданно, у калитки, за территорией посольства возник, выросший как из-под земли, человек. Прогремела очередь из короткоствольного автомата, который тот держал в руках. Раздался дикий стон, и почему-то прогремел взрыв.

При первых звуках стрельбы, Алексей бросился на пол. И правильно сделал, так как несколько пуль попали в мраморный фасад и пробили окно комнаты приемов. Одновременно, что-то тяжелое плюхнулось прямо у двери. Не зная, что происходит, и, не имея никакого оружия, он решил не суетиться. Но вскоре, раздался телефонный звонок. На проводе был офицер безопасности, сказавший, что опасности боль-

ше нет: двое террористов умчались на машине. И попросил Алексея до приезда полиции не покидать помещение.

Сирены полицейских машин раздались минут через пять, и он даже не успел докурить сигарету. Хорошо, что в представительском холодильнике нашлась бутылка пива, которую он выпил залпом.

Полицейские делали свою работу около часа, их сменили санитары скорой помощи, запаковавшие тело погибшего в специальный мешок, и погрузили в машину.

Алексей, по-прежнему, не понимал детали произошедшего.

Вновь раздался телефонный звонок, он снял трубку, на связи был офицер безопасности, который сказал, что можно покинуть помещение для приема посетителей и ехать домой. Выйдя наружу, он вошел в служебный блок и по переходу направился на задний двор, где была запаркована машина. Не успел подойти к «Амазону» как его остановил шеф.

– Ну, ты, как на передовой, побывал, но вижу, что цел и невредим, – пытался пошутить руководитель. А теперь давай домой, сто грамм «Московской» не помешает, и спать. А вечером подъезжай в «Ла Транкеру» к девяти часам, обсудим произошедшее и подумаем, что делать дальше.

Действительно, советы шефа пришлись кстати: водка, борщ по-севастопольски, и окружение жены и сыновей отвлекли и расслабили. Принципиально, не включал телевизор, чтобы семья не знала, по крайней мере до вечера, о ЧП

в посольстве.

В условленное время подъехал к аргентинскому ресторану, который находился на высоком берегу океана и издалека сиял как маяк. Почти все столики располагались так, что открывался вид на безбрежную гладь воды, в которой купались луна и мириады звезд. Несмотря на пятидесятиметровый утес и проходящее внизу шоссе, доносились и ласковый шум прибоя, и шуршание гальки, и аромат морской воды. Мягко звучала музыка танго, интерьер был украшен фотографиями звезд танго разных эпох, и предметами туалета исполнителей этого страстного танца.

Шеф позволял себе аргентинскую кухню только по значительным поводам. Не успел Алексей задвинуть за собой стул, как принесли традиционную закуску – эмпанада с соусом «чумичури». Молча насладились закуской под великолепное аргентинское вино. Сделали заказ на «Парильяду микст». Затем шеф приступил к делу. Сначала он передал благодарность посла за своевременную информацию и профессиональные действия во время террористической атаки на посольство. В качестве поощрения посол пообещал ходатайствовать о направлении Алексея на учебу в Дипломатическую Академию МИД СССР. Далее шеф отметил, что, через возможности консула, офицера безопасности и местной полиции установили: группировка «Черный крест», за которой стоят американцы, планировала эту акцию сразу после того, как ПВО СССР сбили южнокорейский самолет-нарушитель.

Но Вашингтон пока отмашки не давал. «Детонатором» послужила никому не нужная акция сендеристов, обстрелявших недавно резиденцию посла США. Американцы уверены, что группировка «Сендера Лумиосо» находится под контролем Москвы и Пекина.

Официант элегантными движениями рук поставил на стол жаровню с парильядой. Аромат жареного мяса был настолько восхитителен, что не хотелось ни о чем думать, а тем более говорить. Различные части молодого тельца потрескивали в жаровне как сухие сучья в разгорающемся костре. Там красиво лежали два стейка, два куса вырезки, печень, почки и сердце. Мясо источало аромат целого букета специй. В качестве гарнира были поданы листья салата и зелень, обильно заправленные соком лайма. Официант медленно и торжественно наполнил бокалы красным сухим вином.

Алексей всего лишь второй раз был в подобном ресторане, и, по-прежнему, сомневался, что такой объем мяса можно съесть. Шеф поднял бокал и предложил выпить за то, как сказал Наполеон, «...хорошо то, что хорошо кончается». Пока Алексей, прикрыв глаза от удовольствия, наслаждался первым куском стейка, шеф сразу возобновил деловую часть разговора. Такому дипломатическому искусству – вести беседу и одновременно поглощать большое количество пищи, как это делал шеф, Алексей еще не научился.

– Вот, что значит опыт, – подумал он, осторожно разрезая ароматную вырезку.

Он чувствовал, что жевательный процесс мешает ему сконцентрироваться на деталях важной информации, поэтому приходилось больше имитировать, что он увлечен едой.

Тем временем, руководитель перешел к изложению полной картины произошедшего в посольстве. Полиция, охранявшая посольство, организовала погоню за машиной с двумя террористами, и в ходе перестрелки ликвидировала одного из них, при этом один полицейский был ранен. Второго террориста, раненого в ногу удалось задержать. На допросе, с «пристрастием», он рассказал, что группировка «Черный крест» завербовала одного безработного метиса и, заплатив ему половину из большого гонорара, приказала сделать следующее. Понятно, что его использовали «втемную». Под видом курьера из боливийского посольства, он должен был зайти на территорию нашего диппредставительства с большим конвертом и пройти в приемную. Пока дежурный дипломат изучал бы содержимое конверта, метис незаметно должен был снять пояс со взрывчаткой и положить его в урну при входе. Затем получить печать в курьерском листе и выйти с территории комплекса. Но план не сработал. Посыльный что-то заподозрил. Он остановился и закурил у бассейна, затем резко развернулся и побежал к выходу. В это момент из-за калитки раздалась автоматная очередь по курьеру. Несколько пуль попало в «пояс смертника». Раздался взрыв, разорвавший посыльного на несколько частей. Так, например, его кроссовок с окровавленной частью ноги, про-

летел сорок метров до посольской сауны. Шеф улыбнулся и заметил:

– Мне кажется, что ты регулярно ходишь в сауну со своей командой.

– Меня, видимо, долго туда не потянет, подумал Алексей, ведь план террористов мог и сработать...

На этой невеселой ноте шеф предложил закончить «разбор полетов».

– Тебе, Алексей Иванович, надо, в ближайшие дни встретиться с твоей «Незабудкой», ты понимаешь, о ком я говорю?

От неизвестного имени Алексей даже поперхнулся. Он стал лихорадочно прокручивать свою память, и, непонимание было написано на его лице.

– Ну, Семен Семеныч, соображай.

И, наконец-то, проглотив застрявший от напряжения кусок мяса, он сообразил.

– Да, это же Ви...

– А, вот этого не надо, оборвал его шеф.

– Да, да, все понятно.

– Короче, надо, с ней встретиться и поблагодарить за ценную информацию.

(А это уже другая история.)

Несколько дней в советской колонии не утихали разговоры о теракте, особенно перепугались молодые мамыши, ведь сила взрыва была такова, что часть раздробленной руки «ку-

рьера» долетели, аж, до детской площадки. Обсуждалась эта тема и в дипкорпусе, все, конечно, просочилось и в прессу. Москва направило в посольство бригаду спецов по оперативно-технической безопасности. На Алексея посматривали сочувственно, ведь могло обернуться все и по-другому. Ему предложили срочно оформить отпуск и хорошо отдохнуть на Родине.

Накануне отлета домой жена, как всегда, потянула его в магазин для последних покупок, хотя и так чемоданы были забиты всяким барахлом, без которого, правда, в те годы дефицита невозможно было приехать домой из-за границы.

Младшего сына отвезли в посольский детский сад, а со старшим на «Амазоне» поехали в торговый комплекс «Ла Марина». Надо было потратить оставшийся миллион местных денег, потому что завтра, в условиях галопирующей инфляции, он мог бы превратиться в пятьсот тысяч.

Остановились на парковке, к машине тут же подбежало несколько местных чумазых мальчишек, и каждый стал предлагать услуги охранника. Алексей выбрал самого рослого парня, дал ему аванс десять центов, и этого было достаточно, что шины никто не проколет.

В торговом центре на всех этажах играла легкая джазовая музыка, отовсюду доносился аромат туалетной воды, стирального порошка и других товаров. Но все ароматы, конечно, забивали усилители запахов «Мак Доналдс» и «Польос а ла браса» – цыпленок гриль. Алексей с сыном сразу захо-

тели есть. Но супруга была непреклонна – сначала покупки. Она, вообще, могла часами бродить по бутикам и павильонам. Алексей же делал покупки на раз, два, три ... Что он и предложил – купить все при входе и съесть по-жаренному цыпленку. Но жена настояла спуститься сначала в цокольный этаж, так как посольские женщины сказали, что там много чего по скидкам. Впоследствии оказалось, что она была права, но несколько в другом смысле.

Пока жена с сыном тщательно инспектировали полки с колониальными товарами, проверяя их при этом и на запах, и на вид, и на ощупь, Алексей бесцельно слонялся в районе касс. Он уже представлял себя в самолете, встречу в аэропорту с родителями. Затем посиделки с друзьями в бане, и долгие рассказы о тайнах веков и другой экзотике. Он даже думал о том, что надо свои впечатления записать, чтобы позднее и сыновья узнали о его приключениях. От приятных ожиданий в груди как-то защемило, нахлынула и радость, и тоска... Неожиданно полет его мыслей прервали какие-то необычные звуки с первого этажа торгового центра. Показалось, что вскрикнули несколько женщин одновременно. Да нет, это, видимо, мамыши с детьми пришли на шоппинг, успокоил себя Алексей. И посмотрел вглубь зала цокольного этажа, жена и сын спокойно осматривали товары, а тележка тем временем уже была почти полной. Когда он двинулся навстречу своим, чтобы остановить супругу от покупки ненужных вещей, что-то его остановило. Это были три или

четыре хлопка. Но как, откуда? И следом раздалась трель, которую невозможно было спутать ни с чем. Такие трели на Ногинском полигоне он слышал в течение двух лет...

Моментально, внутренне собравшись, он подбежал к лестнице, ведущей на первый этаж, и чуть не попал под стремительно катящееся тело с лестницы первого этажа. Это оказался охранник центра, с перекореженным от боли и окровавленным лицом. В кобуре отсутствовал табельный пистолет.

– Нападение, прохрипел охранник и тут же упал, видимо, потеряв сознание. Стремительно, как спринтер на стометровке, Алексей кинулся в глубь зала и схватил в охапку жену и сына. Супруга все поняла с полуслова, и будучи наблюдательным человеком, взглядом показала на какую-то дверь. Дверь оказалась закрытой. Натренированным ударом ноги Алексей выбил щеколду, и семья устремилась внутрь. Это оказалась подсобка, за ними влетело еще несколько человек. Алексей, с помощью еще двух мужчин, перегородил вход массивным дубовым шкафом. Все сели на пол и начали понемногу успокаиваться. Однако, это длилось недолго. Услышали топот нескольких человек по лестнице в цокольный этаж. Кто-то попытался открыть дверь подсобки. Молоденький голос прокричал, что дверь закрыта.

– У нас три минуты, прорычал бас, бери товар подороже и валим.

Тем не менее, кто-то настырно толкался в дверь. По си-

ле толчков Алексей понял, что это пацаненок. Спрогнозировав, что может случиться дальше, он взмахом руки приказал отойти от двери молодой паре. И тут же раздалась очередь. Это, наверное, был прощальный аккорд.

Дальнемагистральный лайнер «Ил-62М» плавно набирал высоту, оставляя за собой этот экзотический южноамериканский континент с его мистериями, богатой историей и современными проблемами. Погасло табло «пристегните ремни», и немногочисленные пассажиры первого класса вышли из спячки. В этот салон Алексея и его семью посадил приятель «дядя Слава», представитель авиакомпании в регионе. В советские годы обслуживание в первом классе было на очень высоком уровне. Просторные кресла по два в ряду и проход между ними, отдельная туалетная комната. И, конечно, бортовое питание. Например, на закуску предлагали красную икру в вареном яйце, или крабы экспортного размера, на горячее – жаренная говяжья вырезка или судак. Спиртное было ограничено четырехстами граммами на каждом участке полета, то есть, если рейс до Москвы предполагал две транзитные посадки, – значит, пассажиру полагалось 1200 грамм шампанского, коньяка или водки.

Когда стюардессы разнесли прохладительные напитки, Алексей раскрыл купленную в аэропорту утреннюю газету. Он остолбенел, увидев на передней полосе свою фотографию на выходе из торгового центра Ла Марина, на фоне нескольких полицейских машин и карет скорой помощи. Это

было фото под статьей о вчерашнем нападении на ТЦ. Он сознательно не стал докладывать руководству о том, что случилось вчера. Не хотелось получить славу искателя приключений. Это могло не понравиться начальству в Москве и повлиять на срок командировки.

К счастью, Алексей оказался на одной фотографии, а его жена с сыном почему-то фигурировали на трех. Видимо, фоторепортер хотел больше показать реакцию спасенных женщин и детей. Этот позитив, конечно, не мог перекрыть ужасных сцен насилия, произошедших на первом и втором этажах торгового центра, о которых Алексей и не подозревал, а жена с сыном, к счастью и не видели. Скрупулезный репортаж этой трагедии был описан в статье поминутно. Нападение на ТЦ произошло в 11.15. Алексей вспомнил, что запарковался он в 11 часов, давняя привычка фиксировать в памяти время прибытия и отбытия. То есть пока дошли до торгового центра, пока думали, с чего начать и до спуска в цоколь, прошло десять минут. Пять-семь минут бродили в нижнем зале. Да все совпадает, – подумал он. Тем временем, согласно статье, в ТЦ ворвались четверо вооруженных автоматами бандитов. Сделав несколько очередей вверх, всех положили на пол. Двое остались на первом, двое других ринулись на второй этаж. Схема ограбления была отработанной – один снимал кассы, другой не церемонясь срывал с женщин серьги, колье и другие украшения. Кто сопротивлялся, получал удар в лицо прикладом автомата. Особенно сильно постра-

дали пять женщин, которые сами не отдавали украшения, и их срывали силой. Все лица и шеи в крови, у Алексея даже озноб по коже пошел. Мужчин сначала били, а затем выхватывали портмоне. Вся бойня длилась пять минут и две минуты в цоколе, где они не встретили ни души. Затем бандиты взяли двух детей в заложники и скрылись. Полиция подъехала через две минуты после бегства нападавших. И это было счастьем для посетителей торгового центра, иначе была бы перестрелка, в которой погиб – бы ни один человек.

Проанализировав всю статью, Алексей пришел к выводу, что, находясь в цоколе, они избежали контакта с бандитами. И их сын избежал участи оказаться заложником.

Зажглось табло «пристегнуть ремни», самолет готовился совершить транзитную посадку в Гаване, а это означало, что наши герои все ближе приближались к Москве.

Снежная вершина искрилась и переливалась какими-то особыми красками, когда солнечные лучи обрушивались на нее из-под уходящего облака, ожидая момента погаснуть под завесой нового. В это время глаза отдыхали, чтобы снова зазлезиться, когда солнце вновь охватывало заснеженную вершину в свои объятия. Вид вершин, покрытых снегом, одновременно и пугал, и притягивал, не отпуская от себя. Этот дуализм, видимо, заложен в их сути. Что видели эти горы на протяжении веков? Что от них получали предыдущие цивилизации? Землетрясения, сходы снежных лавин, сели ... что еще? Только трагедии и разрушения? Но почему человека

так и манит туда, и чем выше, тем лучше? Немногие, отваживаются покорять вершины. Что ими движет? Слава, деньги? А может зов предков? Да и о каких предках идет речь?

Вот из-за снежной вершины выпорхнуло причудливое носатое облако, чуть подлетело и оседлало вершину горы. Облачный нос раскачивался из стороны в сторону, вершина в снежной мантии как-бы оживала. Могло показаться, что это сошло с небес гигантское человекоподобное существо. Может это Гулливер, или игра воображения? Но «ожившая» гора, это что? Память о погибших альпинистах, охотниках на альпаку? Или, наоборот, это знак памяти спасенных горами душ. Ведь был потоп, и по преданиям, кто-то спасался на высоких вершинах. Ведь сохранились кое-какие следы, необъяснимые наукой до сих пор. А что имеется в виду? Ну, например, циклопические конструкции, из гигантских блоков твердой породы камня в Боливии, на озере Титикака. Если не изменяет память, местечко Тиуанако? Некоторые утверждают, что Титикака некогда была морским заливом, а может и портом. Фрагменты каменных построек явно свидетельствуют, что это дело рук не доинкских цивилизаций, а гораздо более ранних, и инки и доинки здесь рядом не стояли. Взять хотя бы, Чавин де Уантар, еще, мало изученный, и мало раскопанный. А ведь там, на высоте три тысячи двести метров, в глухой изоляции от морей и океанов, и каких-либо караванных путей, возникла цивилизация, по крайней мере, две тысячи лет до нашей эры.

Часть 2. Объятия Анд

Анды хранят много тайн. Охотники за сокровищами рыщут там по пещерам в поисках золота инков. А что там оставили высокие, под два с половиной метра блондины, которые, по преданиям, переживали там Потоп и потом куда-то исчезли? Почему в Андах есть места, где в глубокой изоляции зарождались цивилизации, одновременно с такими же процессами в Междуречье и Древней Индии? Кто раскидывал разумную жизнь по планете? Дадут ли Анды ответы на эти вопросы, разомкнут ли свои объятия?

В стране началась «перестройка», народ как-то напрягся, появились кооперативы и первые миллионеры. Плохо как-то верилось в речитативы Горбачева, слабо замаячила перспектива очередной крупной встряски, Запад начал практическую работу по развалу СССР.

Алексей завершал отпуск, пролетевший незаметно. Тесное общение с родителями и друзьями создавали запас положительных эмоций на год вперед, до очередного приезда в Москву. Но отлет за океан всегда проходил тяжело, слишком большое расстояние будет снова разделять. К этому мало кто привыкал.

В первый рабочий день Алексея ждало несколько сюрпризов. Шеф поведал о том, что Федор имел встречу с англичанкой, на которую она его в срочном порядке пригласила, по-

скольку не смогла найти Алексея. Она рассказала, что спешно уезжает к себе в страну, так как ей нашли хорошую работу. Короче, отметил шеф, договорились о том, что контакт с ней будет поддерживать биолог, регулярно выезжающий в научные командировки в западные страны.

«Но скучать» по Федору тебе не придется, продолжил он, на тебя с Валдисом возложена задача поиска мест для биостанции в горных районах Анд. Валдис получил полный инструктаж от Федора. Прибалт, опытный сотрудник и хороший товарищ, но требует контроля. Ты понимаешь, о чем я. Но, в юности он занимался альпинизмом, и это может пригодиться.

Покинув кабинет шефа, Алексей чувствовал себя не камильфо, от услышанных новостей, но поразмыслив, понял, что все складывается даже лучше, чем могло быть. То, что друг Федор уехал – это, потеря, то, что с англичанкой контактов не будет – это, может быть и плюс. Биологу проводить с ней встречи более естественно. К тому же она, как-то очень нежно смотрела на Алексея, а это путь вникуда. А главное, остаются командировки по стране, здесь так много интересного.

Наступило радостное время у детей всех сотрудников посольства. Это для них – тревожно волнительное время. Кто-то из них, вспоминает пройденное за прошлый год, а кто-то с интересом листает новые учебники. Старшему сыну Алексея пока и вспомнить нечего, да и листать учебник – беспо-

лезное занятие. Он пока еще в машинках и в других игрушках, поскольку завтра идет в первый класс.

На первой в жизни школьной линейке сын Алексея Василий чувствовал себя уверенно, как будто это для него было не в первый раз, всем видом он показывал, что его тянет к знаниям. Ну и хорошо подумал Алексей и порадовался тому, что старший сын вступает в новую интересную жизнь. Но внезапно это радостное настроение омрачилось, но он не мог понять почему. Еще со школы он не однократно убеждался в том, что у него есть дар предчувствия, который позднее, как ему объяснил опытный психолог, называется гипер интуицией. Так, например, играя вратарем в водное поло, Алексей задолго разгадывал развитие атаки соперников и занимал единственно верную позицию для отражения мощных бросков. Часто его ворота оставались сухими.

Умом понимал, что нельзя доверяться необъяснимым предчувствиям, тем более праздник в школе еще не окончился, но ноги уже вели его к машине. Увидев, что Алексей уходит с территории школы, к нему подбежал младший сын Леня и заявил, что тоже хочет уехать из посольства. Деваться было некуда.

Подъехав к дому, Алексей решил не заезжать в гараж и припарковался во внутреннем дворике. Отсюда мраморная лестница, в колониальном стиле, вела мимо террасных, зарешотчатых балконов на третий этаж к арендованной посольством квартире. Переезд в эту квартиру состоялся незадол-

го до отпуска Алексея. В старой квартире стоимость аренды подняли до высот, не соответствующих рангу Алексея. А проще говоря, началась экономия средств по всем статьям в связи с прожектерскими пропагандистскими планами перестройки Горбачева. Видимо, в связи с проблемой туалета, его малыш пулей взлетел по скользкой мраморной лестнице на третий этаж и с криком остановился, как вкопанный, перед дверью так называемого «черного входа». Поднявшись, Алексей увидел, что железный дверной засов сбит и болтается не одной петле, а из двери выпилены два надежных замка. Причем удивило то, кто и как мог это сделать. Ведь дверь была сделана из амазонского дуба – каобы, не уступающего по крепости красному дереву. Явно сработали профессионалы. Этот вывод сразу выработал алгоритм действий. Взяв сына в охапку, несколько раз постучал и позвонил в электрический звонок, создав эффект присутствия, он быстро спустился в патио.

Сердце билось как у спринтера на стометровке. К сожалению, соседей вблизи не было, мобильники в то время еще не создали, поэтому сразу вызвать полицию не представлялось возможным. Алексей выждал несколько минут, вышел из внутреннего дворика, обогнул жилой дом и направился к парадному. В это же время темная Тойота, стоявшая рядом с домом, хлопнув тремя дверями и, на форсаже, мгновенно, исчезла в соседнем переулке, обдав Алексея облаком выхлопных газов. Когда облако рассеялось, он посмотрел

вверх, наблюдая, как с его балкона раскачивается прикрепленный к перилам эвакуационный канат. Теперь было ясно, что квартира пуста.

После звонка по номеру 112, минут через десять, полицейская сирена взбаламутила достаточно тихий микрорайон. Полицейский, метис по внешнему виду, заходил в квартиру, снимая отпечатки пальцев практически со всех поверхностей. Причем он делал это как стоя, так и становясь на четвереньки, и даже лежа. Потом, двигаясь по квартире, по предполагаемому им маршруту преступников, он жадно втягивал воздух и сравнивал его с запахами от Алексея и его сына. Наконец, Алексей не вытерпел и спросил, для чего он это делает. Оказалось, что он, по его словам, обладает развитыми одорологическими способностями и запоминает, как собака, тысячи различных запахов. Чуть позже, почувствовав, видимо, очень интересный запах, он резко шагнул вправо за дверь, ведущую на кухню. Раздался звук падающего тела, и отборная матерщина на испанском языке. Оказалось, что местный Пинкертон наступил в какую-то лужу, и мраморная плитка сыграла эффект ледяного катка. Сыщик встал, отряхнул местами мокрые брюки и усталился на лужу, еще неизвестного происхождения. Первым тишину нарушил сын Ленька, прибежавший веселым из туалета, и спросил: «Папа, а почему здесь пахнет как из унитаза?» Тогда-то полицейского и осенило, что помочиться в квартире – это фирменный знак квартирных воров. «Дядя, а по этому запаху

можно найти преступников», – спросил ребенок. Но вопрос остался без ответа, так как сыщик с трудом сдерживал рвотный рефлекс.

Спокойный осмотр квартиры без забавного «пинкертона» показал, что, несмотря на явный бардак, пропала только курительная трубка, Алексей прокурил ее необходимые сто раз, намереваясь отказаться от сигарет, и все украшения жены, не представлявших заоблачной стоимости. Это успокаивало, но настораживало другое. Было очевидно, что злоумышленники искали, видимо, какие-то документы. Но Алексей не хранил дома ничего близкого даже к документам служебного пользования. Вывод напрашивался один – работали не квартирные воришки. И тут его осенило. На днях, когда семья улеглась спать, он при свете небольшой настольной лампы рассматривал оставленные для него биологом фрагменты карт и схемы мест в различных горных районах страны, которые Федор просил внимательно изучить, якобы для биостанции. Алексей потихоньку стал догадываться, что его друг Федор является исследователем широкого профиля. И вот эта странная манера – одна информация дозируется для Валдиса, другая – Алексею. И шеф подпускает туману. Но, что поделаешь. Ведь идет война, но только холодная. В ходе этих раздумий Алексей вдруг вспомнил, что когда он изучал картографию, наверху раздавались какие-то шорохи и звуки неясного происхождения. Он никогда не был в этой мансарде. Но, по словам консьержа – портеро Роберто, там

живут два его попугая Ара. Наконец, Алексей остановил эти конспирологические размышления и дал себе слово: в дом никакие служебные бумаги не приносить, даже на время системы. Подумав, решил шефу не докладывать о том злополучном вечере с картографией. А то у того фантазия может разбушеваться так, что придется переезжать в посольскую общагу.

С женой решили особо не драматизировать случившееся, поскольку подобные ограбления квартир иностранцев приобретали характер эпидемии, с начала восьмидесятых годов прошлого века в этой южноамериканской стране. Кроме того, супруга поставила ультиматум – или квартира в городе, или домой в Москву.

Наступили рабочие будни. В посольство приходили все новые и новые задания в рамках перестройки Горбачева. С диппочтой пришла даже брошюра с ответами на сто самых каверзных вопросов западных представителей. Некоторые сотрудники стали участвовать в дискуссиях с западниками и местными гражданами, чего не было ранее. Алексею также поручили выступить в крупнейшем столичном университете с лекцией о перестройке. Зал был набит битком студентами, преподавателями и, конечно, вездесущими западными представителями, которые никогда не упускали случая спровоцировать советских дипломатов. Эта лекция в основном превратилась в пресс-конференцию, поскольку Алексей, в нарушении рекомендаций ведущих пропагандистов, не стал за-

читывать подготовленный в Москве текст, пустив его по рядам, и предложил перейти к вопросам. Его ответы встречали хорошую реакцию у местных, но вызывали бурные возражения у западников. Когда, наконец, на все вопросы были даны фактами подкрепленные ответы. Прозвучала провокационная реплика. «Все равно, русская наука отстает от западных достижений», – на весь зал сказал американец. В ответ Алексей задал вопрос: кто запустил первый спутник или кто был первым космонавтом в мире, кто первым создал водородную бомбу? Англосаксы растеряно переглядывались друг с другом. И вот, чтобы как-то «умыть» Алексея, английский журналист с ухмылкой сказал, что все русские воспитываются как роботы, у них отсутствует свобода мысли, все говорят по-заученному, короче сами трех слов связать не могут. В зале повисла гробовая тишина как перед пенальти в футболе. Симпатии большинства местных были на стороне Алексея, и они с замиранием сердца ждали, как он выйдет из этой ловушки. Дело в том, что местная пресса перепечатывала статьи из американских газет, где СССР преподносился дремучей страной, а на Красной площади разгуливают медведи. Алексей подумал, и нарушив накаленную тишину, сказал британцу, что он не только три слова свяжет, а может для начала связать все тридцать. Корреспондент ВВС нахально улыбнулся, выбежал к трибуне и, демонстрируя кое-какое знание русского языка, крикнул: «Ну, русский, покажи мне кузькину мать». Алексей тут же перевел залу, что британец

имеет в виду, и успокоил всех, сказав, что драки не будет. Тут же он передал англичанину лист бумаги, ручку, а в микрофон озвучил задание: британец записывает тридцать испанских слов, только, существительные, каждое слово идет под своим номером от одного до тридцати. Затем зачитывает все слова с первого по тридцатое, с интервалом две секунды, а потом, любой из западников может называть в произвольном порядке номер, а Алексей будет озвучивать слово, записанное под этим номером. Или наоборот. Когда до всех дошла суть задания, поднялся шум и выкрики что это невозможно. Причем местные не желали допустить поражения советского представителя, но Алексей их успокоил, допустив то что британец может и не знает тридцать испанских слов. Здесь уже все англосаксы подбежали к корреспонденту BBC и начали ему активно помогать. Наконец, подготовка была завершена и в аудитории вновь воцарилась гробовая тишина. Кто-то нервно теребил руками, кто-то закрыл глаза, нервно трясая коленкой, а декан факультета экономики, отвечавший за это мероприятие большими глотками пил воду прямо из графина. Два студента первого курса вскочили со своих мест и, обгоняя друг друга, побежали в сторону туалетных комнат. Одной девушке, которая почему-то болела за британца, даже давали нашатырь. Сам же британец стоял в оцепенении и только тогда, когда американец что-то шепнул ему на ухо, он собрался и начал в хаотичном порядке называть номера слов. После первых, правильно названных Алексе-

ем слов, британец подошел к нему и протянул руку. Следом подбежал американец, похлопал Алексея по плечу и сказал, что тоже хотел бы этому научиться, предложив встретиться. Зал, стоя, дружными аплодисментами, провожал русского. Напоследок, к нему подошел старшекурсник и сказал, что просидел на лекции два часа, но так и не понял, что такое «перестройка».

«Перестройка» в некотором виде пришла и в работу диппредставительства. Задания по известному проекту Горбачева «Продовольственной программе» разослали по всему миру. Этот Горбачев, случайно оказавшийся у власти в СССР, сначала разорил все виноградники в так называемой борьбе с алкоголизмом, а потом решил без существенных реформ в сельском хозяйстве завалить страну продовольствием. Вот и озадачил посол Алексея заданием по «Продовольственной программе». Сначала Алексей подумал о Международном центре картофеля, находившемся в столице, но он давно был исхожен советскими специалистами. К тому же с производством картофеля в СССР было благополучно, а вот хранить его не умели, и тридцать процентов урожая уходило на помойку. Вот с проблемы хранения и надо было начинать.

Один местный контакт из университетских кругов подсказал Алексею, что в пригороде столицы есть, мало кому известно, НИИ, который занимается проблемами сельского хозяйства, и в нем работают американские ученые. Попастись туда оказалось не сложно, но заместитель директора, и сам

директор от бесед уклонялись и практически выпроводили Алексея из здания. Он задержался у парадного и не пожалел. Во двор института въехал танкоподобный «Бьюик», и из него вышел приземистый, плотно сбитый, в ковбойской шляпе, с сигарой во рту человек, лет за шестьдесят. Он по-английски сказал водителю: «подъедешь к четверем», и Алексей подумал – это шанс. Это был американец. Алексей протянул ему визитку, тот быстро взглянул на нее и остановился как вкопанный. «Ты русский, не может быть? Из Советского Союза? Я русских не видел уже лет сорок. До сих пор помню нашу встречу на Эльбе, как радовались, как водку пили за общую победу. Дай я тебя обниму! А что ты делаешь в моем хозяйстве? Каким ветром занесло? Так пошли ко мне в кабинет и все расскажешь».

Вот такая неожиданная встреча, которая привела к желаемым результатам. В кабинете американец рассказал, что Штаты используют страны Латинской Америки как полигон для отработки новых технологий в рамках «зеленой революции» и для поиска новых сельскохозяйственных культур. Здесь много интересного, – подчеркнул он. Ну, а что тебя интересует, мой русский друг, – предлагая сигару, спросил он. У нас проблема с хранением плодоовощной продукции, – неуверенно начал Алексей. Это исправимо, выпуская клубы дыма, – отреагировал хозяин кабинета. «Вот мой маленький секрет для тебя, в память о моих друзьях бойцах Красной Армии. Это растение называется МУНЬЯ-родина Юж-

ная Америка. Инки использовали ее для хранения картофеля и других овощей. Все было очень просто: в яме делалась «постель» из листьев мунии, закладывался картофель, сверху снова муния и – крышка от прямых солнечных лучей. В ФРГ мы провели опыт. В самое продвинутое овощехранилище мы поместили наш ящик с картошкой в листьях мунии. Через год посмотрели – наш картофель усох на десять процентов, а немецкий на сорок. Вот тебе, мой «товарыш», и муния, с легким акцентом продекламировал хозяин кабинета. Секрет в том, что ее листья выделяют испарения, которые обволакивают хранимые овощи и препятствуют проникновению кислорода. Американец дал Алексею справку по агротехнологии – возделывания мунии, и образцы растения. Он добавил, что муния, спокойно, может расти и в Средней Азии, и на Кавказе. Алексей был приятно удивлен таким началом и не нашел ничего более оригинального как достать из портфеля подарочную бутылку водки. Американец искренне был очень обрадован, сказав по-английски что-то, очень близкое нашему, – «пустячок, но очень приятно». На этом первая беседа была закончена, а через неделю Алексей получил от него образцы киноа и хохобы (у нас эту культуру называют жожоба), а также справки по агротехнологии. В середине 80-х эти культуры не были известны в СССР даже ученым. А американцы уже использовали плоды киноа, рекордно богатого протеинами, в производстве лекарств, для лечения болезней головного мозга, а все остальное – как очень пита-

тельный фураж. Из плодов жожобы получали масло, которое по своим свойствам превосходило масло из китового жира и применялось в космических аппаратах НАСА. Другое широкое применение плодам этой культуры нашлось в парфюмерной промышленности. Кроме того, американцы проводили исследования по использованию кустов жожоба как защиту от наступления пустыни. Это растение привычно к жаркому сухому климату и выживает за счет того, что пускает очень глубокие корни, добираясь до уровня воды. В итоге, все эти материалы были обработаны и посольской почтой направлены в МИД для Академии наук СССР.

Однажды, когда Алексей в конце рабочего дня собирался домой, неожиданно позвонил шеф и пригласил к себе. В его кабинете был уже Валдис и читал какую-то телеграмму. Расписавшись в ознакомлении, передал ее Алексею. Это было разрешение на командировку в Анды. И Алексею вспомнился 1970 год.

В те годы Алексей был так далек от заграничной работы, а тем более от Анд, что, возможно, с трудом представлял, где они находятся. Тогда же поддерживал дружеские отношения с Александром (неважно какая у него фамилия), сотрудником Союза обществ дружбы СССР. Вместе ходили на футбол в Лужники, там же перед матчем, на ярмарке, пили чешское пиво и ели шпикачки. И вдруг в разгар чемпионата мира по футболу в Мексике он как-то пропал. Только осенью 1970 года Александр рассказал о своей неожиданной командиров-

ке в Перу. Там 31 мая 1970 года произошло катастрофическое землетрясение – одно из крупнейших в мировой истории. Одних погибших более ста тысяч, около тридцати пяти тысяч – пропало без вести, сотни тысяч человек остались без крыши над головой. Оказалось, что, до землетрясения, Александр был там, в качестве переводчика, с группой советских ученых. Перуанские коллеги привезли наших специалистов к подножью одной из крупнейших вершин Анд горе Уаскаран. Их давно беспокоила многотонная глыба, висевшая на горе как сосулька под крышей. Опасение было в том, что, если она сорвется, это приведет к трагедии для населения городков и деревень у подножия Уаскарана. Советские специалисты изучили расчеты перуанских коллег и провели свои исследования уже в Москве. С учетом сейсмической статистики в провинции Анкаш, где находится Уаскаран, эту «сосульку» на горе следовало бы взорвать направленными взрывами так, чтобы путь ее падения прошел бы мимо лагуны, находившейся у подножия горы. В любом случае желательно было осушить лагуну перед взрывом. Эти задачи были невероятной сложности, но наши специалисты взялись за расчеты. По зловещей иронии судьбы, визит советских специалистов состоялся за несколько месяцев до землетрясения 1970 года. 31-го мая того года несколько мощных горизонтальных и вертикальных толчков, магнитудой в восемь баллов, сотрясли провинцию Анкаш. В результате толчков многотонная глыба сорвалась с горы и покатила вниз, вызвав

мощный каменный сель, фронтом в несколько сот метров. Сама глыба рухнула в лагуну и, усиленный водой, камнепад набрал бешеную скорость. Находившийся у подножья Уаскарана город Юнгай был погребен под шестиметровым слоем камней и земли. Около 60000 жителей были погребены, не имея никаких шансов на спасение. Есть Бог, или нет, каждый имеет свой ответ на этот вопрос. Но смертоносный сель остановился в нескольких метрах от грандиозного монумента распятия Христа, смотрящего на Уаскаран. За распятием, на окраине Юнгай сохранилось кладбище, действующее до сих пор.

Приятель Алексея Александр, конечно, не был очевидцем этой трагедии, но прилетев в Перу с гуманитарной помощью по линии Красного Креста СССР, он видел еще не остывшие последствия катастрофы. Много общался с некоторыми, чудом спасшимися, очевидцами, и волосы от их рассказов вставали дыбом. Наши строители возвели несколько кварталов жилых домов из бруса в русском стиле, названные «Черемушками». Эти домики строили как временное жилье, но наши туристы видели их еще в 2007 году, то есть через 37 лет. Александр рассказал также, что не обошлось и без потерь с советской стороны. Гуманитарные грузы перевозились на самолетах АН-24, один из них, к сожалению, пропал над Атлантикой. Погибли 22 человека: строители и члены экипажа. В те годы эта информация властями комментировалась мало и обще. По словам Александра, общавшегося

с летчиками, АН-24 пропал в зоне Бермудского треугольника. Следов авиакатастрофы не обнаружили. После этой трагедии самолеты Аэрофлота прокладывали маршруты в Латинскую Америку практически над береговой линией.

Все эти воспоминания вихрем пронесли в памяти Алексея, их реальность до такой степени была пальпирована, что он, как бы оглядываясь назад, бежал от каменного селя, буквально наступающего на пятки. И вот уже ноги вязнут в жидко-каменном плену, и нет надежды на спасение. И, вот уже падая, он посмотрел вверх, увидел распятие Христа и крепко схватился за его основание. Что-то тяжелое опустилось на его плечо, и он увидел лицо Валдиса с голливудской улыбкой.

Леша, ну ты даешь, шеф только на две минуты вышел, а ты уже своей аутогенной тренировкой занялся.

Да, нет, так, кое-что вспомнилось, – нехотя пробубнил Алексей. Но подумал, вернусь домой и покрещусь обязательно.

Вернувшийся шеф, извинился и сообщил, что пришла срочная «молния», согласно которой завтра проездом из Бразилии прилетает Федор. Для каждого из вас он уточнит задание на поездку в Анды. Москва переживает за вашу командировку, так как в горах резко усилилась деятельность леворадикальных группировок.

Действительно, на следующий день Федор встретился с Алексеем, но почему-то без Валдиса. Он объяснил, что у

каждого буду свои локальные задачи. Для местных же властей цель их поездки – поиск мест для биостанции. В конце беседы Федор подчеркнул, что для Алексея приоритет – выполнить просьбу куратора из ЦК ВЦСПС, найти два-три надежных места для передачи находящимся в подполье центрально американским профсоюзам, среднегабаритных посылок. Федор цинично усмехнулся, сказав, что и нам что-нибудь придется там прятать, так как Горбач теряет контроль над ситуацией в стране.

Накануне поездки в съерру Алексей рано лег спать и быстро провалился в сон. Ему часто снился подмосковный лес, особенно нравились хвойные сегменты. Сосны Подмосковья сразу напоминали Рижское взморье и Юрмалу, где он пару раз отдыхал с семьей. Юрмала влюбляла в себя раздольем для прогулок. Справа – сосны, слева – Балтийское море, и ты идешь по многокилометровым асфальтированным терренкурам. Прошел километра три, зашел в бар, стилизованный под избу и выпил пива. Пошел дальше. Под Москвой, к сожалению, такого не было. Вот так во сне душа Алексея и путешествовала в хвойной оболочке между деревней Ильинское и Юрмалой. Часто сны заканчиваются тем, что ты пытаешься что-то делать и не получается, пытаешься бежать от какой-то опасности, и ноги не слушаются. Вот и сегодня Алексей брел по песчаному пляжу Рижского взморья, отдыхая от всех рабочих забот, думая о приятных перспективах. Но вдруг при ясном небе стал усиливаться ветер, он за

несколько минут набрал штормовую скорость. Надо срочно поворачивать назад, ведь там жена и дети. И Алексей побежал. Яростный ветер бил в лицо, когда до гостиницы оставалось метров сто, ноги дрогнули и подкосились. Раздался страшный гул, заглушающий все. Он попытался кричать, но себя не слышал. Очнулся только тогда, когда жена нечеловеческим голосом прокричала, – «Землетрясение»! Снизу были слышны дикие стоны арабов, проживавших на первом этаже. Очнувшись ото сна, Алексей схватил в охапку младшего сына, а жена старшего. Стояли под несущей балкой, пол ходил ходуном. Падала и вдребезги разбивалась стеклянная посуда, раскачивались люстры, упал платяной шкаф. Ты стоишь, и как во сне пытаешься уйти от опасности, но не знаешь как. Человеческие вопли усиливают безысходность, и вдруг, срабатывает фактор последней надежды, нажимается кнопка лифта, бежать по лестницам это верная гибель, прыжок и все в лифте. Еще прыжок и уже на улице. Консьерж уводит всех подальше от бетонных уличных фонарей, которые раскачиваются как деревья. На дом смотреть страшно, в окна видно, как раскачиваются люстры. Все молчат. Почему-то трясутся ноги в коленях. Но вот все как бы стихает. Но никто не решается идти по квартирам. У Алексея всегда наготове имелся рюкзачок на случай землетрясения, в котором лежали запасные ключи от машины, немножко денег и, конечно, армейская фляжка с водкой. Содержимое фляжки 700 грамм разошлось быстро. Кто-то из соседей прихватил

чипсы и т. д. Настроение улучшилось, постояли еще полчаса и местный портеро Роберто сказал, что можно идти досыпать. Смельчаков оказалось мало, многие сели в машины и поехали досыпать на берег моря.

Рассвет встретили на берегу океана. Шум прибоя, похожие на снежинки и разлетающиеся во все стороны брызги действовали успокаивающе, почти как снотворное. Берег был усеян машинами тех, кто после сильных толчков, не хотел возвращаться на ночь домой.

Утренние новости начинались с обзоров произошедшего землетрясения и ущерба, причиненного разбухенной земной коры. Были жертвы и разрушения зданий, в основном в периферийных районах столицы. В одном из кабинетов посольства образовалась большая трещина. В остальном, в советских представительствах никто не пострадал.

На совещании у шефа по поводу командировки в горы Валдис начал с того, что землетрясение – это плохой знак, и в течение недели могут быть повторы, и посильнее. Он давал всем видом понять, что не настроен ехать в сложный регион в таких условиях. Дискуссию прекратил шеф и дал команду выезжать завтра.

Выехали затемно, чтобы избежать утренних пробок. После автопроисшествия в пустыне с представителем ЦК комсомола, прибалт выезжал в командировки только пассажиром. Одно ребро у него еще побаливало. Из радиоприемника тихо звучала музыка в ритме сальсы.

На выезде из города замаячил военный блок-пост. Из-за акций террористов «Сендеро Люминосо» уже вторую неделю действовал режим чрезвычайного положения с комендатским часом с 22 до 6 утра. Военный патруль тормознул «Амазон» Алексея, но увидев дипломатический номер, офицер сделал знак «проезжать». Тем не менее Валдис попросил притормозить и спросил, какая обстановка в регионе, куда направлялись наши персонажи. Капитан ответил, что ситуация везде непредсказуема, и что террористы нападают в основном на силовиков и членов местных администраций. Из иностранцев в заложники взяли только несколько американцев. Посоветовал в случае нападения не сопротивляться и выполнять все их требования. Валдис тяжело вздохнул и снова вспомнил, что через месяц он должен вернуться домой в родной Вильнюс.

В предрассветных сумерках «Амазон» плавно катил по идеальному панамериканскому шоссе. Панамериканское шоссе – это сеть дорог от Аляски до Огненной Земли, проходит через Канаду, США и страны Латинской Америки. Впервые, идея строительства этой сети дорог была предложена на Панамериканской конференции в 1889 году. Сейчас общая протяженность Панамериканского шоссе составляет около 30000 километров. Ровный асфальт, отсутствие пересечений с второстепенными дорогами должен был привести Алексея и Валдиса к городку Чурин – первому пункту их командировки.

В открытое окно автомобиля врывались непередаваемые запахи с полей и плантаций, появившихся то слева, то справа. Душистая смесь пальты, чокло и других, всем известных нам овощей и зелени, которые обычно сопровождают экзотические блюда. И как назло размечтался Валдис:

– Я бы сейчас съел пальту или папу рельену (традиционные блюда на завтрак – авокадо, фаршированное креветками и луком под соком лайма, и фаршированный запеченный картофель с ветчиной и луком).

– Мы завтрак запланировали через два часа, так что потерпи, – пробубнил Алексей и протянул ему пачку кукурузных чипсов и бутылку «Инка Колы». Позади, осталась плодородная долина, и началась зона песков. Здесь уже не было провоцирующих запахов, и тема завтрака была исчерпана.

Асфальт как гигантская анаконда плавно извивался в чреве песков. «Амазон» катил по этой «анаконде», развивая скорость до 150 км в час, это был не предел, но большая скорость была опасна. Мчавшиеся навстречу фуры и автопоезда обдавали легкий «Фольксваген» такой мощной воздушной волной и, казалось, что еще немного, и он взлетит над Панамериканой как бабочка. Наконец, мелькнул указатель на Чурин, и Алексей сбавил газ, чтобы не «пролететь» мимо нужного поворота. Подъем в горы и к ожидавшему их опасному серпантину начался с плодородной долины, которая тянулась, обняв реку как футбольное поле почти двадцать километров. Этот отрезок промчались пулей, не встретив ни

одной машины. Но на это не обратили внимание, увлеченные прослушиванием последних новостей из Боготы, где террористы захватили здание Верховного суда.

Незаметно начался подъем пока еще плавный, но затем более крутой. Подножия Западной Кордильеры, из каменисто-лысых, стали приобретать зелено-салатовое обрамление. Серпантин уходил круче вверх, метавшись, из стороны в сторону, как загнанная лошадь. Также, но только вниз бешено катилась горная река, вздымаясь на порогах и разбрасывая в стороны миллионы брызг. Вскоре закончился асфальт, и покрытие стало из мелко-среднего щебня. Ехать по такой дороге предстояло тридцать километров. Дорога чуть выровнялась, и слева, прямо на повороте горной реки, показалась зеленая лужайка, здесь река становилась смиреннее, ожидая последующего извержения вниз. Решение пришло моментально – лучшего места для завтрака и не найдешь.

– Ну, слава богу, с подъемом, – произнес Валдис и даже перекрестился. Остановились, достали домашние припасы – пирожки, котлеты, овощи и т. д. Алексей открыл себе банку пива, а другую предложил Валдису. Но тот достал бутылку водки.

– Спасибо, в таком путешествии я лучше сто грамм выпью за успех нашего дела, тем более, за рулем – ты, как стих продекламировал литовец. Я знал, что две бутылки нам «прикоются».

И «проглотив» рюмку он громко засмеялся. Причем его

смех громким эхом полетел вверх по узкому каньону, обхватившему горную реку. Алексей задумался.

Валдис, тебя ничто не настораживает?

А что, – чуть не поперхнувшись второй рюмкой, спросил прибалт.

А то что, кроме эха твоего неуместного смеха, я больше не слышал ничего. Ни шуршащих по щебенке колес машин, ни тем более встречного или едущего в нашем направлении транспорта. Не видно и крестьян, хотя уже просматриваются зоны террасного земледелия, а в хижинах не чувствуется жизнь.

Да, ты, видимо, прав, – чуть ли не по слогам сказал Валдис и предложил, наливая себе третью стопку:

Давай выпей еще пива и провентилируем диспозицион.

Покурили, послушали. Кроме шума реки – ничего.

Ладно, Леха, ты здесь еще послушай, а я посмотрю, нет ли тут чего подходящего по просьбам Федора.

По молчаливому, джелтментскому согласию Алексей и Валдис не лезли друг к другу с вопросами по сути их заданий. Но Алексей предполагал, что где-то они пересекаются. Здесь, видимо, кроется определенный смысл, ведь в Прибалтике стали быстро нарастать сепаратистские настроения. И кто мог подумать, что через каких-то десять лет Валдис станет послом натовской страны в другом государстве Североатлантического блока. А сейчас Валдис где-то походил, что-то записал, сфотографировал и сделал какие-то пометки на

туристической карте. Алексей понаблюдал за партнером, и зная, что он в принципе больше имитирует работу, чем ее делает, – понял, что надежд на него мало.

– Ну, что, шеф, – с добродушной улыбкой после «такого» завтрака сказал Валдис. Пора и дальше ехать, тем более я почти все задание выполнил. Нам еще часа три по этой щебенке пилить.

– Да, ты прав, – согласился Алексей. Но эта тишина и отсутствие трафика, как-то напрягают.

– Не обращай внимания, – подытожил прибалт. Где наша не пропадала.

Собрали мусор в пластиковые пакеты, и «Амазон» уверенно тронулся вверх по дороге. Горная река оставалась все ниже, отроги скал нависали над дорогой, но опасности, видимо, не представляли. Очертания каньона в разных изгибах серпантина походили то на открытую пасть тигра, то на оскал волка. И от этих аллегорий становилось как-то не по себе. Опять же ни одной встречной машины. На высоте радио перестало работать, гул реки почти не доходил до этих высот. До перевала на высоте 4200 м оставалось километров десять, значит «Амазон» уже был на высоте за 3000 метров. Валдис предложил сделать техническую остановку и размять затекшие ноги. Вышел, забежал за выступ скалы, туда, где не были видны его ноги. Вернулся с одышкой, как при двусторонней пневмонии, воздух был уже сильно разряжен.

– Да, Леша, что-то я начал тоже волноваться. Только не

выключай движок, а то не заведемся.

Сказал, как сглазил. Алексей уже автоматически заглушил двигатель, экономя бензин и не подумав о последствиях. Действительно «Фольксваген не запускался. Валдис заметно побледнел, хмель моментально вышел. Алексей также не остался равнодушным, внутри заколотила дрожь.

– Валдис, не будем раскисать, надо думать.

– Я уже начал думать, – сказал прибалт. Запусти-ка еще разок, а я подпихну этот кусок железа сзади.

Алексей провернул ключ зажигания, но безрезультатно. Запыхавшийся Валдис сел в машину и сказал:

– Я не знаю, что делать.

– Думай, думай, приказывал себе Алексей, и вдруг осеңило. Он вспомнил, как в студенческие годы на даче катались на «Жигулях» и приключилась такая же ситуация. Тогда долго не думали, поскольку хозяин машины имел большой опыт и сразу предложил решение. «Жигули» стали запускать «с толкача»-один за рулем двое толкали сзади. И все сработало. Алексей рассказал об этом Валдису, тот воодушевился, прямо по-кавказски, и хотел уже выйти из машины и толкать. Алексей погасил его пыл, объяснив, что у них более тяжелый случай. «Амазон» «мордой» стоял не под горку, а в гору, и сзади его не толкнешь.

– Ну, Валдис, надо рисковать, будем запускать движок, когда авто покатится вниз. Вышли из «Фольксвагена» и внимательно изучили, какое расстояния можно катиться под гор-

ку, не рискуя сорваться в пропасть. Оказалось, что прямая, до поворота, за выступ скалы, равняется где-то пятнадцати метрам. По времени, с четом угла наклона дороги, модно было безопасно катиться вниз около семи-восьми секунд. Как бы по умолчанию за руль должен был сесть Алексей. Валдис молчал, а Алексей не решился предложить кинуть жребий.

– Валдис, короче, все наши вещи вытаскиваем из багажника, если не удастся затормозить «передачей» и ручным тормозом, я буду выпрыгивать из машины, дверь захлопывать не буду. А ты мне даешь сигнал руками, когда останется два метра до «красной черты».

Валдис с облегчением вздохнул и предложил выпить грамм по сто. Алексей подумал и решил, что это не помешает. По крайней мере, немного водки сняли дрожь в руках и ногах. Алексей решительно сел за руль, установил визуальный контакт с Валдисом, выжал сцепление, снял с передачи, затем с ручника, и машина покатила вниз. Один поворот ключа зажигания, второй, и ничего. Когда Валдис уже стал поднимать руки, чтобы подать сигнал опасности, Алексей сделал третью попытку. Мотор чихнул, из выхлопной трубы повалил черный дым, Алексей дал по газам и одновременно рванул ручник вверх. «Амазон» остановился как вкопанный, а движок, кашляя как при бронхите, продолжал неровно работать. Включив первую передачу, водитель вырулил на более ровное место.

Первые минут десять ехали молча. Каждый думал про се-

бя об этом спасении из стрессовой ситуации. Наверное, были мысли и том, чтобы делали, если бы не завелись. Эта мысль усиливалась тем, что вот уже часа три не было ни попутных, ни встречных машин. Серпантин извивался то плавно, то слишком круто. Вот и сейчас подъезжали к повороту, полностью слепому, почти на девяносто градусов. Слева маячила пропасть метров на сто глубиной, почти отвесная. Алексей предпочитал не смотреть в ту сторону. Валдис вывалился из машины, чтобы забежать за поворот и убедиться, что там чисто. Преодолели и это препятствие, но нервы стали на пределе. Ехать стало легче, дорога стала ровней. Тем более оставалось каких-то десять километров. Валдис начал подремывать, Алексей тоже заметно расслабился. Стал думать о том, что скоро гостиница, душ, хороший ужин, а завтра за работу. Эта нудная дорога со скоростью десять-пятнадцать километров в час изматывала основательно. Очнулся Валдис, и сверившись с картой, начал бурно радоваться, что этот дорожный кошмар заканчивается. Он затащил какую-то литовскую песню, типа нашего «черного ворона», которая сразу снизила радостный настрой.

– Давай что-нибудь повеселей, – крикнул Алексей, пытаюсь перекрычать прибалта.

Хором затащив «Катюшу», начали маневр на очередном повороте. В этот же момент раздалось эхо выстрела. Песня разом стихла, а «Амазон», как на автопилоте медленно вытягивался в крутой вираж за выступ скалы и тут же «замер».

Оба спутника переглянулись, в глазах всегда хладнокровного Валдиса проявились оттенки страха. Машина встала перед баррикадой разновеликих камней, перегородивших дорогу. А справа, сбоку, из расщелины между камней на них смотрело дуло автомата.

– Похоже «Калашников», подумал Алексей и приказал прибалту не делать резких движений. Медленно вышли из машины и подняли руки вверх. Так постояли минуты две, которые показались вечностью. Никто к ним не выходил. Тогда Валдис лицом, но не ростом похожий на местного метиса сказал:

– Братан, мы одни и без оружия, объясни, в чем дело. И можно ли ехать дальше.

Вместо ответа снова прогремел выстрел, но куда-то в сторону. Не успев испугаться, повернулись назад на чей-то командный голос, приказавшей «руки на капот». После этого к ним подскочил совсем молодой парнишка и движениями «щипача» быстро обыскал карманы. Не остывший от работы движка капот, и палящее солнце делали нестерпимым соблюдение этого приказа. Валдис снова пошел на контакт и мимикой показал, что руки превращаются в бифштекс. Но снова грянул выстрел. Наконец, подошел тот, которого, видимо, ждали рядовые бойцы.

– Ну, что, гринго, вы забыли в наших краях? – спросил подошедший и передернул затвор автомата.

– Мы не американцы, – начал, было, Алексей, но его оста-

новил тычок приклада в бедро.

– Всем молчать, сейчас наденем повязки на глаза и с вами, гринго, разберется наш команданте, – услышали они в ответ. «Не пытайтесь бежать, стреляем без предупреждения, прохрипел тот же голос.

Шли минут пятнадцать сквозь колючие кусты по тропе, вытопанной, видимо, ламами. Послышался дымок костра и аппетитный запах какого-то супа. Другой запах напомнил варившуюся кукурузу или чокло, на местном наречии. Прозвучала команда «стой» и приказ – опуститься на колени. Как-то тонкие девичьи руки сняли повязки, и Алексей увидел сидящего в хижине на табуретке представительного мужчину креольской расы.

– Ну, что, гринго, вы делаете в наших краях? – уже во второй раз задержанные услышали этот вопрос.

– Мы не америкосы, команданте, мы – советские дипломаты, мы – из СССР, – для убедительности продублировал Алексей.

Валдис вспомнил, что в багажник кинул стопку брошюр Ленина книги «Государство и революция».

– Шеф, пошли бойца к машине, пусть принесет рюкзак синего цвета, там есть доказательства, что мы из СССР. Одновременно, он передал щуплой революционерке дипломатический карнет. Команданте покрутил, повертел документ и спокойно сказал, что такие ксивы несложно подделать. Через минут семь прибежал запыхавшийся герильеро и пере-

дал шефу рюкзак Валдиса. Высыпали содержимое на землю, послышался характерный звук соприкосновения стеклянной бутылки с камнем.

– Слава Богу, что не разбили, – прошептал литовец.

Команданте, тем временем, листал книгу Ленина на испанском языке.

– Там, кстати, говорится об инкском социализме, – вспомнив курс в Дипломатической академии МИД СССР, – быстро сказал Алексей.

– Ленина мы хорошо знаем, и он для нас как знамя в борьбе с капиталистами. Но никогда не знал, что он про инков – наших предков написал. Найди – ка это место.

Не без труда, но Алексей нашел нужную страницу и дал ему прочитать.

Ну, я понемногу начинаю вам верить, – произнес революционер в майке с портретом Че Гевары, но не до конца.

Тогда Валдис предложил убрать все сомнения. Он пальцем показал на выпавшую из его рюкзака бутылку и сказал, что это русская водка, и что, только русский, может выпить полбутылки, и с ним ничего не случится. Командир приказал одному из бойцов осмотреть этикетку. Тот перевел с английского-водка «Московская», завод «Кристалл», город Москва, крепость 40 градусов. Команданте, движением руки, приказал попробовать содержимое. Боец налил треть пластикового стаканчика, из-под йогурта, и глотками начал пить водку. Егохватило на три глотка, лицо его перекоши-

лось, стало красным, и он попросил разрешение сесть на стул. Главный разрешил, но приказал допить стакан. Боец залпом его осушил и через минуту его обильно вырвало.

– Ну, давай доказывай, что ты русский, – негромко сказал команданте и попросил передать Валдису бутылку.

Прибалт широко улыбнулся и исполнил свой коронный номер – крутанул несколько раз бутылку вокруг ее оси и приложил к открытому рту. Водка тонкой струей, как вода из-под крана, хлынула ему в горло. Все герильерос встали и не сводили с него глаз. Команданте, не первой свежести платком, вытирал пот со лба и, как веером, обмахивался бессмертным произведением Ильича. Бутылка оказалась на две трети пуста, и Валдис, не спеша, закрыл ее пивной пробкой, случайно оказавшейся у него в кармане.

– «Пригодится», – весело произнес он, как бы отвечая на немой вопрос командира, находившегося еще в состоянии ступора.

– Я год плавал с вашими рыбаками в Тихом океане и видел, как они пьют, теперь у меня сомнений нет, – уже более приветливо сказал шеф.

Валдис тем временем спрятал бутылку в надежное место и, под песню «Катюша», пытался пригласить на танец девушку-повариху. Вместо танца ему выдали кукурузную лепешку обильно смазанную перцем чили.

Пока Валдис допивал бутылку, пытаясь налить поварихе, и аппетитно закусывал, команданте пригласил Алексея к се-

бе в шалаш. Отвечая на вопросы, кто они и что они, – местный партизан рассказал. Его группа входит в организацию «Сендеро Люминосо», но не является боевым подразделением. Он по профессии горный инженер и ему определили специфическую задачу.

– Наверное, ищите золото инков, – пытался пошутить Алексей.

– Кстати, забыл представиться, меня зовут Пако. И вы, действительно, близки к истине. Для нашей борьбы против капиталистов нужны деньги, много денег. Неплохие доходы получаем от торговли наркотиками, но этого мало. Вот меня и отрядили искать и обследовать пещеры, где возможны тайники с кладами.

Алексей сразу вспомнил разговор с Федором и поручение куратора из ЦК. Тема пещер, наверное, то, что их заинтересует. Алексей вспомнил занятия на психологическом семинаре в Дипакадемии, где был курс по теме «Как разговорить собеседника и получить нужную информацию». Для этого вопросы нужно задавать так, чтобы «жертва» была вынуждена доказывать свою компетентность и высокий профессионализм. Наш герой так и поступил, сразу заявив, что найти пещеру не сложно, – что его друзья, играючись, недавно нашли две в горном Крыму. И далее несколько утверждений в этом роде. Пако сделал несколько глотков водки, встал, и Алексей даже испугался его реакции. Вот, что значит южный темперамент, подумалось ему. Команданте чуть ли не кри-

ком начал убеждать, что все это сложный процесс и трудоемкая работа. Он начал как «отче наш» выпаливать признаки, методы, вообще, все, что связано с пещерами.

– Да, метод извлечения информации работает, думал Алексей, как бы это все запомнить. Видя, что и алкоголь работает, он еще подлил водки горному инженеру и попросил, на примере его последней экспедиции, не на словах, а на деле, доказать свою компетентность. Алексей подумал, что сейчас будет буря, но нет. Пако спокойно взял его под локоть и отвел в сторону, метров на пятьдесят. Откинув хвост, он показал и рассказал, как маскируют входы в пещеру рукотворно, или это было сделано естественным процессом. Алексей обнял и похвалил Пако за его профессионализм. Выпили еще по рюмке, и стало заметным, что инженер вот-вот заснет, а завтра, видимо, ничего не вспомнит.

– Да, великая сила – психология, еще раз вслух сказал Алексей, укладывая команданте в гамак.

Судя по храпу за стенами хижины, Валдис тоже не терял время, умиrotворяя бойцов, чтобы уединиться с девушкой-поварихой.

Ярко синее небо висело так низко, и казалось, еще чуть повыше залезть на скалу и до него можно дотронуться. Редкие белые облака на секунды закрывали солнечный диск, и на высоте почти четыре тысячи метров сразу замирало все живое. Холод пронизывал основательно. Стадо лам паслось на склоне горы, выщипывая редкую приникшую листочками

к земле зелень. Да, на такой высоте ламам было безопасней, хищники туда добирались редко. Но и пропитание для этих цариц Анд было очень скудным. Вожак гордо обегал свое стадо и останавливался при каждом подозрительном шорохе, вытягивая вверх уши как антенны радара. Вот и сейчас он замер и его взор устремился на нависший над ламами выступ на горном хребте. Там вожаку показался какой-то неполадок. Он всматривался все зорче и зорче. Его передние лапы пружинно выбивали что-то типа чечетки. Готовность к внезапному отступлению была полная. Он плохо просматривал этот утес, как балкон, свисавший над склоном. Ему пришлось перебежать вперед, чтобы увеличить градус обзора. Крупные коричневые глаза метались то вправо, то влево. Нельзя упускать из виду своих лам, кто им подаст сигнал тревоги? Наконец он увидел все. Какая-то белая птица то ли орел, то ли кондор, едва удерживаясь лапами за край утеса, активно работала клювом. Вниз летела пожухлая трава, ветки кустарника и камни размером в мелкую щебенку. Да, место не безопасное, думал вожак, но нам пока не угрожает. Любопытство или сверх бдительность взяли вверх, и он продолжал наблюдать за большой птицей. Это, конечно, хищная птица. Тогда, тем более ее нужно держать на прицеле. Снова полетели камушки. Птица оттолкнулась от скалы, взлетев, сделала большой круг и как истребитель нырнула в расщелину, появившуюся в месте ее раскопок. Птица исчезла из поля зрения вожака, что его сильно встревожи-

ло. Неясность всегда представляет угрозу. Он стоял и ждал, чем все это завершится. Ведь не может же птица, среди бела дня и при ясном небе, исчезнуть в скале как в насиженном гнезде. Небольшая стайка перелетных птиц, летевшая на зимовку на юг, уже выбивалась из сил. Их путь пролегал рядом с этим скальным утесом. Предводитель этой стаи, зорким взглядом просканировав всю местность, видимо, решил, что этот утес будет самым безопасным и удобным местом для отдыха. Едва уловимым взмахом крыла он указал стае, где следует приземлиться. Когда первые птички стали касаться лапами места посадки, случилось невообразимое. Большая белая птица то ли орел, то ли кондор стремительно вылетела из скального гнезда и на лету врезалась в гущу стаи. Ее целью был предводитель, которого ничто уже не могло спасти. Оставшись без лидера, птички камнем падали в глубокую пропасть без шансов на выживание. Вожак лам смотрел на происходящее, ничего не понимая. Инстинкт подсказал, надо бежать к своей самке. Он знал, что мудрее ее нет никого на белом свете. И она, конечно, объяснит эту непонятную ему ситуацию. Подробно рассказал обо всем увиденном. Она, перестав бить копытами твердую землю, глубоко задумалась. Резко открыв глаза, самка прокричала:

– Тревога, быстро уходим отсюда, это очень опасное место!».

Вожак взял управление в свои руки и, только по ему известному навигатору, горными тропами, повел стадо. Уже на

бегу самка рассказала, что ее бабка до реинкарнации жила в облики кондора, который в подобных скальных пещерах охранял души, обитавших там жрецов верховных инков. Никто из охранников-кондоров не знал, почему эти души обитают там. И только случайно, после сильного землетрясения, когда горы разомкнули объятия, из одной такой тайной расщелины, вместе с камнями, черепами захороненных там индейских вождей, на землю полетел золотой дождь. Но никто не смог подобрать это золото, духи верховных инков превратили его в камни. Вот такую легенду поведала мне бабка.

Какое-то прикосновение ко лбу вызвало мурашки по всей коже. А в нос ударил приятный аромат свежесваренного кофе. Однако приятная ломота в мышцах и не досмотренный сон не давали векам открыться. Секундное прозрение затмил топот копыт лам, летящие над ними огромные кондоры, которые все удалялись и удалялись. Уже было понятно, что их не догнать, и споткнувшись о кочку, Алексей начал падать на каменистую землю. Еще миг и...

Алексей открыл глаза и долго не мог сообразить, где он и что было вчера? Но громкий голос Валдиса, и его появление с бутылкой пива в руке, сразу все поставило на свои места. Сбегав в символическое баньо, Алексей поднялся к импровизированному душу – маленький водопад, бывший теплой водой из скалы. Уже собрался спускаться вниз, но что-то его остановило. Покрутил головой вправо – влево, он посмотрел вверх и в метрах двухстах выше увидел скалу с выступаю-

щим утесом. Этот сюжет показался ему очень знакомым. Но надо было бежать вниз, там начали звать его на завтрак.

Все были в сборе и команданте, и рядовые сендеристы. Девушка-повар предложила кукурузную кашу с мясом горного козла и кофе с лепешками, также из кукурузы. Пако и его бойцы были, конечно, не «в форме» и все выпрашивали, чем вся компания занималась вчера вечером. Да, предложенные им Валдисом дозы алкоголя, оказались для них чрезмерными. Команданте тоже, видимо, крепче пива напитки не употреблял. Все это лишило их расспросы конкретики, что и входило в планы Алексея. Конечно, Пако наговорил много лишнего, но судя по всему ничего не помнил. При расставании он сказал, что вечером они перебираются в новое место, так как здесь ничего похожего на места с кладами они не нашли. Кроме того, по данным их лазутчиков сюда должна нагрянуть полиция. Договорились, что здесь Алексей и Валдис никого не видели. Это было по-джентельменски.

В машине, около пол часа, ехали молча, каждый думал о своем. Наконец, Валдис сказал, что свою задачу он выполнил, что надо – сфотографировал, что надо – отметил на карте, а кое-что зарисовал. Теперь у него начинается отдых – баня, еда и т. д.

– А ты как Леша, все вопросы уяснил или что-то осталось за кадром? Я тебя давно таким пьяненьким не видел, кто кого накачивал: ты команданте или он тебя?

И почему ты не пошел в мою хижину, хотел тебя увести,

когда революционер уже замертво лежал в гамаке, а ты сидел и о чем-то думал.

Да это Алексей уже не помнил, но расспросы коллеги заставили память отмотать пленку назад. Вспоминалось все равно трудно, особенно после того, как он помог команданте залезть в гамак. Пусто, пусто, пусто... И, вдруг, он отчетливо услышал бормотания Пако во сне, которое наложилось на сон Алексея о стаде лам. Вожак лам что-то говорил голосом команданте. Отчетливо слышались три ключевых слова – эль пахаро бланко (белая птица), ла каверна (пещера) и эль оро (золото). Что это? Алексей не понимал. Может он заглянул в сон революционера или тот лишь озвучил картинку, которая явилась Алексею. По крайней мере, он много узнал от команданте, запомнил, где находится утес, похожий на увиденный во сне. Ну, а с легендой о пещерах, которые охраняют души верховных жрецов, он разберется со специалистами. Наверняка, в Москве такие есть.

«Амазон» с напрягом подбирался к перевалу. Алексей краем глаза опознал место, увиденное во сне, и припарковался, не заглушая мотор. Но Валдис все равно проснулся.

– Ты куда?

– Да, так, техническая остановка.

– Я тоже с тобой.

– Нет, давай поодиночке, а то мало ли что с машиной, – поставил точки над «и» Алексей. Скрывшись за камнями, он с разных ракурсов сфотографировал тот горный утес

и запомнил ориентиры этого места. Застегивая куртку, он невольно посмотрел вверх и увидел парящего высоко в небе кондора. Да, дела, хмыкнул про себя Алексей. Валдис ни о чем не догадался. Вот теперь и мне есть, что рассказать и показать шефу. Главное, чтобы меня за «обкуренного» не приняли.

Въехали на перевал и практически попали в холодное облако.

Хочу сфотографироваться, – закричал Валдис и почти выпрыгнул из машины. Пришлось Алексею его фоткать, да, и сам был не против. Решили это дело отметить. Надели теплые куртки, бейсболки, температура ушла почти в минус. На багажнике разложили куриные ножки, кое-какие овощи, а главное, распечатали бутылку виски. Жаль, что тогда не было видеомэгнитофонов. Получился бы «исторический» фильм: «Пикник на высоте 4200 метров».

Пока добирались до отеля, хмель вышел, но разболелись головы. Как потом подсказали местные белые, в первый день, на высоте, лучше пить чай из коки или алкоголь, но по рюмке каждый час. Такая метода снимает головную боль в первые, 12–24 часа на высоте больше 3000 метров над уровнем моря. Интуитивно наши путешественники прибегли ко второму варианту.

Городок Чурин, в который они прибыли, еще во времена инкской империи, а может быть и раньше, славился своими источниками минеральной воды. Во времена испанской

конкисты курорт также процветал, что отражено в хрониках монахов. На многие километры распространилась молва, что его сероводородные ванны лечат многие болезни и восстанавливают силы. Другим местом, притягивавшим многих людей, стали ванны, насыщенные железом и всеми элементами таблицы Менделеева. Эти ванны помогали незрячим увидеть, неходячим побегать, и все в таком духе. Так гласила легенда. Но в годы после испанцев выявился интересный факт, подтвержденный статистикой. Женщины, у которых не получалось с детьми, после ряда сеансов становились фертильными. А мужчины приобретали «лошадиную» силу. Все эти удовольствия испытали на себе наши путешественники, на следующий день, после прибытия в этот городок. А накануне, после сытного ужина, где фирменным блюдом был жаренный куй, они пошли прогуляться по городу. Кроме величественных Анд смотреть было нечего. Но где-то слышалась национальная музыка индейцев. Оказалось, в сельском клубе были танцы. Все местные жители-индейцы оделись в национальные одежды. Короче, как в сюжетах «Клуба путешественников». Валдис незаметно сделал хороший глоток виски из припрятанной в кармане фляги, что говорило о его желании повеселиться. Индейцы плясали, не обращая внимания на чужаков. И все были парные, ни одной свободной дамы. Валдис расстроился, но желал проявить упорство. Ему пришла мысль «разбить пару», как это делали в советских кабаках.

Неуверенной походкой, как моряк во время качки, высокорослый литовец подошел к ближайшей паре танцующих и начал жестами показывать, что он хочет их разбить. Конечно, индейцы смотрели на него как на ископаемое. Но прибалт проявлял настойчивость, а в поведении индейцев наметилась агрессия. В результате Валдис оказался в окружении толпы, пока еще мирной. Алексей воспользовался нерешительностью индейцев и силой вывел коллегу с танц-пола на улицу. И тогда он увидел, что литовец едва держится на ногах. До отеля добрались без происшествий и моментально заснули.

Следующий день начался с сероводородных ванн, которые освежили, но большого впечатления не произвели. Зато баньос де йерро запомнились надолго. Вода в павильон поступала из скалы с температурой около 70 градусов. Желобок от скалы до павильона имел ярко красный цвет из-за большого количества железа в воде. В трех ваннах скромного вида вода была разной температуры: в одной – комнатной, в другой – 30 градусов, в третьей – 42. Валдис сразу предложил начать с самой жаркой. Он разделся за какие-то секунды, и «солдатиком» плюхнулся в воду. Прибалт дико заорал и выскочил из воды со скоростью «пробки от шампанского». Он плюхнулся на кафельный пол и схватился за лодыжки, громко произнося ругательства на литовском. Его стон напоминал плач гиены. Минут через пять он успокоился, боль отступила. Позднее влез и Алексей. Ему удалось войти в во-

ду минут через десять, когда лодыжки адаптировались к температуре в сорок два градуса. В такой воде можно было находиться максимум пять минут, чтобы не навредить сердцу.

Уже в баре, за кружкой пива, Валдис поделился, что эта процедура его воодушевила, и он почувствовал в себе «лошадиную» силу и попробует сохранить ее до «важных» дел.

В общем, городок понравился, и его можно было рекомендовать для проведения встреч с подпольщиками профсоюзных движений из стран Центральной Америки.

Весь обратный путь Алексей думал о встрече с сендеристами и как грамотно доложить руководству об этом. Договорились описать без лишних деталей – «мол, их остановили, приняв за американцев, и пришлось доказывать, что мы из СССР. Поверили, и отношение, из враждебного перешло в дружелюбное. Много полезного узнали от команданте – горного инженера. Ну, вот так в общих чертах», подытожил Алексей. С легендой о пещерах, где спрятано золото инков, охраняемых душами верховных жрецов, Алексей решил повременить. Вера в такие мифы могла отразиться на его репутации. Как говорит Валдис, это когда-нибудь «прикотится.»

Илья Петрович, доктор геологических наук, сотрудник режимного НИИ, под скромным названием «Природопользование», шел, глубоко задумавшись по Безбожному переулку к станции метро «Проспект Мира». Ему было о чем подумать. Его неожиданно вызвали на серьезное совещание в Министерство нефтяной и газовой промышленности. А са-

мым удивительным было то, что, в совещании участвовал секретарь ЦК, и это обстоятельство возвело мероприятие в ранг государственной важности. Тематика была секретной, но Илья Петрович другими вопросами и не занимался. Всю свою профессиональную карьеру он посвятил поиску золотых жил, как, в СССР, так и в некоторых зарубежных странах. Секретарь ЦК на совещании, в узком кругу, заявил, что золотые запасы страны почти исчерпаны, все золото ушло на прожекты Горбачева и его перестройки. СССР практически висит на волоске и скоро, видимо, произойдет распад. Поэтому, сейчас прилагаются громадные усилия, чтобы нарастить добычу золота и найти новые месторождения. Оно будет крайне нужно России, как основной преемнице СССР. Действительно, ситуация тяжелая.

Решив прогуляться до метро Сухаревская, Илья Петрович видел пустые полки магазинов, скромно одетых людей, которых клики Горбачев-Лигачев даже лишили последнего утешения-бутылки водки. В развязанной антинародной кампании советские люди даже свадьбы играли без спиртного. В тоже время сам Горбачев и его жена баловались элитным французским шампанским. Подходя к метро, он увидел винный магазин, возле которого не было очереди. Вот так удача, после такого совещания необходимо было выпить хорошего коньяку. Зайдя в магазин, он увидел такой выбор, что глаза вылетали из орбит. Решил купить коньяк «КВВК», лучший в то время в СССР. Протянув деньги кассиру, хотел уже ска-

зять «без сдачи», но был ошарашен вопросом «А где винная карточка?» Он знал, что когда-то ходили хлебные карточки и на колбасу, а теперь вот в перестройку появились винные. Снова пришлось расстроиться. Отойдя, метров на пять от магазина, к нему подошел молодой человек и предложил карточку или на водку, или на коньяк, но в два раза дороже номинала. Пришлось согласиться.

Да, с описанием проблем, которые принес стране Горбачев, забыли отметить самое главное. На упомянутом совещании обсуждались цели советских экспертов в рамках предстоящей командировки в одну южноамериканскую страну. Там в соответствии с межправительственным соглашением советские ученые должны были провести геологоразведку нескольких районов, на предмет наличия запасов нефти и газа. А Илье Петровичу поручалась геологоразведка золотосодержащих жил.

Дома, Илья Петрович рассказал жене о предстоящей командировке за океан и попросил собирать чемодан. За ужином они побаловались коньяком высшей пробы под традиционную для тех времен гречку с сосисками. Устроившись в кабинете, он открыл том советской энциклопедии, чтобы получить максимум информации о той далекой стране, где предстояло найти то, «что сам не знаешь, что». Как вдруг зазвонил телефон. Это был друг, еще с университетских времен Федор, а заодно и партнер по быстрым шахматам. Выяснилось, что Федор знает о секретном совещании в Мини-

стерстве Нефтегаза, и предложил завтра встретиться в кафе «Ласточка» на Лубянке, чтобы дать Илье Петровичу дополнительную информацию, касающуюся его поездки.

На следующий день, Илья Петрович не спеша шел от метро «Кузнецкий мост» к улице Лубянка. Он хотел как-то продышаться, но маршрут был не тот, да и погода подкачала – около нуля градусов, и снег с дождем. Уже смеркалось, а зайдя в кафе, он почувствовал тепло и уют. Было время раннего «пред ужина», как говорят на его родине, в Красноярском крае. Кафе было почти пустым: за одним столиком сидели двое, а за вторым, в углу, сразу и не заметишь, расположился Федор. Он знал, что Федор занимается важными проектами в НИИ «Микробиологии», а также входит во властные структуры. Поэтому, он даже не стал спрашивать, откуда Федор узнал о вчерашнем секретном совещании. Он хорошо запомнил присказку Федора, что «мы, микробиологи, должны разбираться не только в микро, но и в макро». На столике уже стояла бутылка «Хванчкары», Федор был ярым «сталинистом», сырная тарелка и исходящие еще паром хачапури. Давно изучив привычки приятеля, Илья хорошо знал, что до шести вечера Федор не употребляет крепкий алкоголь, поэтому бутылка вина его не удивила. Официант принес канделябр и зажег свечу – прямо как на романтическом свидании, а не на полусекретной встрече, – подумал Илья Петрович. Когда, после небольшого аперитива, Илья достал пачку «Явы», Федор тут же предложил ему «папиросу «Герцегови-

на Флор», и он не смог отказаться.

– Ну, что, Илья, поздравляю тебя с такой командировкой, понимаю – это большой сюрприз для тебя. Но мир не без добрых людей.

На последних словах Илья Петрович чуть не поперхнулся.

– Ты хочешь сказать...

Ладно, замнем для ясности, перебил его Федор. Из такой нашей непогоды скоро перенесешься в сказку. Там сейчас тепло и солнечно. Весна, как ни как. А сейчас давай перейдем к телу, извини к делу, попытался пошутить биолог. Я тебе когда-то рассказывал, что мой институт занимается проблемой миграции птиц и насекомых, как возможных переносчиков вирусов и инфекций. Там, где будет проходить твоя миссия, мы уже основали биостанцию, где я бывал три раза. В советском представительстве работает некто Алексей – мой новый и хороший друг, человек полного доверия. Он, кстати, тебя и встретит в аэропорту, и будет с тобой работать по отдельной программе, автономно, от нефтяников и газовиков.

– Как складно они все выстроили, промелькнуло в голове у Ильи Петровича. А кто они, неужели из большого дома на этой же улице? Ну, что мне до этого? Ведь Федор мой друг.

– Э, тебя куда унесло? Вдруг отчетливо он услышал вопрос друга.

– Да, немного задумался, извинился геолог.

– Короче, Ильяха, Алексею можешь доверять как мне. Он

будет тебе ангел-путеводитель и защитник во всех вопросах. Кстати, на месте, в одном из горных городков, откуда вы начнете научную экспедицию, он тебе расскажет, охраняемую веками, древнюю легенду местных индейцев, которую узнал случайно. Поскольку она известна только узкому кругу индейцев. По поводу этой легенды я консультировался с ведущим исследователем культуры индейских цивилизаций Южной Америки Михаилом Борисовичем. Если помнишь, он читал лекции на факультете географии, в нашем универе.

– Да, немного припоминаю. А что, собственно, даст мне эта легенда, я всегда работал строго на основе научных данных.

– Ну, и знание легенды не повредит. Это слова Михаила Борисовича, – подытожил импровизированную дискуссию Федор. Вот письмо, передай его Алексею. Я уверен, у вас сложится хороший тандем. И, конечно, ты для него научный авторитет, но не игнорируй его мнение. Он там «собаку съел». Помни, стране нужно золото.

– Он, как будто, прочитал мысли секретаря ЦК, – вновь уважительно подумал о Федоре геолог.

Оставим на время Илью Петровича. Пусть он готовится к очень важной командировке. И вновь перенесемся к Алексею.

Вся страна готовилась к католическому Рождеству и встрече Нового года. Недели две до Рождества город был похож на порушенный муравейник. Все население, как бы,

вышло из своих нор и высыпало на улицы и торговые центры. Происходила бешенная гонка по поиску и приобретению подарков. Пришедшая с севера коммерциализация этого праздника была молчаливо поддержана даже иерархами местной церкви. Все должны были подарить родным и близким подарки. Даже неимущие метисы, мулаты и чоло не оставались в стороне. Но денег не было. И вот, дней за десять до Рождества, криминогенная обстановка резко накалялась. Даже среди бела дня выхватывались сумки, срывались украшения, а в автомобилях, стоявших в пробках или на светофорах, разбивали стекла и грабили тех, кто был внутри. В общем, все советские выходили и выезжали в город с опаской. Но некоторым не везло.

В представительствах начиналась подготовка к Новому году. И в то время – это был самый любимый народом праздник. Но длился он обычно до третьего января, и на работу. Не то, что сейчас-десять дней беспробудного... Готовились концерты, талантов находилось много. Праздники проходили весело, и никто не обращал внимание на какие-то казусы. Дети Алексея участвовали в утренниках: один был зайчиком, другой – пиратом.

У взрослых иногда появлялись неожиданные номера. Жена одного советника, незаметная в повседневной жизни женщина, после фужера шампанского, кардинально преображалась. Она пыталась все время выбежать на сцену, и в отрепетированных другими артистами номерах или подпеть, или

поплясать. Ее корректно провожали за столик, но, когда муж ушел на перекур, она махнула в одиночку еще «шампаньолы» и стрекозой выбежала на подиум. Звучала песня «Сатисфэксен» группы «Роллинг Стоунз», женщина упала на пол и стала исполнять что-то типа современного рэпа. Для тех времен это было очень смело. Все застыли в изумлении. Кто-то даже выронил рюмку, и она сочно разбилась о тарелку. Помощник бухгалтера, в странном возбуждении, разорвал рубашку на груди и рванул в сторону сцены. Но его эйфории помешала жена, работавшая уборщицей, вовремя подставившая метлу Бабы Яги ему под ноги. Младший бухгалтер упал прямо у столика, где сидела жена посла. Хорошо, что посол был на перекуре и не видел реакции своей супруги. А та, от неожиданности, опрокинула салатницу с оливье точно на голову незадачливого танцора. От этого зал еще больше развеселился, а танцевавшая в вечернем платье женщина, думала, что все овации обращены к ней. И решила на свой коронный номер. Слегка подпрыгнув, она хотела, опустившись на пол, сделать шпагат «а ля Волочкова», но, запутавшись в длинном платье плюхнулась на «интересное» место. Послышался звук рвущейся материи, сползли бретельки... А дежурный комендант, смотревший в бинокль со своего поста, потом, в курилке шепотом рассказал кое-кому, что видел даже нижнее белье исполнительницы рэпа. К четырем утра все прилично выпили и на утро уже об этом забыли, так как случились другие хохмы и покруче. Короче, завхоз

на спор решил перепрыгнуть бассейн, шириной в три метра. Действительно в молодости он был разрядником в тройном прыжке и рассчитывал, что мастерство не пропьешь. Разбежавшись, он делал все правильно, но не учел, что, сделав первый прыжок, следовало оттолкнуться для тройного. Однако вода не беговая дорожка, и бедняга, в новейшем импортном костюме, рухнул в воду.

Алексей с женой встречали этот Новый год дома. Их дети еще не достигли того возраста, чтобы одним оставаться дома или отмечать праздник в своей компании. На столе, как всегда, традиционный салат «оливье», но вместо крабов – лангусты, экзотическая себиче, холодец из мяса куй, авокадо, фаршированное креветками с луком под соком лайма, печеный картофель, фаршированный ветчиной и каперсами, а на горячее – жареная камбала, с соусом от итальянского шеф повара. Из напитков – «писко сауэр», шампанское и «инка кола». Все было так красиво сервировано, что Наталья все это запечатлела на пленку «кодак». Не хотелось нарушать эту красоту, подумали они. Но, видимо, забыли трижды постучать по дереву. Подняли бокалы с шампанским и, воображая, что бьют куранты последнюю минуту года, встали из-за стола. Начали считать от одного до... На цифре десять как-то странно качнулась люстра, почувствовался запах горячей проводки и внезапно погас свет. Вся нетронутая красота на столе погрузилась во тьму. Алексей выбежал на террасу и, насколько хватало глаз, увидел, точнее ничего

не увидел. Квартал был явно обесточен. Это был первый новый год в этой стране. Неужели это такой местный обычай или прикол, крутилось у него в мозгу. Пока жена выставила свечи, он наблюдал за улицей. Затихшее перед «боем курантов» движение, внезапно, оживилось и выглядело достаточно озабоченным. В боковом переулке послышался характерный лязг, наверное, лобового столкновения. Из соседнего дома, окруженного высоким забором, раздался звук выстрела, и кто-то истеричным голосом крикнул – «асальто» (нападение). Из многих квартир и домов доносился скрежет наспех опускаемых жалюзи, и грохот от закрывания бронированных дверей. Да, это не прикол, все серьезно. И Алексей бросился закрывать ставни и двери на все замки. От неведения, что происходит, тремор бил все тело. Уже не до шампанского, и он махнул фужер виски. Видимо, от расширения сосудов, и мысли в коре головного мозга получили больший простор, и из хаотичного движения стали выстраиваться в логическую цепочку. Быстро – к телефону, но тот не работал. Алексей вспомнил, что старший сын взбунтовался из-за того, что не будет поднимать бокал с инка колой в 12 часов, и, в отместку, резанул телефонный кабель перочинным ножом, который незаметно вытащил из кухонного стола. Так, что еще? Ах, да транзистор, телевизор естественно не работал. Местные каналы молчали. До советских не докрутишься. Остается запрещенный в СССР «Голос Америки». Сначала, американцы передавали свои новости – как

хорошо «загнивал капитализм», потом – перешли к поздравлению Горбачева советских людей с Новым годом. Лидер перестройки особо отметил, «...что, сейчас, советские люди, наконец-то, пробудились от пьянства и отмечают праздники с соком и минеральной водой. Но все это было не то. Алексей вышел на террасу, не выпуская транзистор из рук, открыл жалюзи и посмотрел на улицу. По-прежнему, было темно, и царилла какая-то предгрозовая атмосфера. Слышались крики «апогон, апогон», раздалась полицейская сирена. Алексей не знал, что означает апогон, и лихорадочно листал словарь. Но такого слова там не было. Наконец, после музыкальной паузы, где прозвучала мелодия «Серенады солнечной долины», вновь ожил «Голос Америки». Передали, что Фидель Кастро выступил на миллионном митинге в центре Гаваны по случаю очередной годовщины кубинской революции. Его речь длилась восемь часов и вошла в книгу рекордов Гинесса. Во, дает мужик, с восхищением подумал Алексей. Но где же новости о нашей стране. В транзисторе что-то затрещало, он даже стал подпрыгивать на журнальном столике, возникла пауза ... В эфир вышел не американский, а известный диктор местного радио. Он дрожащим от волнения голосом несколько раз пробубнил «апогон, апогон»... Ну, давай же, «рожай» быстрее, вырвалось у Алексея, и он тихо, но смачно выругался. Диктор сообщил, что сендеристы взорвали три мачты высоковольтных передач в пригородах столицы, и город полностью обесточен. Ремонтные бригады

не смогли начать работы, попав под перекрестный обстрел. Пока не подойдет армия, восстановление начать невозможно. Все осложняется тем, что руководство армии встречает Новый год в закрытом клубе, где-то в горах, и с ним пока не могут связаться. Диктор рекомендовал на улицу не выходить, забаррикадироваться в жилищах, подготовить на всякий случай оружие для самообороны. Возможны разбойные нападения. Здесь, уже жена Алексея схватилась за голову от таких новостей и попросила порцию коньяка. Еще раз проверили замки и запоры. Надежно спрятали все деньги, а сто долларовую купюру положили на журнальный столик, если вдруг придется откупаться. Сели за стол и приступили к праздничному ужину при свечах.

После ужина, настроение от которого не улучшилось, отравились спать. Детей перенесли к себе в спальню, а Алексей, на всякий случай, заблокировал дверь тяжелым комодом из красного дерева. Ночь прошла без происшествий.

На следующий день Алексей узнал в посольстве, что там и не заметили «апогона», так как автоматически включился генератор. Но его до слез позабавили хохмы, произошедшие на празднике. Короче, настроение улучшилось, и решили поехать компанией на океан.

После новогодних праздников, Рождество тогда не отмечали, возобновились трудовые будни. А в выходные дни самым главным событием стал чемпионат советской колонии по мини футболу, местное название – фульбито. Участвова-

ли сборные посольства, торгпредства, ГКАЭС, журналистов, рыбаков, посольства ЧССР и ГДР. Жаль, что рана из турнира выбыли чехи и немцы. На матчи они всегда привозили отменное пиво и колбаски. После пары бутылок пива они не отказывались угощаться русской водкой и салом с черным хлебом. Вообще, футбол заканчивался южноамериканской фиестой.

Алексей сначала выходил на замену защитником, но прибавлял в каждой игре и даже забил два гола. Финальный матч предстоял со сборной ГКЭС (Государственный комитет по экономическому сотрудничеству-продавал вооружение во многих странах мира). Эта команда состояла из технических игроков, многие из которых ранее серьезно занимались в футбольных секциях. К сравнению, Алексей профессионально играл в водное поло, а футбол был для развлечения. Ну, за среднюю школу выступал на первенство Ленинградского района. А так больше во дворе. Команду ГКЭС опасались, она была объективно сильнее. А в защите там был ужасно «грязный» игрок типа «кувалды Шульца» в канадском хоккее. За время турнира он отправил на больничную койку двоих. И все как бы по правилам. В посольстве провожали команду как на войну. На стадионе собралось человек сто зрителей. Перед матчем полили бетонное покрытие поля. Фульбито играется не на траве, а на бетоне. Отсюда и такое количество травм. Перед матчем, понимая, что ГКЭС силен в нападении, решили применить тактику «каттеначо».

То есть глухая оборона, а в нападении доверили играть одному Алексею.

В первом тайме ГКЭС не выпускал посольство со своей половины поля. Удары наносились один за другим. Сильную травму получил основной вратарь, которому мяч попал в незащищенное лицо. Его сразу увезли в госпиталь. Алексей не смог получить ни одного паса, тем не менее получил два удара по ногам. Так игра продолжалась и после перерыва. Одни атакуют, другие отбиваются. Силы были на исходе. Команда ГКЭС от множества безрезультатных ударов по воротам посольства стала терять уверенность. Мяч так и не залетал в ворота. Оставалось играть минуты три, когда, после неточной передачи противника, Алексей перехватил мяч. Но перед ним было три игрока. Он услышал команду своего капитана – «играй сам». Алексей принял мяч лицом к своим воротам, быстро развернулся. Сыграл «в очко» защитнику «кувалда Шульц», то есть пустил мяч между ног. Обежал его слева, прокинул мяч между двумя соперниками и юркнул между ними. Когда их плечи сомкнулись, «коробочка» не удалась, Алексей уже был в двух метрах от них. К нему приближалось гигантское тело вратаря-верзилы, под два метра ростом, который корпусом и растопыренными руками практически закрыл все ворота. Пробить его было невозможно. Алексею на ум пришел финт, исполненный, как-то, Эдуардом Стрельцовым, великим футболистом СССР. Алексей пятками обхватил мяч, подпрыгнул, и мяч,

как бы по траектории радуги, поднялся вверх и стал опускаться за спиной вратаря. Вратарь уже нацелился на ноги форварда с тем, чтобы забрать мяч и уже не мог остановить прыжок. Он подкосил ноги Алексея и тот рухнул на него, взглядом провожая мяч, катившийся в пустые ворота. До конца досмотреть не удалось. Обзор заслонило тело «кувалды Шульца», который, пытаясь выбить мяч из пустых ворот, «каменным» лбом врезался в штангу, и ворота упали навзничь.

Одна часть болельщиков – бурно праздновала победу, другие побежали к судье с протестом. Судья сначала гол засчитал. Однако, давление команды ГКЭС, их болельщиков и даже руководства компании, явившегося на игру в черных костюмах и галстуках, вызвали у судьи замешательство. Ясность внес сотрудник военного атташата, заснявший момент гола на фотоаппарат моментальной съемки «Коддак». На снимке было четко видно, что мяч пересек воображаемую линию ворот до того, как ворота были сдвинуты. Гол был засчитан. Команда ГКЭС продолжала вести себя неспортивно, слышались угрозы в адрес судьи. Но судья был непреклонен.

Все ждали завершения игры. Оставалось около двух минут, достаточное время в футболе для изменения счета. Но здесь команда ГКЭС пошла на непредсказуемый шаг, объявив, что, в знак протеста, отказывается продолжать матч и, таким образом, не признает себя побежденной. Болельщи-

ки стали свистеть с осуждением. Срочно послали машину за консулом, чтобы он, как представитель советского закона за границей, разрешил спор. Прибыв, консул выслушал версии сторон, вердикт судьи и изучил фотографию момента взятия ворот. Официально подтвердил решение судьи и тоже сел на трибуну, чтобы досмотреть матч. Игра продолжилась, но едва Алексей получал мяч, его атаквали минимум два футболиста и били по ногам, провоцируя на драку. Особенно старался «кувалда Шульц», в один из моментов он попытался даже применить хоккейный силовой прием. Алексей едва увернулся, и чтобы не потерять равновесия, носком стопы незаметно ткнул его в ягодицу. Защитник, ничего не понимая упал, и это вызвало смех на трибунах. Здесь же прозвучал финальный свисток. От принятого во всех странах рукопожатия после окончания игры ГКЭС отказалась. Вместо этого «кувалда Шульц» подскочил к Алексею и схватил его за «грудки». Он стал требовать, чтобы автор гола признал его незаконность. В воздухе запахло стычкой. Вряд ли бы дошло до драки, но кто знает? Тем не менее, Алексей почувствовал себя ущемленным. Он стал уже готовиться к удару «мае гири» – подушечкой стопы в надкостницу или ниже пояса обидчику. Слава Богу до этого не дошло, руководитель группы ГКЭС оттащил хулигана.

Победу праздновали в сауне посольства с вениками из эвкалипта, пивом, закуской и «водкой от консула». Вот такие были страсти в здоровых мужских коллективах совет-

ских представительств. Если сравнить, с нынешними заграничниками, то тогда, страну представляли более физически сильные и духовно крепкие люди. А как сражались в волейбол, почти профессионально в него играя. И коллективный дух был на высоком уровне.

Илья Петрович давно не летал на такие далекие расстояния и, конечно, немного волновался. Да, ему приходилось бывать и на Камчатке, и на Сахалине, но привычка на дальние перелеты так и не сформировалась. Он верил в советскую гражданскую авиацию, особенно его восхищал дальнемагистральный «Ил-62». Это очень надежный самолет, внушал себе Илья Петрович, чем ближе становилась дата отлета за океан. Борьба мотивов, лететь или не лететь, также усиливалась тем, что он не верил в успех своей миссии. Один в поле не воин. Какие золотиносные жилы можно найти без подготовленной экспедиции? Видимо, на него загадочный Федор возложил какую – то иную задачу? Но согласие дано, и назад дороги нет. Конечно, нельзя игнорировать отменные командировочные. За месяц – это почти годовой заработок в Москве. Плюс экзотика. А какие там женщины! Илья Петрович никогда не решался на сторонние связи, долг коммуниста и возможная потеря партбилета удерживали его от греха. А вредные сны нет-нет да снились. Хорошо, что еще с женой спали в одной кровати, несмотря на ее угрозы уйти в кабинет из-за сильного храпа геолога. Да, жизнь, есть жизнь.

Вещи для командировки были собраны, с родными и дру-

зьями выпили на посошок, день отлета приближался. Приятное возбуждение сменялось необъяснимым внутренним страхом. И вот на тебе. За три дня до отлета произошла чудовищная авиакатастрофа. «Ил-62», летевший из Москвы в одну из африканских стран, еще не набрав высоту, рухнул в лесах дальнего Подмоскovie. Все погибли. Илья Петрович был в шоке. На следующий день ему позвонил Федор и стал всячески успокаивать. Что, мол, авиация – самый безопасный вид транспорта, «Ил-62» – самый надежный самолет в мире. Что он его проводит в аэропорту, и они выпьют грамм по двести, и это снимет все проблемы. Позднее, уже находясь за океаном, Илье Петровичу Алексей рассказал о причине крушения «африканского рейса». В середине 70-годов прошлого века СССР столкнулся с проблемой авиа терроризма. Салоны самолетов оборудовали системой с газом «Черемуха», который, при необходимости, мог усыпить всех пассажиров с тем, чтобы предотвратить угон самолета за границу. При этом экипаж оставался вне зоны действия газа. В том трагическом рейсе произошло непостижимое. «Черемуха» сработала случайно, а по каким-то неизвестным причинам дверь в кабину пилотов была открыта, и газ моментально усыпил всех.

Аэропорт «Шереметьево-2» произвел сильное впечатление на Илью Петровича. В то время, это был самый современный аэропорт в СССР, построенный к Олимпиаде-80. Сверившись с табло и определив номер стойки, Илья Пет-

рович направился к месту регистрации. Очередь была немаленькая, и это обстоятельство немного расстроило. Не успел поставить чемодан, чтобы заполнить необходимые документы, как кто-то его окликнул.

– Товарищ профессор, неужели вас никто не провожает?
Это был, конечно, Федор.

– Не пристало звездам геологической науки стоять в таких очередях, мы сейчас пойдем в другое место, где все сделают как надо.

Не успел Илья Петрович что-то сказать, как Федор подхватил его чемодан, и они пошли к лифту. У красивой и массивной двери с надписью «Депутатский зал» никакой очереди не было. Приглушенный свет, легкая музыка и оформленный, как в американских фильмах бар, дышали уютом и теплотой. Пока оформляли выездные документы, между друзьями завязалась непринужденная беседа о предстоящем полете и далекой стране. Похоже бармен хорошо знал вкусы Федора и ставил перед ними напитки и легкие закуски, не спрашивая ни о чем. Чувство полного спокойствия и нарастающего интереса к путешествию захватили Илью Петровича.

Флагман советского «Аэрофлота» «Ил-62» постепенно заполнялся пассажирами. Внимательные стюардессы в красивой форме помогали с размещением ручной клади и предлагали конфетки «Взлетные». Большую часть самолета заполнили рыбаки, летевшие к местам базирования рыболо-

вещких судов в Тихом океане. Их промежуточной базой стал порт Кальяо вблизи столицы Перу Лимы.

Салон «первого класса» был заполнен наполовину, когда гостеприимная стюардесса показала Илье Петровичу его место у иллюминатора. Он взглянул в окно и наслаждался густо падающим снегом. Самолет обрабатывали от наледи, а специальная техника расчищала взлетно-посадочную полосу. Но Илья Петрович был далеко от этих проблем, он даже не заметил, как в соседнем кресле появился новый запыхавшийся пассажир. Ему, видимо, пришлось быстро бежать по рукаву, так как посадка закончилась. «Ил-62» плавно набирал скорость и, оторвавшись от земли, включил форсаж.

Илье Петровичу снились ни небо, ни самолеты, а подмосковная электричка, на которой он ехал с Павелецкого вокзала к станции Барыбино. Недавно он там получил шесть соток и планировал построить дачный домик. Посадить яблони и груши, кусты смородины и, непременно, сирень. Электричка музыкально стучала по шпалам и начала сбрасывать скорость, приближаясь к станции назначения. Стоянка одна минута. Илья Петрович встал, чтобы не опоздать с выходом, и попросил, рядом стоящих пассажиров, расступиться, но они стояли стеной. Он повысил голос, но и это не помогло. Тогда попытался пройти между ними, работая локтями...

Как вдруг чьи-то сильные руки посадили его на место. Запах нашатыря подействовал сразу. И над своей головой он увидел симпатичную девушку в форме и, справа от себя, бо-

родатого мужчину.

– Где я, что происходит, кто вы?

Вопросы сыпались один за другим, и что-то невнятное про Барыбино.

– Да успокойтесь вы Илья Петрович, – нежно взяв его за руку, проговорила улыбчивая стюардесса. Нас предупредили, что вы не очень любите летать, но самое сложное уже позади. Взлет прошел успешно, и мы давно летим на высоте десять тысяч метров.

Вот тут до Ильи Петровича дошло, что он в самолете. Вспомнилось, что было до посадки: бар, отменный французский коньяк, беседа с Федором. Потом громкие объявления о его рейсе, какая-то суета, спешка. И длинный коридор... Когда начали подкашиваться ноги, сначала пустота, а потом место у окна в электричке... Конечно, это был сон, очень глубокий сон, как в детстве. И так стало неудобно, что он готов был провалиться сквозь землю. Но внизу было только небо. Илья Петрович приготовился к долгим извинениям, но ему предложили сесть, сказав, что нет никаких проблем. Сосед справа представился Вадимом, представителем «Соврыбфлота» в Южной Америке.

Только Илья Петрович закончил рассказ о себе, как стюардесса предложила им по бокалу шампанского. Илья Петрович, конечно, хотел пить, но застыл в нерешительности.

– Коллега, давайте выпьем за знакомство, передавая ему бокал, сказал Вадим.

– Да, как-то неудобно.

– Удобно, удобно, – поддержала Вадима стюардесса.

Шампанское и освежило, и расположило к беседе.

Когда стюардесса ушла, Вадим спросил, давно ли он летал первым классом.

– Честно признаться, никогда.

Тогда Вадим подмигнул и объяснил самое главное, что угощать спиртным их будут до конца рейса.

– На каждом отрезке «Аэрофлот» предлагает пассажирам «первого класса» по четыреста грамм коньяка, водки или шампанского. Так как наш рейс состоит из трех отрезков, то вам, коллега, положено одна тысяча двести грамм спиртного на весь маршрут.

Беседу прервал голос командира воздушного судна, сообщивший, что экипаж приступает к снижению в аэропорт Шеннон, Ирландия.

– Это очень красивый аэропорт и вам наверняка понравится. Там много магазинов беспошлинной торговли, так что время пройдет быстро, – дополнил информацию пилота сосед.

В иллюминатор виднелись зеленые поля и стада коров, мирно щипавших травку. Показался город со шпилями католических соборов, замки, больше похожие на крепости. Смотрелось все красиво, как бы, приглашая в гости. Тихая спокойная страна, не то, что соседняя Северная Ирландия, где уже несколько лет идет гражданская война.

После недолгой рулежки, «Ил-62» замер на месте отведенном для стоянки. Показались автомобили-заправщики и другая техника по обслуживанию самолетов. Подкатали трап, и все готовились к выходу, чтобы побродить после долгого сидения и развеяться. Неожиданно в проходе еще раз извинился и дверь за ним автоматически захлопнулась. Появился мужчина средних лет и представился представителем «Аэрофлота» в аэропорту Шеннон. Он несколько раз извинился и объявил, что выхода пассажиров в здание аэровокзала не будет. Местные власти сократили стоянку до 20–30 минут, чтобы осуществить только дозаправку лайнера. Чуть позже к пассажирам первого класса вышел второй пилот и сообщил, что главная причина не выпуска пассажиров – это «гульбище», устроенное рыбаками в магазинах дьюти-фри.

– Да, к сожалению, это раздражает местные власти, их терпение оказалось не безгранично. Они нас уже несколько раз предупреждали.

– Я лично думаю, что это правильно. Позорно, когда рыбаки без денег ходят по шикарным магазинам и нервируют местных.

Илья Петрович нащупал в кармане десятидолларовую купюру, полученную на перелет, и почувствовал себя таким же бедным, как и рыбаки.

Полет продолжился, и после сытного ужина все отошли ко сну.

Самолет, поблескивая габаритными фонарями, уверенно

шел к следующей транзитной посадке в аэропорту Гаваны. Метеоусловия не внушали тревоги, автопилот функционировал исправно. До острова Свободы оставался час лета. Через какое-то время «Ил-62» попал в зону радиовидимости аэропорта «Хосе Марти». Голос кубинского диспетчера был спокоен, и он даже пытался шутить с командиром лайнера, выходя за рамки штатного протокола.

Бортпроводники заняли позиции, предписанные при подготовке к снижению самолета. Зажглось табло «пристегните ремни», а старшая стюардесса начала обход пассажиров. Все шло штатно и, все ждали этой посадки, чтобы подвигаться и размять затекшие ноги. Вадим объяснял Илье Петровичу, что гаванский аэропорт – это, конечно, не Шеннон. Но там можно приобрести гаванские сигары и ром десятилетней выдержки по хорошей скидке. А при желании и выпить хорошего кубинского пива. Илья Петрович с детства восхищался кубинской революцией, ее лидером Фиделем Кастро, и ему все было интересно.

Тем временем авиадиспетчер аэропорта «Хосе Марти», в зоне ответственности которого был советский лайнер, потягивая кофе и докуривая крепкую сигарету из сигарного табака, готовился сдавать смену после посадки «Ил-62». Его мысли уже больше занимала Кармен, с которой он познакомился на карнавале. Он все время ее вспоминал в откровенном наряде, и это доводило его до точки кипения. На сегодняшний вечер он пригласил ее на свидание, планируя

закончить его на роскошных песках столичного пляжа. Он знал там укромные уголки.

От предвкушения была дрожь и ему захотелось в туалет. Он решил незаметно отлучиться секунд на двадцать, а задержался почти на две минуты. Вернувшись к монитору, он не поверил своим глазам, его сковал ужас. Подбежал дежурный по смене и вышвырнул его из кресла, обозвав его тупым идиотом. На экране картинка была угрожающей – «Ил-62» стремительно приближался к широкому фронту урагана «Росита», зародившемуся в зоне Центральной Америки. Информация об урагане пришла час назад, но, по предварительным расчетам, он должен был пройти в тридцати милях от Гаваны. Но внезапно изменившийся ветер погнал его прямо на столицу Кубы. Две минуты оказались решающими, и советский лайнер уже не мог изменить курс и уйти на запасной аэродром. Вход в зону урагана стал неизбежным.

Второй пилот смотрел на окаменевшее лицо командира и понял, что случилось что-то страшное. Эти ситуации отрабатывались и в учебных классах, и на симуляторах. Но одно дело там, а другое в небе. Нужно было совершать посадку сквозь фронт урагана. В небе уже виднелись вспышки грозных разрядов, чем ниже, тем сильнее.

Илья Петрович сидел и сквозь иллюминатор смотрел на черное умиротворяющее небо. С Вадимом они договорились по максимуму познакомиться с кубинской экзотикой, какая будет в аэропорту. Конечно, и сигары, и ром, и «польос а ла

браса» с черным рисом-цыпленок «табака». Прикинули, что по десять долларов хватит, а то и останется.

Однако необычная суэта отвлекла Илью Петровича от этих мыслей. Голоса бортпроводников звучали более напряженно, чувствовалась некая озабоченность. Вадим подремывал, скрестив руки на груди. Внезапно ожила радио в салоне. Командир судна достаточно уверенным голосом объявил, что возникла нештатная обстановка, все должны проявить спокойствие и выдержку. Экипаж сделает максимум возможного, чтобы обеспечить безопасность пассажиров. И только в конце голос его дрогнул.

Илья Петрович внутренне напрягся. Сразу вспомнилась недавняя катастрофа африканского рейса. Вадим резко встал и стал, как школьник, проситься в туалет, дверь которого не открывалась. Да, это уже паническое состояние, подумал Илья Петрович, хотя самого сковал озноб, как при высокой температуре. Вадима усадили в кресло и дали понюхать, видимо, нашатыря.

Небо в иллюминаторе вспыхнуло, самолет затрясло, раздался шум от падающих предметов в отсеке стюардов, слышался запах пролившейся на пол «газировки «Буратино». Лайнер накренился направо так резко, что открылись, некоторые переполненные отсеки для ручной клади. Что-то с грохотом свалилось в проход и донесся запах самогона. Детский плач не переставал, молодая мама не знала, а как успокоить ребенка. Пожилой мужчина, с видом беспар-

тийного, усиленно крестился и, видимо, обращался к Богу. Илья Петрович вновь клял себя за необдуманное согласие на эту командировку. Вибрация самолета усилилась, и казалось, что закаленный металл не выдержит. Еще одна вспышка озарила небо, но уже справа, а лайнер дернулся влево. Кто-то обезумевшим голосом начал орать, что это – конец, и умаял открыть дверь, чтобы выпрыгнуть в море. Снова вспышка, снова какой-то лязг и скрежет. И все потемнело за иллюминатором.

Командир скомандовал:

– Садимся, прижать голову к коленям.

При первом касание земли, самолет подскочил как на кочке. Второе касание и ... Все замерли. Кто-то крикнул «Ура» и пассажиры заплодировали, когда воздушное судно плавно катилось по взлетно-посадочной полосе.

Алексей еще не открыл глаза, но умом понял, что проснулся. Пока лежал, не зная, что делать, стенные часы сделала три удара. Значит три ночи? Что его разбудило? Какое-то предчувствие или ...? Взглянул в окно, яркий лунный свет лился под таким углом, что, слава Богу, не попал в спальню. Сегодня же полнолуние, вспомнил он. Уже несколько лет замечал, что в полнолуние и в новолуние, плюс-минус один день, он всегда просыпался ночью около трех. Плохо это или хорошо он не понимал. Но ходить по карнизам или выть на луну не тянуло, а это уже неплохо. Думал, «засну или не засну». Но расслабиться не удавалось.

В уме выстраивался план работы на сегодня, и это мешало. Стал считать. Но вспомнился анекдот, когда один спрашивает другого, как борешься с бессонницей? Считаю. До каких? До четырех. А ты? А я – до двух. Смешно стало от того, что до четырех оставалось где-то полчаса. Но все-таки сон подходил, еще немного и ...

Резкий телефонный звонок, как холодный душ, освежил мозг. И Алексей бросился в гостиную, чтобы снять трубку до второго звонка, чтобы не разбудить семью. В трубке сначала что-то скрипнуло, зазвенело, и он услышал приглушенный голос дежурного коменданта, которого сразу узнал. Дежурный говорил шепотом, словно извинялся за ранний звонок. А произнес он всего одну фразу – Вас срочно просят приехать в посольство.

Алексею хотелось переспросить кто, что случилось, какого... Но трубка уже пищала раздражительными гудками.

Его встретил дежурный по референтуре. Опустив протокольное, «Здрасте, как дела?» Он сообщил, что Алексею через полчаса будет звонок из Москвы. Значит, это служебный звонок. Если бы кто-то звонил Алексею по личным делам на домашний телефон в арендованной квартире, – платил бы Алексей. В те годы позвонить из Москвы в Южную Америку было возможно. От заказа телефонного звонка до самого разговора могло пройти до шести часов. Телефонный кабель от американского континента до Европы проходил по дну Атлантического океана. Стоимость минуты разговора

десять-двадцать долларов, сегодня это было бы сто-двести. Не слабо. Пока думал об этом, успел выпить чашку кофе и выкурить сигарету. Вскоре Алексея пригласили в переговорную комнату.

Радостно было услышать голос Федора, находившегося на расстоянии четырнадцать тысяч километров. А главное, он сообщил, что у родных и близких Алексея все в порядке, что сняло сразу ряд беспокойств. По делу – Федор сообщил, что к обеду, по местному времени, придет телеграмма, согласованная со всеми ведомствами о том, что Алексею поручается работа с известным советским геологом. Он вылетел вчера из Москвы рейсом 717, но связь с самолетом прервалась при подлете к Гаване. Над Кубой прошел ураган «Росита», нанесший серьезный ущерб экономике страны. Остров оказался обесточенным, связь пропала. Несколько международных авиарейсов не вышли на связь. Один частный самолет рухнул в море. По словам Федора, эти сведения пришли с советской военной базы на Кубе через возможности космической связи. Алексею поручается взять на контроль рейс 717, получать информацию, используя свой статус, и встретить профессора в столичном аэропорту. Обеспечить его всем необходимым и оказать ему всемерную помощь. В суть своей командировки он введет Алексея лично.

На срочном утреннем совещании у посла обсуждалась информация, полученная Алексеем из Москвы, и обзоры прессы об урагане «Росита», накрывшем Кубу. Выяснилось, что

этим же рейсом 717 в посольство летит представитель Министерства финансов для перерасчета окладов сотрудников в связи с высокой инфляцией в стране пребывания. Вопрос о повышении зарплаты волновал безусловно всех и это прида-ло дополнительный стимул для поиска информации по пока пропавшему рейсу. Для работы с представителем Минфина был назначен Валдис, имевший большой опыт для «развода» и «умиротворения» гостей.

Илья Петрович так крепко держался за колени, что его пальцы застыли, как при артритной судороге. После тако-го стресса его мозг отказывался руководить конечностями. Другие пассажиры также еще не пришли в себя и не могли забыть пережитое. Первым, конечно, пришел в себя экипаж. А командир воздушного лайнера распорядился предложить всем желающим по порции водки за счет «Аэрофлота». Дол-го сидели в самолете, здание аэровокзала было затемнено, никто не взлетал и не садился. Тропический ливень также быстро закончился, как и начался. Разговоры вдруг прекра-тились и все повернулись на восток, где медленно восходил ярко-желтый диск солнца. Как «Волшебная лампа Аллади-на» оно осветило все окрестности. И открылась картина апо-калипсиса. Вокруг здания аэропорта валялись пальмы, пере-вернутые мини трактора, тележки, фрагменты разбитых сте-кол.

К зданию аэропорта шли пешком, вздыхая насыщенный озоном воздух. Пока шли, дала знать о себе влажность, все

обливались потом. Вылетая из заснеженной Москвы, никто не думал, что предстоит такая прогулка. В помещении аэропорта было еще хуже. Вентиляторы и кондиционеры не работали, в генераторы забыли залить дизель. Люди сидели на скамейках, в баре, лежали на полу и старались меньше двигаться. Из-за урагана застряло около пятнадцати рейсов.

Геолог и Вадим нашли свободный пяточок и устроились прямо на полу. К ним моментально присоединился еще один мужчина. Вадиму он был знаком. Тот сразу представился Семен Семеновичем из Минфина. Вадим чувствовал, что смалодушничал в самолете вначале ЧП, и старался как-то восстановить свое реноме перед Ильей Петровичем. Он извинился, сказав, что отлучится минут на десять и направился в сторону бара. Действительно, через пятнадцать минут он вернулся с бутылкой рома, бутылкой «Кока-колы» и тремя «хот догами». Стало веселей и беззаботней. Семен Семенович почему-то почувствовал себя в этой компании «важной персоной» и сразу взял инициативу на себя. После трех порций рома он уже по-приятельски рассказывал, что давно летает по разным странам, где изучает в посольствах соответствие уровня зарплаты посла, от которой исчисляются оклады всех сотрудников загранпредставительств, – к уровню потребительской корзины. Содержимое потребительской корзины впервые составили еще при Чичерине, а законом ввели в 1936 году. И больше не пересматривали. В «корзину» входят стоимость, например, спичек, ниток, хлеба, молока и

т д. Словом, расплылся в улыбке минфиновец, – «я все это проверяю, и мое мнение решающее при корректировке зарплат. Встречают везде хорошо, даже очень хорошо. Показывают такие стороны местной жизни, что и в «клубе путешественников» не увидишь, – продолжил он. Короче, «Остапа понесло». «Мне по секрету сказали, что там, куда мы летим, со мной день и ночь будет некто Валдис. Он такие места мне покажет, что «пальчики оближешь».

Илья Петрович почувствовал какую-то брезгливость к этому ревизору и подумал, как бы и куда бы уйти. Но деваться было некуда. Вадим попросил в долг десять долларов и снова устремился в бар. Значит, этот чинуша ему нужен, сделал вывод геолог. А ревизор уже полулежал на рюкзаке, и раскуривая сигару, все распался и распался. Рассказал, чем в прошлом году завершилась его миссия на Кубе. Я, говорит, не знал, но мне объяснили, что Фидель, в целях получения валютных средств, разрешил дома «с красными фонарями» для иностранцев, где я и побывал. Только он собрался раскрыть некие подробности, аж пустил слюну, как его перебила информация по громкоговорителю о рейсе «Ил-62». Начиналась посадка. «Ну, ладно, потом расскажу, пообещал ревизор.

Шестью часами ранее, Алексей и Валдис на новенькой «Хонда Аккорд», приобретенной для прибалта вместо разбитой в хлам «Форд дель Рей», выехали в столичный международный аэропорт. Там начальником авиадиспетчеров ра-

ботал их общий приятель сеньор Марко. С ним познакомились на почве футбола, а отношения укрепились на основе славянского братства. Ну, обо всем по порядку.

В одно из воскресений сборную посольства по фульбиту пригласили в элитный, загородный клуб «Эль Боске» на матч со сборной этого клуба. Местную команду тренировал сеньор Марко-серб по национальности. В 1944 году советские войска освободили концлагерь в Венгрии, где он находился в заключении. Он не стал возвращаться к себе на родину из опасения попасть уже в концлагерь Тито. Разными путями добрался до Мексики и, в поисках заработка, пожил в нескольких странах. В конце концов основал картинный бизнес и «вышел в люди». К СССР относился с восхищением.

Что касается того футбольного матча, то Алексей до сих пор гордится своим триумфом. В той игре сборная посольства проигрывала 0–2, а в итоге выиграла 5–3 благодаря трем голам, забитым Алексеем. Местные тифози даже дали ему кличку «бразиленьо».

В аэропорту нашли сеньора Марко, которому и не надо было ничего объяснять. Ураган «Росита» наделал много шума и вывел из расписания сотни рейсов.

Сеньор Марко усадил приятелей в свой кабинет, угостил кофе и даже предложил знаменитую сербскую ракию из абрикоса. Он пообещал, что вскоре картина с рейсом 717 прояснится. Ждать прояснения ситуации пришлось часа два.

Наконец Марко вернулся в кабинет и сообщил, что «Ил-62» благополучно взлетел и через шесть часов будет здесь. Алексей позвонил в посольство и передал эту информацию для посла. Как гостеприимный хозяин, Марко долго не отпускал друзей и накормил их типично сербским обедом, который для него специально готовили. Алексей впервые отведал телячью чорбу и ягнятину на жару. Договорились пригласить Марко на борщ, домашние пельмени и русский квас.

С диспетчерской вышки Алексей и Валдис наблюдали, как советский лайнер плавно вышел из облаков, и через некоторое время его шасси коснулись взлетно-посадочной полосы. На борту царило праздничное оживление. Наконец кошмар закончился.

В зале прилета толпились встречающие. Илья Петрович увидел табличку со своим именем и отчеством и направился к человеку ее держащему. За ним увязался и Семен Семенович на правах старого знакомого. Вадим тихо исчез. Тут же подошел Валдис и, видимо, интуитивно узнал ревизора Минфина.

Стоявшее в зените солнце освещало и оживляло все, что нуждалось в энергии светила на высоте, почти в три тысячи метров... Для ползающих и летающих насекомых, только в эти часы, и была настоящая жизнь. Они бурно роились и в кустах, и над водной гладью лагуны.

Голубую поверхность лагуны пронзали солнечные лучи, будто сотни лазерных ножей без брызг входили в воду. До

дна они так и не доставали, погружая в вечный мрак все, что могло обитать на километровой глубине.

Идеальные очертания лагуны в форме круга, как бы нарисованного гигантским циркулем, были видны только громадным кондорам, парящим на высоте, позволяющей обозревать все и всех.

В предзакатные часы снежная вершина, одна из самых высоких в Западных Кордильерах, как в зеркале отражалась на водной поверхности лагуны.

На берегу лагуны в небольшой хижине сидели двое, излучавшие умиротворенность в этой пейзажной идиллии.

Ну, что, Илья Петрович, как вы здесь, удалось ли поработать?

– Алексей вы с Федором все прекрасно организовали. На биостанции Всемирной организации здравоохранения прекрасные условия. Сейчас многие сотрудники в отпусках, поэтому все сложилось для меня идеально. И местный переводчик есть, и машина, ну и, конечно, трехразовое питание. Почему я выбрал этот район? Потому что здесь, несколько лет назад, случилось сильное землетрясение, в результате которого на поверхность выбросило породы, залегавшие глубоко в земле. В радиусе пятидесяти километров я исколесил здесь много мест. Очень полезно и продуктивно. Отсюда я запросил Москву, благо есть на базе космическая связь, сделать снимки этого района из космоса. Короче, есть о чем докладывать, есть над чем поработать. Только вопрос в том, ко-

му сейчас это надо. Для разработки проекта нужны хорошие инвестиции и среднесрочная перспектива. Горбачев слаб, и Союз может, вскорости, развалиться. Денег нет, Горбачеву Запад много обещает, но не дает. Как бы моя работа не оказалась бы «в стол».

Алексей не знал, как ответить на риторические вопросы геолога, а вместо этого порылся в рюкзаке и достал конверт. Это было письмо от Федора.

– Вот, Илья Петрович для вас, почитайте, получили последней диппочтой. Может там и ответы есть на ваши вопросы и сомнения.

Одновременно Алексей достал термос и разлил по чашкам чай из листьев коки. Задул ветер и потянуло прохладой. Лагуна постепенно меняла краски с голубого, на изумрудный. От вдруг появившейся ряби, отражение снежной головы вершины раскололась в мозаику на мириады частей.

Илья Петрович дважды перечитал письмо и задумался, глядя на воду, маленькими глоточками отпивая чай. Так он просидел минут десять. Алексей от природной дипломатичности вопросов не задавал. Надо будет, сам скажет, думал он.

Наконец геолог допил чай и попросил спички или зажигалку.

– Я думаю это лучше сжечь, всякое может случиться, и обронить можно, или еще что-то.

– Что вы имеете в виду?

– Да, на биостанции есть один странный тип – америка-

нец, все время вопросов много задает, присматривается. Меня Федор ориентировал, что, от таких, лучше подальше держаться. Из письма следует, что мы сегодня ночуем на биостанции, а завтра едем в какое-то ваше место, о чем вы мне расскажите по дороге. Поскольку еще одна ночь на станции, я письмо и сжег. Кстати этот американец немного говорит по-русски.

Двухэтажный особняк девятнадцатого века располагался в предгорье и был обнесен высоким забором. Он чудом уцелел при сильном землетрясении. А может быть был построен по науке. На ресепшен Алексею предложили соседнюю с геологом комнату, но за отдельную плату, так как он не был прописан в договоре Ильи Петровича с биостанцией. Приняли душ после пыльного спуска от лагуны, жаркого дня и еще теплого вечера. В спортивной одежде – джинсы, тенниски – спустились в ресторан. Столики размещались на лужайке под пальмами, деревьями папайи и манго. Рядом была большая клетка с Ара, который мог произнести несколько фраз на испанском языке. Но произносил их он только, получая какую-то еду.

Илья Петрович, уже на правах бывалого гостя Анд, предварительно заказал острую закуску из горной чечевицы с киноа и чили, кукурузную поджарку с мясом козлятины, а на горячее жаркое из ламы с овощами. Под красное вино от местного винодела вкус еды удваивался. Перед тем как перейти к кофе с коньяком решили позабавиться с попугаем.

Алексей еще ни разу в жизни не видел такого аттракциона. Когда попугаю давали кусочки сырой чокло, он распушивал хвост, наклонял головку и, откусив несколько зерен, резко ее поднимал и, четко артикулируя звуки, произносил – «Би-ва, ла демокрасия!» (Да здравствует демократия). Другой коронной фразой птицы была – о футболе: «Марадона чемпион!» (Марадона чемпион). Говорят, что ранее он жил в аргентинской семье.

Общение с попугаем привнесло дополнительную экзотику и развеселило. Правда подошел хозяин птицы и сказал, чтобы гости вовремя остановились. Когда попугай улавливает запах алкоголя, то начинает отборно материться, так как рос на маргинальных задворках района Боки в Буэнос-Айресе.

Кофе с коньяком падал, как бальзам на душу, и не хотелось расходиться. Однако завтра ранний подъем.

Хотели было уже встать, как над геологом нависла плечистая фигура.

– Илья как я рад, что застал тебя, я обязательно хотел проводить тебя. Задержался, встречая коллегу из посольства. Давайте знакомиться, я – Дик Вокер, сотрудник ВОЗ, и он посмотрел на Алексея, а это – мой друг Рон Николсон, вице-консул посольства США.

Пришлось представиться и Алексею, несколько оробевшему от неожиданности. Такие внезапные встречи с американскими дипломатами всегда несли какую-то угрозу. Советские представители не раз подвергались подходам аме-

риканцев, которые часто заканчивались провокациями. Под предлогом безопасности, некоторых сотрудников досрочно отправляли в Москву, «от греха подальше». А по жизни, это было по карману уезжающих. Кто-то не успел на кооператив накопить, кто-то на дачу. Алексею же на автомобиль нужно было откладывать еще около года.

Пока Алексей лихорадочно анализировал сложившуюся диспозицию, Вокер, бесцеремонно, подставил к столику два стула и пригласил всех сесть. Затем, достал из фирменного пакета две литровых бутылки «Джони Уокера» блэк лэйбл. Одну протянул Илье Петровичу и сказал:

– Илья – это продукция нашего семейного бизнеса, возьми с собой в Россию. И, откупорив вторую бутылку, добавил:

– А эту сейчас будем пить за твой отъезд. Ты что, хотел тихо «по-английски» уехать? Нет, мы тебя проводим по-нашему, по-техасски. Сколько мы с тобой выпили за это время? Ах, не считал, зато я считал, – вот и счет принес, и американец громко рассмеялся.

– Этого еще не хватало. Этот гринго мог спаивать геолога, а он – на это дело слабоват. И мог выведывать у него цели и задачи его миссии. Еще и за него придется отвечать, – не успокаивался Алексей.

Тем временем, и второй американец пытался вывести Илью Петровича «на брудершафт». От такой бесцеремонности, переходящей в хамство, у Алексея сводило скулы. Надо что-то делать и спасти товарища, который от второй порции

виски заметно поплыл. А что сделаешь? Они все подливают и подливают. Геолог начал откидывать голову назад, теряя контроль над собой. Было заметно, что к нему американцы интерес потеряли. Значит, они меня спойть хотят, – догадался Алексей. Ну, что ж, посмотрим.

Илья Петрович уже видел какой-то сон, крепко держа подаренную бутылку виски в руках, когда закончилась откупоренная Вокером первая бутылка. Американцы переглянулись, – мол, что делать?

Вокер извинился и пошел в номер, а Николсон завел разговор о возможном развале СССР, и не потеряет ли Алексей работу. Он добавил, что его коллега был на лекции Алексея в столичном университете и рассказал ему о триумфе русского дипломата.

Алексей понял – начинается самое главное. Как бы угадывая его мысли, Николсон отметил, что с такими способностями в Америке Алексей стал бы преуспевающим человеком, а не копил бы на машину годами. И про машину знают, – насторожился Алексей.

Вокер раскупорил еще одну бутылку и началось: кто-кого. Американцы не спускали глаз с Алексея, а он в свою очередь с них. Никто вроде бы не пытался обманывать. Но ведь они могли принять какие-нибудь таблетки, ЦРУ на это большие мастера, – думал и думал Алексей.

Когда Вокер включил кассету танго, стройной беседы уже не было. Каждый говорил о своем, пытаясь перекричать двух

кассетник. Первой на стол упала голова Николсона. Недокуренная сигара чуть не воспламенила скатерть. Но из – под земли выросший бармен вовремя ликвидировал ЧП, но, не рассчитав прыжок к столу, по неосторожности задел стул Николсона. И тот упал на газон. Скорее всего он ничего не почувствовал, на лице так и осталась детская улыбка.

Прикончив вторую бутылку, Алексей спросил:

– Что будем делать дальше?

Вокер загадочно улыбнувшись, пошел в сторону номера.

Вот неугомонный, – думал Алексей.

Прошло пять минут, десять, а американец все не появлялся. Наверно, какую-то новую комбинацию задумал. Но его все не было. Устав ждать, Алексей зашел в его номер и увидел Вокера, заснувшим прямо над унитазом. Характерный запах сопутствовал этой сцене.

Вернувшись в бар, Алексей попросил бармена отвести Николсона на кровать, а также уложить Вокера. Приподнял Илью Петровича, который мертвой хваткой держал бутылку виски, и отвел его в номер.

Центральная площадь столицы, Пласа де Армас, жила своей привычной жизнью, вот уже более четырехсот лет, как при испанском вице-королевстве, так и при Республике и военном правительстве. Как она выглядит сейчас, так она архитектурно сложилась при испанцах. Площадь – ровный квадрат, в середине фонтан. Ее формируют – президентский дворец, напротив здание муниципалитета, справа – резиденция

архиепископа, слева – гостиница и ресторан.

Жизнь на площади не прекращается ни днем, ни ночью. Все крутится и вертится и днем, и ночью, как сейчас говорят 7/24.

Испанская колониальная архитектура – главная доминанта, она сразу берет в плен и не отпускает долго – долго. Несмотря на современные автомобили и одежду, ты все равно окунаешься в средневековье. Развод гвардейцев перед президентским дворцом только усиливает это ощущение. А «ароматы» из подворотен возвращают во времена, когда здесь еще не было водопровода и канализации.

Площадь живет сумбурно и хаотично. Крики уличных торговцев и зазывал соперничают с клаксонами, вереницей ползущих, авто и свистками транспортной полиции.

Обеденные часы, когда особенно многолюдно, рай для карманников и организованного криминала. Вот идет плечистый блондин с прической, выдающей в нем морского пехотинца из охраны посольства США, оно неподалеку. Он небрежно болтает со своей подружкой, местной креолкой. Вдруг, в момент, их обступает ватага ребятишек ростом «метр с кепкой». Они кричат, галдят, размахивают руками, берут жертву в узкий круг, кто-то отвлекает, кто-то шарит по карманам. Блондин пытался отогнать их, но они мигом разбежались. Морской пехотинец остался без бумажника и дорогих часов. Этой методе придумали название – ограбление «пираньи».

После плотного обеда в ресторане «Эль Маар» Семен Семенович предложил Валдису прогуляться по площади «Пласа де Армас» и посмотреть смену караула у президентского дворца. Прибалт пытался отговорить минфиновца, но тот был непреклонен. Палящее солнце пронизывало с головы до ног, вызывая медлительность в движениях и мыслях. Семен Семенычу все было впервой, он крутил головой из стороны в сторону, восхищаясь и недоумевая. В какой-то момент небольшая группа людей отсекла его от Валдиса, но он этого не заметил. Его взгляд встретился с большими карими глазами девушки, стоявшей в подворотне. Она делала ему какие-то знаки, и он, чтобы ответить, вытащил правую руку из кармана пиджака, в котором лежала пачка денег. Валдис специально его предупредил не брать бумажник, а положить деньги в карманы брюк.

Кто-то похлопал ревизора по спине и показал вниз, где на брусчатке лежало несколько мелких монет. Семен Семенович нагнулся, чтобы собрать якобы оброненные деньги. Когда он выпрямился, вокруг никого не было, а навстречу бежал Валдис.

– Ну, Семен Семеныч, ты что отстал? Что за люди снуют вокруг тебя? Проверь, деньги на месте? Когда ревизор, обливаясь потом, пытался объяснить, что увидел красивую девушку, Валдис уже все понял. По его команде Семен Семеныч засунул руку в правый карман пиджака и обнаружил, что карман аккуратно обрезан снизу. Денег естественно не

было.

Эх, Семен Семеныч, хотел сказать прибалт, но воздержался, увидев, что минфиновец так побледнел, что, казалось, он упадет в обморок. Но Валдис сталкивался с подобными ситуациями. Достав посеребренную фляжку, он буквально влил сто грамм коньяка ему в рот. Ревизор на минуту закрыл глаза, сделал глубокий вдох и начал розоветь, как помидор на ветке под инфракрасным светом. Но все-таки, опыт его не подвел – часть денег оказалась в брюках.

– Ну что, уважаемый, поехали домой, – предложил Валдис.

– Но мы же еще не купили говорящего попугая. Как раз для этого и деньги остались.

Этого прибалт всеми силами хотел избежать, так как нужно было ехать в самый криминогенный район старого города.

Когда-то там проживала достопочтенная публика, но в последнее десятилетие, и экологическая, и криминальная ситуация вынудили многих креолов переезжать ближе к океану, где образовались два-три престижных района. А тем временем маргиналы стали заселять старый город и дома, построенные еще при испанцах. Там образовалась что-то похожее на Хитровку, по Гиляровскому. Расцвели: контрабандные рынки, дома терпимости и торговля наркотиками, всего лишь в километре от президентского дворца. Полиция старалась обходить эти зоны.

Валдис очень не любил эти места и пытался, прямо и кос-

венно побудить коллегу отказаться от похода за попугаем.

– Если купим, как ты его в Москву повезешь?

– Вадим обещал, по-тихому, отправить на корабле в Одессу, а там, у меня родственники.

– А таможня?

– Это вопрос Вадима, он кое-что должен. Так что поможет.

– Ну, ладно, давай зайдем на парковку, она неподалеку. Оставим в машине пиджаки и галстуки, чтобы быть ближе к народу.

Действительно, без цивильных пиджаков, они почувствовали себя увереннее в этом благоухающем нечистотами районе. Сначала подошли к небольшому птичьему рынку, и Валдис, на хорошем местном сленге, несколько раз употребив слово «каброн» (козел), и, показывая на Семен Семеныча, объяснил проблему. Местный торговец долго смеялся из-за того, что один белый назвал другого белого козлом. На его памяти это было впервые. Поэтому он вызвался проводить их к месту контрабандной торговли. Торговец гарантировал скидку двадцать процентов, если Валдис заплатит вырученные деньги ему.

По узкой улице пошли немного вверх, а потом свернули направо к подъезду большого трехэтажного дома. На вид дому было лет четыреста. В подъезде Семен Семеныч на что-то наступил и чуть не опрокинулся навзничь. Хорошо Валдис поддержал. Оказалось, это была дохлая крыса. Местный

проводник объяснил, что этого добра здесь хватает, но все привыкли. Ревизора данное обстоятельство не остановило.

– Упорный мужик, – подумал прибалт.

– Осторожно, крикнул проводник и резко оттолкнул минфиновца в сторону. Через доли секунд на то место, где он стоял, вылился поток мутной воды, не меньше ведра, но с запахом шампуня.

– Это наши девочки готовятся к вечерней смене. У меня с ними контракт – для моих клиентов скидка двадцать процентов. Если хотите ...

– Нет, нет, замахал руками Семен Семенович. «Русо туристо обликом морале». Но местный ничего не понял.

Валдис вспомнил, что минфиновец так и не рассказал ему как он провел вчера вечер с Вадимом. Ну, и Бог с ним, это его проблемы.

Долго шли какими-то переходами и, казалось, что по кругу. Проводник все приговаривал типа «еще немного, еще чуть-чуть». Наконец, зашли в какую-то комнату, почти без мебели, и проводник сказал, что сейчас он приведет продавца с товаром. Прибалт почернел, предчувствуя недоброе. Минфиновец извиняющимися глазами смотрел на него. Ведь никто в посольстве не знает, где они находятся. В дверь заглянул небольшого роста мальчуган и что-то крикнул, им крутя пальцем у виска. Что он прокричал, даже Валдис не понял. Появился проводник и заявил, что хозяин товара подозревает, что вы американские копы. Поэтому цена удваи-

вается.

– Я не смог его переубедить, – сказал проводник.

– У нас нет таких денег, – проговорил Валдис. А мы на тебя рассчитывали.

– Пойду, еще раз переговорю с хозяином птицы.

Местный вернулся только через полчаса. Нервы Валдиса и Семен Семеныча были на исходе. Они понимали, что всякое может случиться. Проводник передал последнее слово неизвестного им продавца, что никаких уступок – двойная цена.

Ну что, тогда выводите нас отсюда, – приказал Валдис. – Только после того когда получу двадцать долларов. Пришлось дать местному деньги, чтобы хоть как-то гарантировать путь назад. Проводник сказал, что, десять баксов он должен отдать владельцу попугая, и выскочил из комнаты.

Время шло, никто не появлялся. Семен Семенович понуро смотрел на Валдиса и молчал, обливаясь потом. Прибалт тоже молчал, просчитывая варианты. Убить не убьют, бить тоже не должны. Им нужны только деньги. Может и попугая здесь никакого нет. Словом, вляпались.

Минут через пятнадцать снова появился проводник. Он даже в тусклом свете сиял как начищенный пятак.

– Короче, вопрос решен в вашу пользу. Хозяин просит еще двадцать баксов сверху, и птица ваша.

– А где гарантия, что она говорящая?

При этих словах Валдиса в комнату вошел низкорослый,

квадратного телосложения мужик, с лицом мексиканца. В руках он держал пыльную коробку из-под каких-то сигарет, название не читалось. «Мексиканец», как сразу окрестил его прибалт, открыл коробку и вытащил клетку. В ней действительно сидел попугай, похожий на амазона. На головке был желтый кружок, который считается признаком породы. А также признаком обучаемости к копированию человеческого голоса.

Мексиканец что-то дал птице, она это что-то вырвала клювом и цокнула им так, как будто молотом ударили по наковальне. Попугай повернулся к зрителям задом и четко произнес – «Байяте, ихо де пута». Валдис мягко перевел минфиновцу – «Убирайся, твою мать». Эта жесткая фраза, почему-то, произвела на покупателя такое впечатление, что он сразу достал требуемую сумму. Сделка была закреплена рукопожатиями. Мексиканец для обучения попугая рекомендовал следующую методику – смочить хлеб в вине и дать птице, накрыть клетку любым покрывалом, и в течение получаса, повторять какую-нибудь фразу, но не более четырех слов.

Радости Семеныча не было предела, и он даже хотел расцеловать по-брежневски мексиканца, но Валдис вовремя его остановил. Клетку поместили опять в коробку и в сопровождении проводника направились к выходу. По дороге местный успел выклянчить у ревизора еще десять долларов. Но тот был в такой эйфории, что не торговался. Пока шли, он

вслух рассуждал, как будет обучать птицу. Первой фразой станет – «Слава КПСС». Как он искоренит все ругательства, чтобы не травмировать жену и детей.

Но вот и дверь парадного. Хотели попрощаться с проводником, но тот как в воду канул.

– Ну, и хрен с ним, сказал осмелевший ревизор.

Яркий свет улицы слепанул так, что оба погрузились в ночь на несколько секунд.

– Держи крепче коробку, – успел прокричать Валдис.

Совет, оказался кстати, поскольку у парадного толпилось несколько бомжей. Оба наших героя напряглись, готовясь к испытанию попошайками. Но их вдруг как ветром сдуло. Ну и славненько мысленно перекрестился прибалт.

– Давай, Семеныч, ноги в руки.

И они повернулись в сторону движения к парковке. Но едва сделали два шага, как застыли от пронзительной трели полицейского свистка. Повернулись и увидели, что к ним, крутя свисток на пальце, неторопливо идет высокий, для местных чол, полицейский.

– Сеньоры, – приглушенным баритоном сказал он.

– А что у вас в коробке? Сегодня мы проводим рейд против торговцев контрабандой. Проверяем всех, кто выходит из этой криминогенной зоны. Покажите, что там, и я вас не задерживаю. И коп расплылся в улыбке.

– Валдис, что будем делать? – взмолился минфиновец.

– Не знаю, для начала покажу документы. И он стал ша-

ритель по карманам, но тут же вспомнил, что все в пиджаках, а они в машине. Плохи дела, – сразу решил он. Но может речитативом заболтаем. И начал.

В начале, Валдис несколько раз проговорил, что является дипломатом дружественной страны. Что с уважением относится к работе полиции и так далее, и тому подобное. Он хотел продолжить свой монолог, но полицейский прервал его просьбой показать документы. Объяснения прибалта, что корнет в машине, а авто на парковке привели к тому, что коп начал расстегивать кобуру.

– Или открываешь коробку, или идем в участок, а там разберемся какие вы, твою мать, дипломаты, – очень нехорошим тоном прошипел полицейский.

Делать было нечего, и Валдис неохотно открыл коробку. Из клетки показалась желтенькая головка птицы, и неожиданно прозвучала знакомая фраза – «байате, ихо де пута». Полицейского аж перекосило. Он, конечно, понял эти слова дословно, а не в мягком переводе прибалта минфиновцу.

– А это уже оскорбление представителя власти при исполнении, это статья, сеньор дипломат, – еще более нехорошим голосом, брызгая искрами из глаз, сурово сказал коп.

– А вторая статья – это участие в контрабандной сделке. Этот вид пернатых запрещен для отлова, в целях перепродажи и приобретения.

Вот здесь, до Валдиса дошло, что они попали в так называемую мошенническую схему «карусель». И появление ко-

па – часть схемы. Значит, ему нужны деньги, а их нет. Тогда он может взять птицу и получить пиастры с хозяина пернатого.

Полицейский одновременно думал о том же самом, поскольку знал свое слабое место-приобретение этой конкретной птицы – не криминал, к тому же сегодня официально у него выходной день, и при всем желании, он не смог бы отвести их в участок.

Но Валдис не был экстрасенсом, более того, усталость от капризного Семен Семеновича, и вся эта эпопея в маргинальном районе, – сделали свое дело. Поэтому он сразу сказал ревизору, чтобы избежать следствия за участие в контрабандной сделке – птицу надо отдать. Взяв коробку с птицей, коп подмигнул прибалту, и они разошлись в разные стороны.

Обливаясь потом, Илья Петрович карабкался за Алексеем вверх по еле заметной козьей тропе. Как он не отнекивался, но все же пришлось ввязаться в мифологическую авантюру, как он называл про себя, эту просьбу Федора. У него никак не укладывалось в голове – при чем здесь он, доктор геологических наук, и какая-то древняя индейская легенда. Но пришлось также уважить Алексея, который предотвратил угрозу «американского крепкого объятия». Если бы Алексея не было бы в тот вечер на биостанции, янки могли его втянуть в какую-нибудь «историю». А там, и партбилет на стол, а то еще, и конфискация имущества. Федор ему рассказывал о подобных случаях. Вот теперь приходится отдуваться. Алек-

сей, конечно, пообещал лишнего не рассказывать. Но все же осталась одна тайна. Но лучше об этом не вспоминать.

С серпантина горной дороги, когда Алексей впервые показал, куда им надо забраться, казалось, что цель недалеко. Ну, два часа, ну три. Но их восхождение занимало уже пять часов. Хорошо вышли рано, чтобы не ночевать. Однако, предусмотрительный Алексей нес на себе рюкзак альпиниста, где было все для ночлега.

Алексей тем временем тоже много думал, что зря они куда-то лезут. «Рожденный ползать летать не сможет». Ну, приснился ему этот дурацкий сон. И что все золото инков в кармане? Может Федор чего-то не договаривает, и ему просто нужна какая-нибудь пещера как тайник? Ведь он намекнул, что всякое может случиться. А что там прятать?

А тропа все крутила и крутила. Уже угол до цели стал больше сорока пяти градусов. Но видно козы были опытными альпинистами – тропа мягко закручивала повороты, и идти в гору было несложно.

Звук падающей воды привлек внимание обоих. Подошли ближе, присмотрелись. Из расщелины бил небольшой фонтанчик. Попробовали, на вкус прямо «Боржоми». Заменяли воду во фляжках. Решили много не пить, ведь пройдено только полпути. Из графика выбивались уже часа на три. В конце концов, добрались до утеса, который Алексей вроде бы видел во сне. Ничто, конечно, не узнавалось, но перед геологом он решил немного пофантазировать. Получилось

убедительно. За исключением парящих кондоров.

– Илья, дошли наконец-то. Здесь все так, как мне приснилось.

На выступающем утесе оказалась ровная площадка, небольшая, но достаточная, чтобы разбить лагерь для двоих. Единственный минус – не было защиты от ветра. Колючий кустарник плотно защищал вход в угадывающуюся расщелину. Перед входом в узкий лаз, куда мог протиснуться один человек, Алексей предложил оставить вещи снаружи.

– Фонарь у меня есть. Я закрепляю на поясе веревку, а ты, при входе, будешь меня страховать. Как говорил мой дядька – «не зная броду, не суйся в воду». Что там внутри мы, действительно, не знаем.

Альпинистским топориком Алексей подрубил кустарник и осветил фонарем. Постепенно зрение адаптировалось. Проход расширялся и, метра через полтора, здесь уже могли разместиться два человека. От выброса адреналина немного была дрожь. Пройдя еще на метр вперед, Алексей наткнулся на стенку, явно рукотворного происхождения. Она была сооружена из массивных камней, которые так плотно прилегали друг к другу, что и бритву не просунешь. Ни топорик, ни, тем более, руки и ноги для ее разрушения не годились. Цель достигнута, но ответа на главный вопрос не было. Кто, что и зачем?

Да, место интересное, но похоже бесполезное для тайника. Что там за стенкой, без мощного отбойного молотка не

ответишь. А вдруг разбудишь каких-нибудь духов?

На всякий случай Алексей сделал необходимые снимки, зарисовки и маршрут движения.

Перекусили и стали готовиться к спуску, который часто бывает не легче, чем подъем. Разглядели другую козью тропу, показалось, что она более прямая к небольшому плато, откуда начали восхождение. А от плато рукой подать до деревушки, где оставили машину под присмотром местного фермера.

Новая тропа оказалась шире и более натопанной. Это обрадовало путников. Илья Петрович неожиданно проявил себя как мастер анекдотов. Особенно, ему удавалось копировать кавказский акцент и закачивать анекдот бурным смехом, что не могло оставить другого безучастным. Алексей давно так не хохотал. Так и спускались в приподнятом настроении.

Вдруг, резко потемнело и то ли сбоку, то ли в лицо ударил порывистый ветер. Раздался звук, похожий на дальние раскаты грома. Геолог сразу сориентировался и с беспокойством произнес:

– Это гроза, надо искать укрытие.

Мысли заработали в одном ключе, нельзя было терять ни минуты. Алексей, с поворотом на 360 градусов, просканировал местность на ближайшие метров двадцать-тридцать. Ему сразу вспомнились рассказы команданте о косвенных признаках возможной пещеры. Но здесь не было ничего похо-

жего. Продолжали спуск, постоянно прочесывая местность взглядом. Все бесполезно. Сверкнула молния, громыхнуло так, что заложило уши. Но пока, к счастью, не было дождя. Сильный боковой ветер мешал спуску, прижимая по склонам горы кустарник и невысокие деревья. И это облегчало вглядываться в окружающую местность. Внезапно стало светло как днем, а звуки грома потонули в шуме падающей воды. Инстинктивно, как бы уклоняясь от неизбежного столкновения с препятствием, Алексей сделал три прыжка вправо и увидел очертания скалы, которая могла стать их спасением. Какая-то высшая сила направила его туда, а порыв фронтального ветра опрокинул Алексея прямо на скалу. Он упал, но не на скальный выступ, а куда-то в пустоту. Дождя там не было. Пошарив руками в темноте, он понял, что это укрытие. Когда он высунул голову наружу, его обдало потоком воды, падающей сверху. Сквозь пелену брызг еле разглядел фигуру Ильи Петровича, не понимающего, что произошло.

– Бегом сюда, ко мне, здесь укрытие. Но геолог озирался в непонимании. Помогла новая вспышка молнии, и оба увидели друг друга. Насквозь мокрый, геолог вполз в спасительное убежище.

Первым делом переоделись в сухие спортивные костюмы, которые взяли «на всякий пожарный», – вот он и наступил. Мокрую одежду сушили, используя туристическую керосиновую плитку. Не спеша, стали перекусывать галетами

и вяленным мясом. Пригодилась и бутылка «голубого» джина «Бомбей». Параллельно осматривались. Мощный фонарь помог увидеть все. Через два метра проход в пещере начал расширяться. Если вначале ползли на четвереньках, то дальше, вглубь, можно было встать в полный рост. Продвинулись вперед еще метров на семь, и проход сузился до лаза, в который мог пролезть только ребенок. Алексей смог просунуть туда фонарь и увидел, что за лазом все обрывается вниз. То есть, как тропинка, идущая в пропасть. Где-то в глубине этой пропасти был слышан шум воды, возможно, там протекала подземная река. Присмотревшись к расположению камней на дне этого убежища, геолог сделал вывод о том, что очень давно это место было выпускным клапаном, который пробил горная река. В последнее время, похоже, пещерка оставалась сухой.

А дождь все не стихал, он как китайские занавески-вишюльки закрывал вход в убежище. Мощные раскаты грома глушились толстыми сводами пещеры. Постепенно высохла одежда. Оба путника еще раз обошли внутри все кругом и убедились в полной безопасности ночлега. Спать, правда, было не на чем. Но усталость и стресс взяли свое. Стоило лечь на рюкзаки и расстеленные спортивные костюмы, как сон пришел моментально. Среди ночи по несколько раз просыпались и тут же засыпали под музыку дождя.

Проснулись практически одновременно под щебет и трели птиц, и от яркого солнечного луча, заглянувшего через

узкий лаз пещеры.

Выглянули наружу, яркое солнце и аромат подсыхающей листвы вселяли оптимизм. Решили быстро все собрать и спускаться к машине. И в деревне же позавтракать. Но Алексей не удержался и решил внимательно все осмотреть при солнечном свете. Сделал один круг, второй, и едва повернулся к выходу, как периферийное поле зрения просигнализировало «тревогу». На внутренней, гладкой поверхности пещеры едва угадывались какие-то буквы. Достал фонарь из рюкзака и посветил. Точно – это был небольшой текст, нацарапанный камнем.

– Илья быстрее сюда, не поверишь, здесь что-то написано, точнее нацарапано. Давай, не тяни!

Пытались прочесть. Некоторые буквы или плохо были нацарапаны, или исчезли по другим причинам. Вставляя по смыслу отсутствующие буквы, получилась первая фраза. «Аки эль оро фальта» – «Здесь золота нет». Со второй фразой пришлось помучиться дольше, но, наконец, разгадали и этот кроссворд. С подобранными буквами фраза гласила – «Лос Андес но се абрен сус абрасос» – «Анды не размыкают своих объятий». И вместо подписи дата – 1882 год.

Вот такие дела, тут кто-то был почти сто лет назад. Искатель золота инков? Тайников с кладками? Все это повеяло читанными в детстве книгами «Остров сокровищ», рассказами Фенимора Купера и т. д. Алексей и Илья Петрович молча смотрели на едва угадываемый текст и думали о своем. Эта

находка воспринималась как заслуженная награда за их поиски. Алексей подумал о том, что эта история может стать сюжетом романа, рассказа или просто экзотической темой при общении с друзьями. Не хотелось уходить, не помечтав о том, как они только прикоснулись к загадкам Анд.

В лучах восходящего солнечного диска, на фоне ярко синего неба, гордый кондор невозмутимо парил на большой высоте, как истинный хозяин воздушных просторов. Он, то описывал круги, то, как вертолет, зависал и вглядывался куда-то вниз. Казалось, что все его маневры не хаотичны, а подчинены определенной логике. Конечно, как любой хищник он высматривал добычу, но какое-то чувство, на подсознательном уровне, подсказывало, что гордая птица несет и другое предназначение. Какое? Кто или что может управлять ее сознанием? Только ли инстинкты?

Вот стая перелетных птиц, летящих в сторону океана, почти выбилась из сил. На их пути, на высоте почти четыре тысячи метров, замаячило плато с каменной глыбой, похожей на гигантский куб. Чем не место для транзитной остановки? До глыбы оставалось несколько десятков метров, как кондор, падающий камнем с большой высоты, за секунды приблизился к стае. Откуда он взялся и зачем? А птицы миновали гигантский куб и полетели дальше. Кондор почему-то отогнал птиц от этого места.

Вот так парит царь неба изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год на протяжении своей жизни. Его маневры рас-

считаны природным навигатором, и ошибка не допускается. Не все понятно, на первый взгляд, в чем предназначение гордой птицы, именно здесь, на далеком от какой-либо цивилизации горном плато. А может быть, здесь раньше существовала цивилизация, в самом сердце Анд? Что-то об этом напоминает? Может быть это? Может надо повнимательнее присмотреться к траекториям кондора?

На восходе солнца, в одно и то же время, он садится на восточную сторону каменной глыбы в форме куба. Движения вытянутого клюва и постукивания им по камню похожи на знаки приветствия? Они не случайны, а как-то правильны. Не сразу разгадывается эта загадка. И только внимательно присмотревшись с разных углов и с разных сторон, увидишь в камне профиль человека, а, точнее, представителя желтой расы.

Когда солнце в зените, кондор вновь планирует на камень, и на южной стороне глыбы проступает профиль человека, но уже белой расы. И снова, те же движения клювом по камню. В закатные часы картина повторяется. И на западной стороне того же камня вырисовывается профиль человека негроидной расы.

Как появились эти каменные изваяния, которые присутствуют и на других глыбах, разбросанных на плато? Если это работа ветра, осадков и эрозии, то как понять четко выраженное отношение к ним кондора? Если это рукотворные следы, то ситуация еще более запутывается.

Инки, владевшие до прихода испанцев этими районами Анд, опасались данных мест.

Так, на плато Маракауаси в Перу, на высоте четыре тысячи метров, было обнаружено несколько десятков каменных изваяний с различными профилями. Инки называли это место проклятым. Почему? Никто не знает. Первооткрыватель Маракауаси перуанец Даниель Руссо доказывал, что профили на камнях людей, животных и птиц, даже никогда не обитавших в Южной Америке – это послание древней высоко развитой цивилизации. Какое? По мнению Руссо – Маракауаси – это могильник каких-то чрезвычайно опасных отходов, которые должны быть скрыты под толщей скал. Известный путешественник Тур Хейердал, посетивший Маракауаси, был озадачен таким большим скоплением изображений на камнях на очень маленькой площади. Он также не мог поверить в то, что это творения природы. Люди часто и долго находившиеся в Маракауаси чувствовали изменения в сознании и помешательства. Не радиация ли это?

В наши дни тайны величественных Анд ассоциируются с империей Инков. Инки, в свою очередь, обогатившиеся знаниями доинкских культур, никак не объясняли многие тайны. Например, возникновение линий и рисунков на плато Наска. В могилах верховных инков находили камни разной величины с рисунками операций по трепанации черепа. Часть этих находок хранятся в музее камней в городе Ика. Там же экспонируются камни с рисунками охоты мест-

ных аборигенов, верхом на динозаврах, на других доисторических животных, вымерших миллионы лет назад. Разгадок нет до сих пор.

Кто же объяснит? Кто разомкнет объятия Анд?

Диалектика – наука о развитии всего живого на нашей планете – не стоит на месте. Может она подскажет историкам и археологам пути к тектоническим открытиям. Известно, что некоторые такие открытия заканчивались трагически. Вспомним судьбу исследователей, которые первыми вошли в пирамиду Хеопса. Может быть, не даром мудрые инки обходили стороной каменные изваяния на Маракауаси. Относительно недавно погибла вся экспедиция Дятлова, пытавшаяся разгадать тайны ханты-мансийских гор. Не опасно ли лезть в чужие секреты?

Наверное, кондоры-стражи магических объектов в Андах знают больше нас и нас предупреждают?

Москва – Махмутлар

2020–2021 год